Еврейская Антологія

СБОРНИКЪ
молодой еврейской поэзіи

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе.

ПРЕДИСЛОВІЕ

М. О. Гершензона.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САФРУГЪ“

Еврейская Антологія

СБОРНИКЪ
молодой еврейской поэзіи

подъ редакціей
В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе.

предисловіе
М. О. Гершензона.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САФРУТЪ“

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

Предисловіе.

Въ этой книгѣ собраны лучшія произведенія ново-еврейской лирики; но стихотворный переводъ—печальная вещь. Въ подлинникѣ каждое изъ нихъ переливаетъ радугой, играетъ безчисленными цвѣтными лучами; переводъ неизбѣжно гаситъ большинство тѣхъ лучей и многіе замѣняетъ иными. Поэтому нѣтъ смысла говорить здѣсь о художественномъ содержаніи сборника. Что еще уцѣлѣло въ пересказѣ отъ живого вдохновенія подлинниковъ, пусть непосредственно внѣдрится въ душу читателя. Я же скажу лишь о томъ, что̀ и переводъ доноситъ до читателя полностью, хотя значительно ослабивъ въ яркости: о психологическомъ содержаніи этихъ пьесъ.

Точно изъ стараго мшистаго корня вознесся свѣжій побѣгъ, точно старое сердце забилось свободой и восторгомъ,—такое чудо возрожденія, обновленія, освобожденія я вижу въ творчествѣ молодыхъ еврейскихъ поэтовъ. Что случилось съ еврействомъ за послѣднія 15 лѣтъ? Его внѣшнее положеніе нимало не измѣнилось къ лучшему: все то же разсѣяніе, та же вражда со всѣхъ сторонъ, та же нищета въ народной массѣ. Ничто не измѣнилось во внѣ, но что-то очень важное произошло въ душѣ еврейской,—объ этомъ неопровержимо свидѣтельству-

етъ еврейская поэзія. Она говоритъ не только о настроеніи десяти или пятнадцати поэтовъ: она говоритъ ясными звуками о томъ, что̀ смутно назрѣло въ народномъ сознаніи. Если поэты вереницей потянулись по новому пути, это вѣрный знакъ, что за ними, выславъ ихъ своимъ тайнымъ велѣніемъ впередъ, идетъ и все еврейство. Какой это новый путь? Куда направились поэты?

До сихъ поръ еврейская поэзія только жаловалась и вспоминала, и оба эти тона одинаково говорили о безнадежности. Она твердила, что прошлое было прекрасно, а настоящее невыносимо, но прошлое кончилось и минуло безъ возврата, а впередъ—лучше не смотрѣть: впереди—безконечное продолженіе печальнаго сегодня. Та поэзія временами возвышалась въ жалобахъ и воспоминаніяхъ до потрясающей силы,—раньше, не въ послѣдніе вѣка,—но все же это была поэзія старческой немощи. Еще и въ другомъ сказывалось старчество: въ поглощенности своими бѣдствіями, въ неспособности воспарить выше земныхъ судебъ и народной скорби. Та поэзія была якоремъ прикрѣплена къ еврейству, притомъ къ еврейству неподвижному навсегда.

И вдругъ—еврейскую музу не узнать. Было бы самонадѣянностью думать, что мысль способна разгадать темныя движенія народнаго духа. Въ немъ дѣйствуютъ тайныя силы по непостижимымъ законамъ. Какъ въ отдѣльной личности, такъ еще болѣе въ цѣломъ народѣ совершаются событія, которыхъ нельзя предвидѣть, нельзя и созерцать, а можно только удостовѣрить по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. О такомъ духовномъ событіи свидѣтельствуетъ новая еврейская поэзія. Она вдвойнѣ отлична отъ старой. Она національна не менѣе той, но иначе и гораздо глубже. Та не говорила ни о чемъ другомъ, какъ только о еврействѣ, подобно больному, который неустанно говоритъ о своей болѣзни; эта черпаетъ вдохновеніе во всемъ, чему откликается

сердце горячимъ біеніемъ. Эти молодые поэты любятъ, какъ юноши всѣхъ странъ, и вольно и звонко поютъ свою любовь; имъ открыта природная жизнь, и они съ любовью живописуютъ ее; они мыслятъ о жизни, о человѣкѣ, о Богѣ,—ихъ не гнететъ неотвязная мысль о еврейской бѣдѣ. И потому, когда ихъ мысль обращается къ ней,—потому что забыть о ней невозможно,—какъ ново звучатъ ихъ слова о еврействѣ! Они—люди, свободные люди вполнѣ,—а свободный человѣкъ гордъ и ясенъ. Черниховскій *не можетъ* изнывать въ безсильныхъ жалобахъ, Шнеуръ *не можетъ* скорбно вспоминать о прошломъ величіи. Еще прежнія жалобы и воспоминанія время отъ времени слышатся въ этой книгѣ, но господствующій тонъ ея иной: у однихъ—спокойное, у другихъ, какъ отголосокъ стараго, гордое національное самосознаніе—и свободная, хотя и страстная, рѣчь о судьбахъ еврейства, о несмываемой винѣ народовъ, о долгѣ еврейства самому строить свою судьбу.

Я не знаю, что случилось съ еврействомъ, я только свидѣтельствую: въ этой книгѣ еврейство—какъ прокаженный, который, весь, какъ раньше, въ проказѣ, вдругъ поднялъ лицо, и всѣ видятъ: онъ ясенъ духомъ, онъ въ духѣ побѣдилъ свою болѣзнь. Еврейство вѣка жило не только въ матеріальномъ гетто: внѣшнее рабство сдѣлало его и духовнымъ рабомъ,—рабомъ неотвязной мысли о своей народной судьбѣ. *Безпечность*—драгоцѣннѣйшее благо смертныхъ, источникъ духовной свободы, родникъ величія и красоты,—вотъ что исторія отняла у еврейства, и съ нимъ отняла все. Мнѣ кажется чудомъ поэзія Черниховскаго: въ ней не осталось и слѣда той свинцово-тяжкой, неопреодолимой озабоченности евреевъ. Вотъ поистинѣ здоровый еврей,—онъ безпеченъ: стоитъ въ лѣсу, смотритъ долго, и никуда не спѣшитъ; чутко слушаетъ шумы и слушаетъ внутри себя; да, никуда не спѣшитъ. Я не найду словъ, чтобъ выразить, какимъ великимъ обѣтованіемъ, залогомъ ка-

кого свѣтлаго будущаго мнѣ кажется эта духовная свобода освободившихся поэтовъ-евреевъ. Быть свободнымъ евреемъ не значитъ перестать быть евреемъ; напротивъ, только свободный еврей способенъ проникнуться еврейской стихіей во всю глубину расцвѣтшаго человѣческаго духа. Мнѣ кажется Бяликъ предтечею этой плеяды. Онъ первый не жаловался, не нылъ,— онъ проклиналъ ноющихъ; и онъ звалъ еврейство къ мужественному самоопредѣленію; но онъ еще почти всецѣло поглощенъ еврейскимъ дѣломъ,—ему еще не было дано выйти на просторъ человѣческой свободы. Онъ дарованіемъ безконечно могущественнѣе остальныхъ, но они ушли дальше его.

М. Гершензонъ.

Отъ редакціи.

Настоящая книга является первой попыткой дать антологію новоеврейской поэзіи въ русскомъ переводѣ.

Книга охватываетъ всего послѣднія три десятилѣтія: періодъ еврейской поэзіи, на всемъ своемъ протяженіи отмѣченный вліяніемъ Х. Н. Бялика. Исключеніе сдѣлано для двухъ поэтовъ предыдущаго поколѣнія,—Переца и Фришмана,—игравшихъ выдающуюся роль въ еврейской литературѣ еще съ начала 80-хъ гг., но по характеру своего поэтическаго творчества за послѣднія десятилѣтія въ значительной степени принадлежащихъ къ періоду, представленному настоящимъ сборникомъ.

Поэзія этихъ трехъ десятилѣтій въ количественномъ отношеніи является еле замѣтной частицей той еврейской поэзіи, которая существуетъ свыше трехъ тысячъ лѣтъ и уходитъ въ глубокую даль еврейскаго прошлаго.

Эта поэзія не прекращается на всемъ историческомъ пути еврейскаго народа. Она живетъ и развивается на древнемъ языкѣ, на которомъ была создана Библія и съ которымъ неразрывно связана культура еврейскаго народа. Этотъ языкъ, съ разрушеніемъ политической самостоятельности еврейства, прекратилъ свое существованіе, какъ разговорный, но сохранилъ

свою жизнь въ литературѣ и національной жизни народа. Онъ уходитъ съ еврейскимъ народомъ въ изгнаніе и навсегда остается вѣрнымъ спутникомъ народа-странника. Ни на одинъ моментъ этотъ языкъ не прерываетъ своего органическаго развитія. До нашихъ дней дошелъ онъ, живой и созрѣвшій,—готовый сосудъ для воспріятія идей и понятій новаго времени. Въ ново-еврейской Палестинѣ онъ возрождается не только какъ литературный, но и какъ разговорный языкъ.

Еврейская поэзія достигла своего самаго яркаго и непревзойденнаго расцвѣта въ палестинскій періодъ еврейской исторіи. Начинается она съ книги Бытія, съ пѣсни Деборы, съ книги Руѳи и псалмовъ, съ пророковъ и Пѣсни Пѣсней. Съ разрушеніемъ еврейской національно-политической жизни, еврейская пѣсня начинаетъ звучать глуше и слабѣе. Еврейскій народъ какъ бы соблюдаетъ въ скитаніи и разсѣяніи обѣтъ, данный имъ у рѣкъ Вавилонскихъ: не пѣть пѣсенъ Сіона на чужой землѣ. Пѣсня Священныхъ книгъ, заглушенная и омраченная, переливается въ Агаду—неисчерпаемую сокровищницу народной поэзіи,—которая почти тысячелѣтіе создается еврействомъ Палестины и Вавилоніи. Въ безчисленныхъ легендахъ, притчахъ, изреченіяхъ и сказкахъ отражаетъ она народную скорбь, томленіе, чаянье и надежды еврейства.

На ряду съ ней и какъ ея продолженіе, начинаетъ создаваться богослужебная поэзія, проникнутая безысходной скорбью, но всегда и неизмѣнно озаренная неискоренимой народной надеждой на возрожденіе и возвращеніе въ отчизну.

На протяженіи тысячелѣтій скитанія еврейская поэзія еще разъ достигаетъ яркаго расцвѣта и мощнаго развитія въ серединѣ X и въ первой половинѣ XI столѣтія, въ мавританской Испаніи. Величайшія имена этой эпохи и всей еврейской поэзіи скитанія—Габироль и Іегуда Галеви. На ряду съ потрясающей, несравненной пѣсней національной скорби и высшаго рели-

гіознаго экстаза звучитъ пѣсня, общая всѣмъ временамъ и народамъ, пѣсня о скорби и радости земной жизни, о любви, о женской красотѣ, о природѣ. На ряду съ національными въ этой поэзіи звучатъ и общечеловѣческіе мотивы. Габироль—одинъ изъ первыхъ пѣвцовъ міровой скорби. У Галеви томленіе по отчизнѣ связано съ тоской по вѣчномъ идеалѣ. Сіонъ для него—воплощеніе и символъ всего возвышеннаго и прекраснаго.

Въ теченіе цѣлаго ряда дальнѣйшихъ вѣковъ голосъ еврейской поэзіи еле слышенъ. Не до пѣсенъ народу въ мрачныя столѣтія крестовыхъ походовъ, черной смерти, изгнанія изъ Испаніи и ужасовъ гайдамачины. Еврейская поэзія этихъ столѣтій знаетъ только молитвы, кинотъ—элегіи, и селихотъ—скорбныя жалобы и повѣствованія о гоненіяхъ и мученичествѣ Израиля. Исключеніемъ являются поэты вродѣ Иммануэля Римскаго, въ произведеніяхъ котораго чувствуется вліяніе его современника Данте и отражаются настроенія итальянскаго ренессанса.

Лишь къ началу первой половины XVIII столѣтія снова зазвучала еврейская пѣсня. Появляются первые зачатки ново-еврейской поэзіи, развитіе которой еще не завершилось донынѣ. Ея крупнѣйшимъ представителемъ и предтечей является выдающійся мистикъ и каббалистъ М. Х. Луццато (1707—1747).

Дальнѣйшее развитіе ново-еврейской поэзіи мы видимъ въ Германіи, въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія, въ мендельсоновскую эпоху, совпадающую съ началомъ еврейской эмансипаціи. Эта поэзія носитъ преимущественно дидактическій и служебный характеръ или же представляетъ собою псевдоклассическія подражанія Библіи.

Новой силой и свѣжими соками еврейская поэзія наполнилась въ серединѣ и во второй половинѣ XIX столѣтія, въ Россіи, гдѣ постепенно сконцентрировалась самая значительная и самая жизнеспособная въ національномъ смыслѣ

часть еврейскаго народа. Наиболѣе значительной силы эта поэзія достигла въ поэтѣ-романтикѣ М. I. Лебенсонѣ и въ яркомъ представителѣ обличительно-просвѣтительной этохи—I. Л. Гордонѣ. Оба эти поэта являются уже прямыми предшественниками Бялика и послѣдующихъ поэтовъ.

Въ послѣднія десятилѣтія мы видимъ новый и наиболѣе поразительный расцвѣтъ еврейской поэзіи. Это та же еврейская поэзія, идущая изъ далекихъ временъ, неразрывно связанная со всѣмъ развитіемъ еврейской литературы; глубочайшіе корни этой поэзіи еще въ далекой родинѣ еврейскаго народа, но эта поэзія вмѣстѣ съ тѣмъ иная и новая.

Подъ вліяніемъ національнаго пробужденія еврейства, подъ вліяніемъ общенія съ исторической родиной народа и новой жизнью, созидаемой въ ней, подъ вліяніемъ обогащенія національной еврейской жизни лучшими элементами западной культуры—еврейская поэзія, наполнилась новымъ, невѣдомымъ до сихъ поръ содержаніемъ, расцвѣтилась новыми красками. Въ ней, какъ и во всей міровой поэзіи новаго времени, находимъ мы отраженіе проблемъ, волнующихъ современнаго человѣка. Но яснѣе всего звучатъ въ ней тонкія и сложныя переживанія души новаго еврея, ищущей освобожденія отъ раздвоенности, отъ духовнаго гнета чужбины, стремящейся къ цѣльности и единству.

Редакція считаетъ долгомъ дать читателямъ нѣсколько разъясненій относительно состава антологіи, расположенія матеріала и проч.

Редакціонная работа была нами раздѣлена на двѣ части. Весь трудъ по *составленію* сборника (т.-е. выборъ авторовъ и отдѣльныхъ произведеній, а также расположеніе матеріала) выполненъ Л. Б. Яффе.

Стихамъ каждаго автора нами предпосланы краткія біо-библіографическія замѣтки. Нѣкоторая неполнота, которой, къ сожалѣнію, страдаютъ иныя изъ этихъ замѣтокъ, касающіяся преимущественно самыхъ молодыхъ авторовъ, объясняется условіями времени: невозможностью имѣть подъ рукой необходимыя изданія, перерывомъ почтовыхъ сношеній и проч.

В. Ф. Ходасевичу принадлежитъ редакція самихъ переводовъ, какъ таковыхъ. Переводы эти выполнены въ неодинаковыхъ условіяхъ: изъ переводчиковъ П. Берковъ, Л. Бендовъ, Е. Жиркова, Вл. Жаботинскій, С. Левманъ, С. Маршакъ, О. Румеръ и Л. Б. Яффе пользовались оригиналами. Прочіе же, по незнанію еврейскаго языка, принуждены были переводить съ дословныхъ прозаическихъ переводовъ. Конечно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, какъ общій принципъ, основными требованіями, которыя прилагались къ стихотворнымъ переложеніямъ, были: близость къ подлиннику и передача его звуковыхъ особенностей, какъ то метра, расположенія риѳмъ, строенія строфъ и т. д. Не желая, однако, связывать трудъ переводчиковъ слишкомъ формальными требованіями, мы допускали въ отдѣльныхъ, въ общемъ—весьма немногихъ, случаяхъ отступленіе отъ этихъ принциповъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ нѣсколько измѣнена, по сравненію съ оригиналами, ихъ стихотворная форма; иногда приходилось жертвовать точностью перевода, ради сохраненія звуковыхъ особенностей оригинала, иногда же—наоборотъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы предоставляли авторамъ переводовъ поступать согласно ихъ художественному чутью.

Большинство переводовъ исполнено спеціально для настоящаго сборника. Лишь нѣсколько стихотвореній, съ разрѣшенія переводчиковъ, нами заимствовано изъ другихъ изданій. Такія стихотворенія отмѣчены въ оглавленіи звѣздочкой.

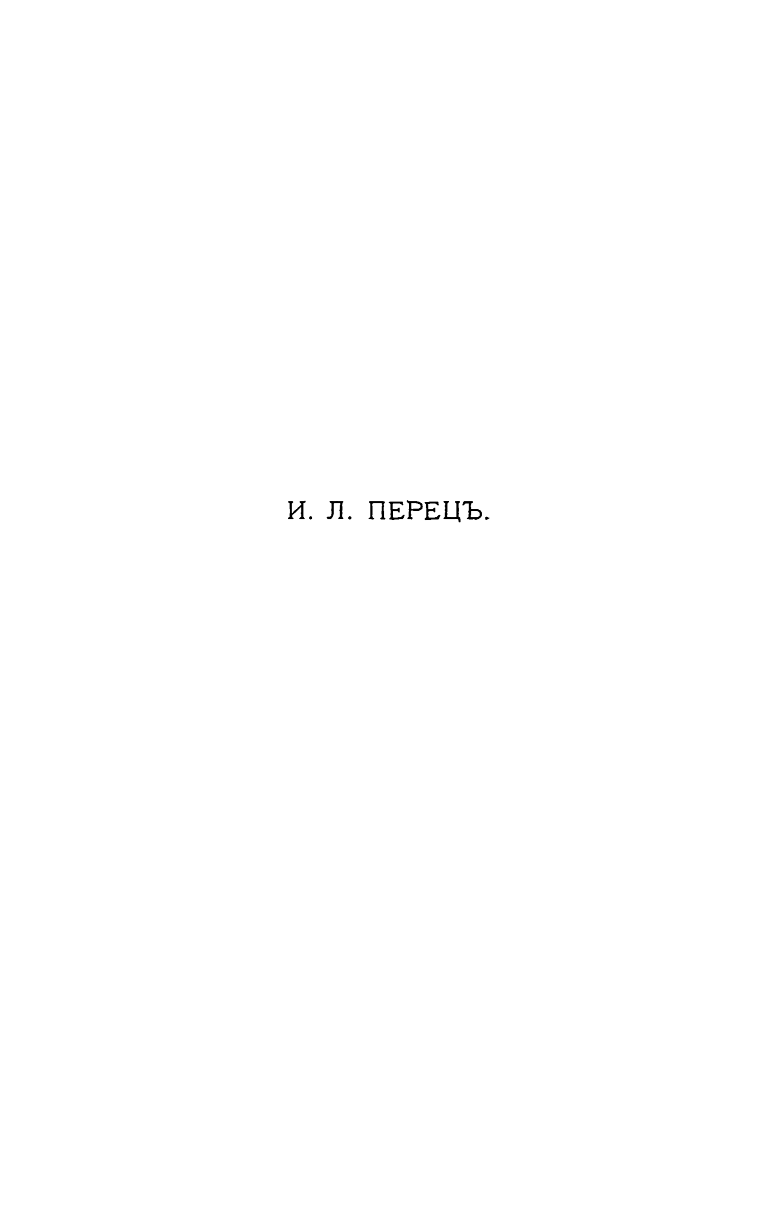
Матеріалъ «Антологіи» расположенъ по авторамъ. Поря-

докъ авторовъ опредѣлялся временемъ начала ихъ литературной дѣятельности. Въ предѣлахъ каждаго автора стихотворенія помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ тамъ, гдѣ представлялось возможнымъ точно установить годъ написанія пьесы, нами приведены соотвѣтственныя даты.

Въ дальнѣйшемъ редакція предполагаетъ дать рядъ сборниковъ, посвященныхъ еврейской поэзіи предыдущихъ періодовъ.

ЕВРЕЙСКАЯ АНТОЛОГІЯ.

И. Л. ПЕРЕЦЪ.

Ицхакъ Лейбушъ Перецъ родился въ 1851 году въ Замостьѣ, Люблинской губерніи, въ ортодоксальной семьѣ. Еще въ ранней юности Перецъ на ряду съ Талмудомъ сталъ изучать средневѣковую еврейскую философію и каббалу, а затѣмъ и «свѣтскія» науки. Большую часть своей жизни Перецъ провелъ въ Варшавѣ, гдѣ занималъ должность въ еврейской гминѣ (общинномъ управленіи).

Въ печать Перецъ выступилъ въ 1876-мъ году стихотвореніемъ «Li omrim» въ журналѣ «Haschachar» Переца Смоленскина и поэмой «Nagniel» въ «Haboker-or» А. Готлобера. Послѣ продолжительнаго перерыва Перецъ въ 1886-мъ году помѣстилъ въ ежегодникѣ «Haassif» нѣсколько очерковъ и поэму «Mineginoth hazman». Къ этому же времени относится первое произведеніе Переца на разговорно-еврейскомъ языкѣ—поэма «Monisch» («Jüdische Volksbibliotek» 1888 г.); съ 1890—1892 г. Перецъ издавалъ ежегодникъ «Jüdische Bibliotek», ставившій себѣ просвѣтительно-обличительныя задачи. Къ началу 90-хъ годовъ относится рядъ разсказовъ бытового и психологическаго характера. Во второмъ періодѣ творчества Переца реалистическій моментъ уступаетъ мѣсто символически-романтическому. Перецъ становится пѣвцомъ хасидизма и пишетъ рядъ разсказовъ и лирическихъ драмъ изъ хасидскаго міра. Въ 1909-мъ году выходятъ «Volkstümliche Geschichten» (Народные разсказы) Переца, являющіеся дальнѣйшимъ этапомъ въ его творчествѣ.

Перецъ много писалъ на еврейскомъ языкѣ. Въ 1894 г. вышелъ сборникъ его лирическихъ стихотвореній «Hougow». Въ 1899—1901 гг. появились его избранныя сочиненія на еврейскомъ языкѣ (изд-во «Тушія», Варшава). Многія свои произведенія Перецъ одновременно писалъ на еврейскомъ и разговорно-еврейскомъ языкахъ.

Въ 1909 году, къ 50-лѣтнему юбилею Переца, было издано полное собраніе сочиненій его, переизданное въ 1903 году редакціей газеты «Дэръ Фрайндъ». Новое изданіе было выпущено въ 1908—1911 г. въ Варшавѣ и Америкѣ. Въ 1914 году издательство «Морія» приступило къ изданію произведеній Переца на еврейскомъ языкѣ. Перецъ для этого изданія перевелъ цѣлый рядъ своихъ произведеній, написанныхъ первоначально на разговорно-еврейскомъ языкѣ. Въ послѣднія два десятилѣтія Перецъ писалъ стихотворенія на еврейскомъ языкѣ, появившіяся въ журналѣ «Haschiloach» и отдѣльныхъ сборникахъ.

Перецъ извѣстенъ также, какъ общественный дѣятель; онъ много работалъ для созданія еврейскаго театра и выступалъ съ докладами литературнаго и общественнаго характера въ Польшѣ, Россіи и Галиціи.

Скончался онъ 21 марта 1915 года, въ Варшавѣ.

УТРО И ВЕЧЕРЪ.

«Все грустенъ ты, сынъ человѣка!»—
Ты шепчешь, какъ вздохъ вѣтерка.
— До края мой кубокъ наполненъ,
Но дрожью объята рука.

Какъ небо прекрасно, пылая
Румянцемъ въ просторѣ безмѣрномъ
Въ вечерній и утренній срокъ,
Вѣдь красныя розы—у утра,
У вечера—пламени токъ!

Но розы разсвѣтныя—лоно
Зной жизни зовущаго дня,
И таетъ онъ пепломъ и дымомъ
Въ безмолвномъ потокѣ огня.

И сердце твое на востокѣ,
Ликуетъ, голубка моя,
А сердце мое на закатѣ
Не знаетъ, скорбя, забытья...

И въ сердцѣ твоемъ на востокѣ,
И въ сердцѣ моемъ на закатѣ
Хлопочутъ двѣ быстрыхъ кирки,
Тебѣ высѣкая сапфиры,
Мнѣ—камень могильной доски...

И тѣни встаютъ у порога,
Гдѣ въ смѣнѣ временъ быстротечной
Кругъ ночи встрѣчается съ днемъ...
Тѣнь глазъ твоихъ—грезы творенья,
Страхъ бездны—во взглядѣ моемъ.

Ю. Балтрушайтисъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Благодарю за впалыя ланиты
И блѣдность ихъ, за весь мой міръ разбитый,
За искорку, что ты зажгла во мнѣ—
Душа горитъ, но свѣтелъ я, въ огнѣ...

Ты молніей зажглась въ моей святынѣ,
И палъ мой Богъ, и былъ твой зовъ: Отнынѣ
Лишь мнѣ служи. И я, въ душѣ живой
Забывъ творца, простерся предъ тобой...

И, взоръ поднявъ, искалъ тебя напрасно—
Ты промелькнула молніей прекрасной!
И нѣтъ тебя, и Бога больше нѣтъ...
Такъ длится жизнь, такъ длится бремя лѣтъ!

И бьется сердце болью безысходной,
И точно жало—свѣтъ былого дня...
И шепчетъ гробъ-земля: Вернись въ мой прахъ холодный!
Дитя, усни на персяхъ у меня...

Ничто молчанья въ храмѣ не нарушитъ,
А прахъ боговъ разбитыхъ душитъ, душитъ!

Ю. Балтрушайтисъ.

МОЛИТВА.

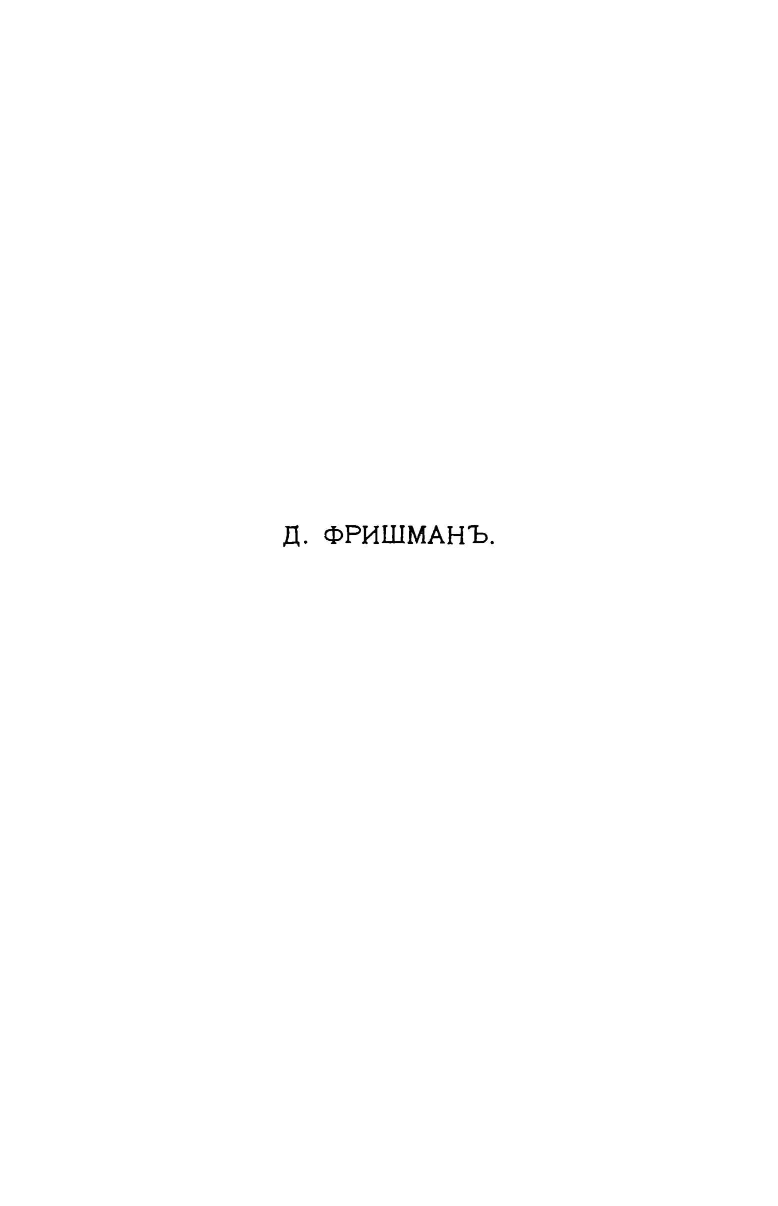
Даятель свѣта, Боже красоты,
На Твой призывъ отъ жизни къ смертной тѣни
Я отойду безъ скорби и безъ пени,
Что кончены дѣянья и мечты;
Но пусть въ тотъ мигъ Твоя рука благая,
Какъ бренный сукъ, меня не отвергая,
У рубежа моихъ земныхъ заботъ
Красивую кончину мнѣ пошлетъ...

Я не ропщу, что Ты судилъ намъ строго:
«Живя, Меня не узритъ человѣкъ»—
Но я, незрячій, въ мірѣ видѣлъ много,
И на землѣ, гдѣ кротокъ смертный вѣкъ,
Мой темный духъ, упорно, хоть напрасно,
Раскрыть Твой ликъ стремился ежечасно...
Пусть быстро дни текутъ въ нѣмой чертѣ—
Душа лишь жаждетъ смерти въ красотѣ...

Мнѣ хочется угаснуть молчаливо,
Какъ безмятежно гаснетъ ясный день
И по землѣ, гдѣ спитъ и лугъ и нива,
Лишь стелется прозрачный дымъ и тѣнь
И въ вѣщій часъ безмолвствующей дали,
Какъ зовъ любви, исполненный печали,
Средь неподвижно дремлющихъ вѣтвей
Слагаетъ пѣсню сердцу соловей—

Иль дай почить, какъ дремлетъ въ листопадѣ,
Струя сквозь сонъ печальный шелестъ свой,
Въ стоцвѣтныхъ ризахъ, въ царственномъ нарядѣ,
Высокій ясень или дубъ лѣсной—
Среди созвучій пѣсни заунывной,
Что тихій вѣтеръ ширитъ безпрерывно
Въ поляхъ земли, пріявшей смерть въ свой садъ—
Безмолвіе, часъ праха, листопадъ...

Ю. Балтрушайтисъ.

Д. ФРИШМАНЪ.

Давидъ Сауловичъ Фришманъ родился въ 1865 году, въ Згержѣ, Петроковской губерніи. Дома онъ помимо еврейскаго получилъ и общеевропейское образованіе. Въ 1890—1895 г. онъ учился въ бреславльскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи по философіи, исторіи и искусству. Послѣднія десятилѣтія Фришманъ жилъ въ Варшавѣ, но въ первые годы войны переселился въ Одессу; въ настоящее время живетъ въ Москвѣ.

Съ тринадцати лѣтъ Фришманъ сталъ печататься въ газетѣ «Haboker-or» и журналѣ «Haschachar». Въ 1882—1885 гг. онъ перевелъ на еврейскій языкъ книгу Аарона Бернштейна «Nuturwissenschaftliche Volksbücher» («Jedioth Hatewa»). Въ 1883 г. появился критическій памфлетъ Фришмана «Tohu we-wohu» въ которомъ онъ рѣзко выступалъ противъ рутины и нравовъ, господствовавшихъ въ то время въ еврейской литературѣ и прессѣ. Фришманъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ первой ежедневной еврейской газеты «Hajom», начавшей выходить въ 1882 г. въ Петербургѣ. Въ этой газетѣ печаталъ онъ свои фельетоны и разсказы. Въ 1903 году Фришманъ редактировалъ газету «Hador», въ1909 г.—газету «Haboker». Подъ его редакціей вышелъ также рядъ сборниковъ. Перу Фришмана принадлежитъ рядъ стихотвореній и поэмъ.

Фришманъ много переводилъ на еврейскій языкъ. Ему принадлежатъ переводы избранныхъ стихотвореній Пушкина, переводъ «Даніеля Деронды» Джоржъ-Эліотъ и «Вероники» Шумахера, сказокъ Андерсена, сказокъ братьевъ Гриммъ, «Исторіи культуры» Липперта, «Каина» Байрона, «Норы» Ибсена, «Такъ говорилъ Заратустра» Ницше, «Гитанджали» и «Садовника» Тагора и т. д.

Въ настоящее время Фришманъ редактируетъ трехмѣсячный журналъ «Ha-tkufoh» («Эпоха») и стоитъ во главѣ издательства «Міровая литература», поставившаго себѣ цѣлью переводъ классическихъ произведеній европейской литературы на еврейскій языкъ. Для этого изданія Фришманъ готовитъ переводъ «Фауста» Гете.

Полное собраніе сочиненій Фришмана, въ 17 томахъ, издано въ 1913 году, къ его 50-лѣтнему юбилею.

Фришманъ писалъ также много произведеній на разговорно-еврейскомъ языкѣ, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ (изд. Прогрессъ, Варшава).

НОЧЬЮ.

Какъ одинокъ я сталъ съ моею тайной,
Съ моей мечтой!
Ужель въ свой даръ напрасно я повѣрилъ,
О, Боже мой?

Умру я—и никто объ этомъ плакать
Не будетъ никогда.
Изъ мрака надъ холмомъ моимъ могильнымъ
Не скатится звѣда.

И пара клячъ мой гробъ съ унылымъ ржаньемъ
Неспѣшно повлечетъ.
И въ день моихъ страданій крупный ливень
Съ небесъ польетъ...

Былъ человѣкъ. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ грезы,
Которыхъ нѣтъ.
Пройдетъ лишь день—и жизнь его, и пѣсню
Забудетъ свѣтъ.

Владиславъ Ходасевичъ.

МРАКЪ.

Ни день, ни ночь,—одинъ унылый сумракъ
Была вся жизнь моя.
О счастіи, что не было, не будетъ,
Томился я.

Какъ будто долгій вечеръ. Лишь порою, вздрогнувъ,
Борюсь со сномъ.
Глаза открою: мракъ. Одна полоска неба
Горитъ огнемъ.

Зажмурившись, смотрю: ужъ вечерѣетъ?
Иль утра часъ?
Не знаю я: стою ль въ началѣ жизни,
Иль ужъ мой день погасъ?

Я не любилъ, не ненавидѣлъ... Боже!
Толпы людей
Мятутся и живутъ, и тысячи рыдаютъ
Надъ учáстью своей.

И все скрипятъ въ машинѣ міозданья
Колесъ края,—
Но что мнѣ въ томъ, и кто мнѣ въ мірѣ нуженъ,
И что вся жизнь моя?

Е. Жиркова.

ДЛЯ МЕССІИ.

I.

Новый домъ у Іордана,
Въ немъ кузнецъ—и неустанно
Онъ мѣхами дышетъ.
Быстро въ пламя дуетъ онъ;
Пахъ-пахъ, пахъ-пахъ!—дуетъ онъ,—
Пламя вѣчно пышетъ.

И желѣзо, раскаляясь,
Точно кровью наливаясь,
Съ присвистомъ пылаетъ.
По желѣзу молотъ бьетъ:
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ!—молотъ бьетъ,
Тянетъ и пластаетъ.

Бей, кузнецъ! Пусть искры блещутъ,
Изъ-подъ молота пусть плещутъ
Струи огневыя!
Пусть взлетаетъ искра въ высь,—
Фукъ-фукъ, фукъ-фукъ!—искра въ высь,—
Вслѣдъ за ней другія.

Что куешь, кузнецъ суровый?
— Превращаю я въ подковы
Полосы тугія.
Да, въ подковы для него,—
Радость! радость!—для него,
Для коня Мессіи.

II.

Домъ ткача у Іордана.
Ткачъ основу непрестанно
Прочную мотаетъ.
Веретенцемъ онъ стучитъ,—
Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ!—онъ стучитъ,
Пряжа прибываетъ.

Нити вьются изъ навоя,
Сочетаясь вдвое, втрое,
Все ровнѣй, все глаже.
Ткачъ проворно бьетъ по нимъ,
Чикъ-чикъ, чикъ-чикъ!—бьетъ по нимъ,
По бѣгущей пряжѣ.

А челнокъ его, играя,
Быстрой молніей мелькая,
Ходитъ, ходитъ, ходитъ.
Взадъ-впередъ и взадъ-впередъ,—
Пафъ-пафъ, пафъ-пафъ!—взадъ-впередъ,—
Мастеръ глазъ не сводитъ.

Ткачъ проворный, быстроокій,
Что готовишь?—Плащъ широкій,
Ризы дорогія.
Облечется въ нихъ онъ самъ,—
Радость! радость!—самъ онъ, самъ,
Царь царей—Мессія.

III.

Между смоквъ у Іордана
Вышивальщикъ утромъ рано
Вышиваетъ въ пяльцахъ.
По холсту снуетъ игла,—
Шей, шей, шей!—снуетъ игла
Въ изощренныхъ пальцахъ.

Возлѣ ткани онъ суконной
Нашиваетъ шнуръ виссонный,
Пурпуръ горделивый.
Подобрать умѣетъ онъ,—
Такъ, такъ, такъ!—умѣетъ онъ
Все въ узоръ красивый.

Тамъ гирлянды запестрили,
Тамъ букеты бѣлыхъ лилій,
Пестрые бобы тамъ...
Всѣ цвѣты бросаетъ онъ,—
Чикъ-чикъ-чикъ!—бросаетъ онъ
На холстѣ расшитомъ.

Чѣмъ ты занятъ, быстровзорный?
Я сшиваю въ стягъ узорный
Ткани дорогія.
А подъ стягомъ станетъ онъ,—
Радость! радость!—станетъ онъ,
Царь царей—Мессія.

IV.

Въ вышнемъ небѣ херувимы,
Молчаливы и незримы,
Трудъ святой подъяли.
Передъ Господомъ они—
Радость! радость!—всѣ они
Всемеромъ предстали.

Все, что свято и блаженно,
Непостижно, совершенно,
Чисто и прекрасно,—
Ими взято нынче все,
Радость! радость!—взято все,
Что свѣтло и ясно.

Сожалѣнье, состраданье,
Все безмолвное терзанье
Херувимы взяли.
Все, въ чемъ милость и любовь,
Радость! радость!—всю любовь
Вмѣстѣ сочетали.

Въ чемъ же трудъ вашъ, херувимы?
— Всѣ запасы припасли мы
И творимъ, благіе,
Душу, душу для него,—
Радость! радость!—для него,
Для царя-Мессіи!

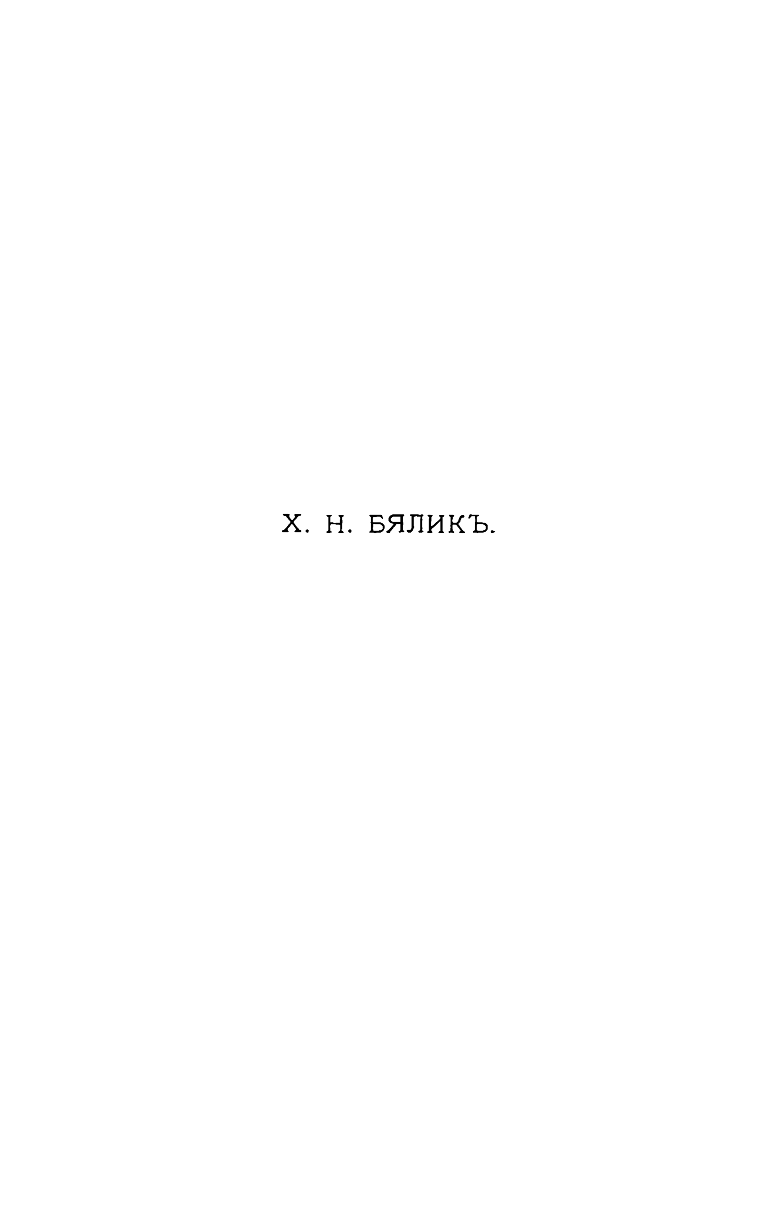
Но бѣда намъ, но бѣда намъ!
Всѣ давно надъ Іорданомъ
Отъ трудовъ почили,
Запоздали только мы,—
Горе! горе!—только мы
Трудъ не довершили.

Видно, мало мы собрали
Для святой души печали,
Горняго эѳира...
Видно, взяли мало мы—
Горе! горе!—мало мы
Взяли ихъ изъ міра!

Изъ того, что въ немъ блаженно,
Непостижно, совершенно,
Чисто и прекрасно,—
Видно, взяли мы не все—
Горе, горе намъ!—не все,
Что свѣтло и ясно!..

И подняли херувимы
Стоны скорби, плачъ незримый,
Вопли неземные,—
И донынѣ въ мірѣ нѣтъ—
Горе! горе!—въ мірѣ нѣтъ,
Нѣтъ души Мессіи.

Владиславъ Ходасевичъ.

Х. Н. БЯЛИКЪ.

Хаимъ Нахманъ Іосифовичъ Бяликъ родился 28 января 1874 г. въ деревнѣ Рады, Волынской губерніи. Отецъ его былъ надсмотрщикомъ лѣсного участка и мельницы, а впослѣдствіи корчмаремъ. Когда мальчику исполнилось шесть лѣтъ, родители его переѣхали въ Житоміръ, гдѣ поселились на окраинѣ города, на живописномъ берегу Тетерева. Съ шести лѣтъ мальчикъ учился въ хедерѣ. Послѣ смерти отца онъ съ семилѣтняго возраста воспитывался у дѣда съ отцовской стороны, талмудиста и знатока каббалы и хасидизма. Тринадцати лѣтъ Бяликъ сталъ заниматься въ Бетъ-Гамидрашѣ (молитвенной школѣ), вмѣстѣ со старымъ раввиномъ, однимъ изъ немногихъ, оставшихся вѣрными Бетъ-Гамидрашу. Еврейская книга просвѣтительнго характера пробудила въ юношѣ жажду знанія. Въ 1889 году Бяликъ отправляется въ Воложинъ, Виленской губерніи, и поступаетъ въ знаменитый іешиботъ (высшая школа талмудическихъ наукъ), гдѣ по его мнѣнію, кѣмъ-то ему внушенному, преподаются и свѣтскія науки. Тамъ онъ помимо Талмуда тайкомъ занимается изученіемъ европейскихъ языковъ и общеобразовательными предметами и знакомится съ ново-европейской литературой. Особенное впечатлѣніе на него произвело сочиненіе выдающагося еврейскаго публициста и мыслителя, Ахадъ-Гаама. Въ 1891 году Бяликъ, неудовлетворенный своими занятіями въ Воложинѣ, переѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ знакомится съ еврейскими литераторами и начинаетъ сотрудничать въ различныхъ еврейскихъ изданіяхъ. Чтобы прокормить себя, онъ даетъ уроки еврейскаго языка. Вскорѣ, послѣ смерти дѣда, онъ возвращается въ Житоміръ, нѣкоторое время занимается лѣсной торговлей, затѣмъ переѣзжаетъ въ Польшу, въ Сосновицы, гдѣ опять даетъ уроки еврейскаго языка. Въ 1900 г. Бяликъ снова переѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ и живетъ до настоящаго времени, занимаясь, помимо литературы, издательскимъ и типографскимъ дѣломъ.

Литературная дѣятельность Бяликъ началась въ 1891 году статьей палестинофильскаго содержанія, подъ заглавіемъ «Идея колонизаціи Палестины», помѣщенной въ петербургской газетѣ «Гамелицъ». Въ этомъ же году въ сборникѣ «Hapardess» появляется его первое стихотвореніе «El hazipor» («Птичкѣ»). Бяликъ вскорѣ обратилъ на себя вниманія, и стихотворенія его начинаютъ появляться въ различныхъ еврейскихъ изданіяхъ,

преимущественно въ ежемѣсячномъ журналѣ «Haschiloach». Въ 1902 году появляется первый сборникъ его стихотвореній въ двухъ выпускахъ (изд. Тушія, Варшава).

Въ 1908 году въ Одессѣ было издано полное собраніе стихотвореній Бялика.

Кромѣ стихотвореній, Бяликъ написалъ цѣлый рядъ разсказовъ бытового характера, обратившихъ на себя вниманіе яркой реалистической изобразительностью.

Съ 1904 года Бяликъ нѣкоторое время редактировалъ беллетристеческій отдѣлъ журнала «Haschiloach». Въ 1908—1909 гг. Бяликъ вмѣстѣ съ Равницкимъ выпускаетъ въ двухъ томахъ «Книгу Агады», надъ которой онъ работалъ цѣлый рядъ лѣтъ и которая является антологіей талмудическихъ легендъ и изреченій. Въ 1912 году Бяликъ переводитъ на еврейскій языкъ «Донъ-Кихота», выпущеннаго издательствомъ «Turgemon», которымъ Бяликъ руководитъ. Перу Бялика принадлежитъ также рядъ статей литературно-критическаго характера, помѣщенныхъ въ журналѣ «Haschiloach» и въ отдѣльныхъ сборникахъ. Въ 1917 году подъ его редакціей вышелъ литературный сборникъ «Knesseth». Бяликъ писалъ также на разговорно-еврейскомъ языкѣ. Его стихотворенія на этомъ языкѣ собраны въ сборникъ «Poesie», въ который вошелъ также и рядъ переводовъ еврейскихъ стихотвореній Бялика, сдѣланныхъ другими еврейскими поэтами.

Бяликъ принимаетъ видное участіе въ еврейской общественной жизни. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ состоитъ членомъ комитета одесскаго палестинскаго общества и предсѣдателемъ литературно-научнаго общества въ Одессѣ. Бяликъ участвовалъ въ качествѣ делегата на нѣкоторыхъ сіонистскихъ конгрессахъ и неоднократно выступалъ на различныхъ съѣздахъ съ докладами по вопросамъ еврейскаго языка и культуры. Бяликъ былъ избранъ выборщикомъ въ Государственную Думу 3-го созыва. Совмѣстно съ Равницкимъ и Бенъ-Ціономъ онъ основалъ издательство «Морія», выпустившее за послѣдніе годы цѣлый рядъ учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и юношескаго возраста. Бяликъ занимается также и педагогической дѣятельностью. Онъ былъ лекторомъ еврейскаго языка и литературы въ одесскомъ ешиботѣ, преобразованномъ на новыхъ началахъ. Въ настоящее время состоитъ лекторомъ въ одесскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ и въ Фребелевскомъ институтѣ.

ВЪ ПОЛѢ.

Не птицею, вольно и гордо раскинувшей смѣлыя крылья,—
Не львомъ, раздробившимъ затворы въ стремленьи къ пусты-
нямъ и волѣ,—
Собакой, побитой собакой, стыдясь своего же безсилья,
Бѣжалъ я сегодня далеко въ широкое чистое поле.

И полемъ иду я и внемлю бесѣдѣ межъ Богомъ и нивой,
И слышу подъ ласками вѣтра шуршанье высокаго стебля,
И шорохъ ползущаго гада, и лепетъ потока лѣнивый,
И то, что рокочутъ колосья, тяжелыя космы колебля.

Уйду я глубоко и скроюсь, зароюсь въ рокочущій колосъ,
Сольюсь и отдамся въ истомѣ волненью могучаго жита:
Въ далекомъ молчаніи лѣса учую загадочный голосъ,
И станетъ великая тайна и мнѣ на мгновенье открыта,

И кинусь на влажную землю, прильну и приникну, рыдая,
И стану пытать я печально у лона праматери вѣчной:
Скажи мнѣ, о мать и царица, скажи мнѣ, родная, святая,
Зачѣмъ и меня не вскормила ты грудью живительно-млечной?..

Все тихо. На западѣ солнце склонилося къ горному краю,—
И стебли меня, какъ родного, какъ будто бы съ ними же росъ я,
Укутали нѣжною тѣнью, и въ ней я неслышно ступаю—
И небо вверху надо мною, а справа и слѣва колосья.

И тучки по синему небу плывутъ-расплываются, тая,
И крадутся тѣни по нивѣ, исполнены медленной лѣни;
Но мигъ—и разсѣется тучка,—и нива блеститъ золотая,
И дремлетъ подъ ласками вѣтра, и грезитъ въ игрѣ свѣтотѣни...

Вдругъ повѣяло вихремъ, пронеслася прохлада,
Встрепенулись колосья, поклонились глубоко
И шумя побѣжали, словно робкое стадо,
Побѣжали далеко-далеко.

Побѣжали въ долину, прокатились, какъ волны,
Рокоча докатились до зеленаго бора,
И разлился невнятно, свѣтлой радости полный,
Бодрый шумъ золотого простора.

Что бѣжите, колосья, и куда, золотые?
Саранчей что шумите въ беззаботномъ разгулѣ?
Отчего засверкали ваши брови густыя,
Мотыльковъ легкокрылыхъ спугнули?

Не въ догонку-ль несетесь пробѣгающей тѣни,
Въ синій край, гдѣ раздолье, ширь и вольная воля?
Или мчитесь въ отчизну сонныхъ грезъ и видѣній,—
О, колосья широкаго поля?

Но вихрь улетѣлъ, и колосья забыли минуту испуга,
И замеръ взволнованный ропотъ тревожно-веселаго гула,—
Но въ сердцѣ моемъ зашумѣла другая жестокая вьюга,
Уснувшую боль разбудила, угасшее пламя раздула.

Какъ нищій, стою передъ нивой, могучей, веселой, богатой,
И мучусь своей нищетою, и сердце такъ шепчетъ упорно:
Не я васъ, колосья, взлелѣялъ, не я въ вашемъ полѣ оратай,
Не я эти зерна посѣялъ, не мнѣ и собрать ваши зерна.

Жемчужными каплями пота не я поливалъ эту ниву,
Не я призывалъ на побѣги дожди съ благодатнаго неба,
Не я приходилъ улыбаться ихъ росту, подъему, наливу,
И пѣсня моя не раздастся въ день жатвы обильнаго хлѣба...

И все жъ я люблю тебя, нива, и въ сердцѣ, тобою согрѣтом
Мнѣ вспомнились пахари-братья на нивахъ моей Палестин
Быть можетъ, вотъ въ это мгновенье они отвѣчаютъ привѣто
На мой молчаливый, но страстный привѣтъ изъ далекой чужбин

Вл. Жаботинскій

1894.

ПОСЛѢДНІЕ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Іисусъ Навинъ—народу.

«...Въ путь далекій, трудный, на борьбу съ врагами:
За пустыней мрачной цѣлый міръ предъ вами!..

Былъ безцѣленъ путь вашъ, долгій путь донынѣ,
Дальше же изъ сонной, выжженной пустыни!

Сорокъ лѣтъ тяжелыхъ бродимъ межъ горами,
И весь путь усѣянъ мертвыми тѣлами.

Но впередъ, безъ грусти по тѣламъ отставшихъ,
Жаждавшихъ неволи и рабами павшихъ!

Пусть гніютъ въ позорѣ средь песковъ бездонныхъ,
На котомкахъ жалкихъ, ими принесенныхъ!

Пусть имъ сладко снится дальній край неволи,
Прелести спокойной, сытой, рабской доли,

Скоро ихъ останки вихрь умчитъ въ пустыни,
Разнесетъ ихъ хищникъ-коршунъ по равнинѣ.

И борцамъ свободнымъ, не склонившимъ выи,
Солнце, торжествуя, заблеститъ впервые;

Каждый лучъ, ликуя, встрѣтятъ яснымъ взоромъ,
Порываясь къ вольнымъ солнечнымъ просторамъ.

Въ путь безвѣстный, новый! Край оставьте дикій,
Но въ груди восторга заглушите крики!

Бодро въ путь, но тихо; шагъ вашъ безпокойный
Пусть не будитъ мертвыхъ и пустыни знойной,

Пусть лишь каждый слышитъ въ сердцѣ откликъ дивный,
Пусть проникнетъ въ сердце свыше кличъ призывный:

Въ новый край идешь ты, гдѣ не будетъ манны,
Въ край, гдѣ хлѣбъ добудетъ трудъ лишь безустанный.

Не шатры пустыни, не изъ тучъ покровы,—
Тамъ шатры иные, домъ воздвигнешь новый...

Есть на бѣломъ свѣтѣ, за пустыней сонной,
Край широкій, вольный, солнцемъ озаренный;

За безмолвьемъ мрачнымъ, за стѣной песчаной
Онъ трепещетъ жизнью—край обѣтованный...

На вершинѣ Невô съ первымъ солнца лучемъ,
Разрѣдившимъ въ долинахъ туманъ,
Сталъ Навинъ, величавый, какъ ангелъ войны,
Собирая, скликая свой станъ.

Мощный голосъ его разсѣкаетъ просторъ
И, какъ пламя, пылаетъ и жжетъ,
И пустыня вокругъ, и безбрежная даль
Вторятъ мощному зову: впередъ!

А внизу, словно левъ, юный, вольный народъ
Внемлетъ зову въ молчаньи святомъ;
Кличъ гремитъ надъ безчисленной грозной толпой,
Грохоча и катясь, словно громъ.

Протрубили въ рога, вождь спустился съ высотъ,
И давно уже сняты шатры,—
Отчего же не тронулся станъ, отчего
Онъ безмолвно стоитъ у горы?

И чего ему жаль, что забылъ онъ въ степи,
Гдѣ безмолвно, уныло, мертво?
Отчего эта скорбь, эти слезы въ очахъ,
Устремленныхъ къ вершинѣ Нево?..

Тамъ исчезъ Моисей... И толпа за толпой
Въ неудержномъ порывѣ одномъ
Пали ницъ передъ духомъ того, кто ихъ велъ,
Предъ любимымъ, великимъ вождемъ!

Л. Яффе.

1896.

ДА, ПОГИБЪ МОЙ НАРОДЪ.

Да, погибъ мой народъ, палъ, какъ срубленный дубъ,
Онъ—огромный мертвецъ, онъ—безжизненный трупъ!
Загремитъ ли могучій Божественный гласъ—
Не проснется народъ: громъ его не потрясъ!
Не воскреснетъ народъ, не воспрянетъ, какъ левъ,
И не вспыхнетъ въ душѣ опаляющій гнѣвъ.
И объятый тяжелымъ, губительнымъ сномъ,
Мой народъ не поднялся въ порывѣ одномъ,
Не почувствовалъ силъ и восторга приливъ,
Слыша радостный откликъ на скорбный призывъ.
И, сыновъ возвращенныхъ увидя своихъ,
Онъ руки не простеръ и не принялъ онъ ихъ,
И въ людской суетѣ и подъ золота звонъ,
Громъ могучій затихъ, Божій гласъ заглушенъ,
И въ отравленномъ сердцѣ средь пошлыхъ утѣхъ
Божье слово давно вызываетъ лишь смѣхъ.

Да, погибъ мой народъ! Ничего не зажглось
Въ обезсиленномъ тѣлѣ, прогнившемъ насквозь,
И чрезъ ночь роковую скитаній бродя,
Онъ вѣками не создалъ пророка-вождя
Съ сердцемъ полнымъ огня и зиждительныхъ силъ,
Кто бъ душой огневой ему путь озарилъ,
Кто бы поднялъ народа поруганный стягъ
И кому бъ выше счастья и жизненныхъ благъ

Были Богъ и народъ и за правду борьба,
Кто бъ умѣлъ ненавидѣть смиренье раба,
Чье страданье безбрежно, какъ моря просторъ,
Какъ народная скорбь, какъ народный позоръ,
Чтобъ все это слилось въ роковую любовь,—
Въ немъ пожаромъ горя, зажигая въ немъ кровь,
Неумолчно гремя день и ночь напролетъ:
— Съ нами Богъ! Онъ на трудъ и на подвигъ зоветъ!

Да, погибъ мой народъ, онъ къ позору привыкъ,
Безъ порывовъ и дѣлъ онъ постыдно поникъ.
Гнетъ цѣпей вѣковыхъ—безпредѣльный позоръ—
Изсушилъ его умъ, ослѣпилъ его взоръ.
Онъ къ неволѣ привыкъ, и его лишь гнететъ
Рабскій страхъ предъ бичемъ, пыль вседневныхъ заботъ.
Извиваясь, какъ червь, въ безднѣ муки и бѣдъ,
Развѣ можетъ онъ вѣрить въ грядущій разсвѣтъ,
Порываться къ далекимъ, незримымъ лучамъ
И вѣщать свое слово грядущимъ вѣкамъ?..
Не проснется онъ самъ безъ ударовъ бича,
Не воспрянетъ къ борьбѣ безъ угрозъ палача:
Цвѣтъ увядшій, сухой и роса не живитъ!..
Если стягъ и взовьется, и вновь загремитъ
Звукъ трубы, предвѣщая неволѣ конецъ,—
Встрепенется ли трупъ, оживетъ ли мертвецъ?..

Л. Яффе.

1897.

ПОСЛѢДНІЙ.

Всѣхъ ихъ вѣтеръ унесъ, всѣхъ ихъ день веселитъ,
Новой пѣсней зари разметавъ, и единый,
Нѣжный, слабый птенецъ, я остался, забытъ,
Подъ крыломъ у Шехины.

Я—одинъ, я—одинъ! Надо мной склонена,
Перебитымъ крыломъ трепетала Шехина;
Знало сердце мое, что приникла она
Близъ единаго сына.

Ахъ! изгнали ее отовсюду, давно;
Ей лишь уголъ одинъ, потаенный остался,—
Уголъ Бетъ-Гамидрашъ!—Тѣсно тамъ и темно...
Тамъ я съ ней .укрывался.

И, когда о лучахъ тосковали глаза,
И когда, въ тѣснотѣ, умъ томили кошмары,—
Ближе никла она, и спадала слеза
На страницу Гемары.

Тихо плача, она ограждала меня
Перебитымъ крыломъ и ласкала съ тоскою:
«Всѣхъ ихъ вѣтеръ унесъ, въ блескѣ новаго дня;
Я одна надъ тобою!»

И послѣдній аккордъ древнихъ, скорбныхъ псалмовъ,
Какъ призывъ и мольба и какъ трепетъ горячій,
Надо мною звучалъ въ этомъ шопотѣ словъ,
Въ этомъ пламенномъ плачѣ!

Валерій Брюсовъ.

1902.

Навернулась слеза. Раздробилъ ее свѣтъ
Замерцавшій...
Стужа сердце мертвитъ,—и слезы моей нѣтъ,
Какъ алмазъ заигравшей...

Изошло мое сердце слезой, и темно,
Какъ могила.
О, слеза та пронзила-бъ хоть сердце одно
И покоя лишила!

Я таю свою скорбь, задыхаясь въ тиши,
И на ложѣ.
По ночамъ жду напрасно я слезъ изъ души,
Слезъ томленья и дрожи.

Свѣтъ мнѣ поздно блеснулъ, мою душу весна
Не разбудитъ...
Солнце въ небѣ одно, въ сердцѣ пѣсня одна,—
Нѣтъ другой и не будетъ...

Л. Яффе.

1902

ПЕРЕДЪ ЗАКАТОМЪ.

На закатное небо посмотри заревое
Черезъ наше оконце.
Обними мою шею, вотъ, прижмись головою.
Опускается солнце.

Небо—море сіянья. Свѣтъ великій струится,
Сплетены мы безмолвно.
Пусть летятъ наши души, какъ свободныя птицы,
Въ свѣтозарныя волны,

Затеряются въ высяхъ, какъ двѣ быстрыхъ голубки,
Но въ пустынѣ безбрежной
Острова заалѣютъ,—и воздушны, и хрупки
Души спустятся нѣжно.

Ужъ не разъ прозрѣвали нетѣлеснымъ мы взглядомъ
Тѣ міры безъ названья,
И отъ ихъ созерцанья стала жизнь наша—адомъ,
И удѣлъ нашъ—скитанья.

Словно къ свѣтлой отчизнѣ устремляемъ мы очи
Къ нимъ съ великою жаждой.
Не о нихъ ли намъ шепчетъ звѣздъ торжественной ночи
Лучъ мерцающій каждый?

И на нихъ мы остались, нѣтъ ни друга, ни брата.
Два цвѣтка мы въ пустынѣ,
Тщетно ищемъ, скитаясь, невозвратной утраты
На холодной чужбинѣ.

Амари.

1902.

ГДѢ ТЫ?

Изъ мѣстъ, гдѣ скрыта ты, о жизни свѣтъ единый,
Моей тоски Шехина,

Приди, приди, какъ сонъ необычайный,
Въ пріютъ мой тайный;

Пока еще и мнѣ есть избавленье,
Предстань и дай цѣленье.

Верни мнѣ юность, рядъ утраченныхъ видѣній,
Мой бредъ весенній!

Мой пламень погаси блаженнымъ поцѣлуемъ!
Твоими персями волнуемъ,

Пусть, я какъ мотылекъ, погасну, въ часъ закатный,
На чашѣ ароматной!

Но гдѣ ты?
Еще не зналъ я, кто ты, что ты, гдѣ ты,—
Мечта тебѣ несла обѣты;

Во мглѣ, какъ красный угль, въ часъ бдѣнья, на постели,
Сны о тебѣ горѣли;

Въ ночи рыдая, я—кусалъ подушку; тѣло
Въ предчувствіи тебя—нѣмѣло;

И цѣлый день,—межъ буквами, въ Гемарѣ,
Въ прозрачномъ облачкѣ и солнечномъ пожарѣ,

Въ чистѣйшей изъ молитвъ и въ чистотѣ мечтаній,
Въ восторгѣ думъ, въ величіи страданій,

Моя душа во всемъ всегда, какъ идеала,
Тебя, тебя, тебя одной искала!

Валерій Брюсовъ.

1904.

ИСТИННО, И ЭТО — КАРА БОЖЬЯ.

И горшую кару пошлетъ Элоимъ:
Вы лгать изощритесь—предъ сердцемъ своимъ,

Ронять свои слезы въ чужія озёра,
Низать ихъ на нити любсго убора.

Въ кумиръ иновѣрца и мраморъ чужой
Вдохнете свой пламень съ душою живой.

Что плоть вашу ѣли,—еще-ль не довольно?
Вы духъ отдадите во снѣдь добровольно!

И, строя гордыни египетской градъ,
Въ кирпичъ превратите возлюбленныхъ чадъ.

Когда-жъ изъ темницы возропщутъ ихъ души,
Крадясь подъ стѣнами, заткнете вы уши.

И, если бы въ родѣ былъ зачатъ орелъ,
Онъ, крылья расправивъ, гнѣзда-бъ не обрѣлъ:

Отъ дома далече-бъ онъ взмылъ къ поднебесью,
Не сталъ бы ширяться надъ вашею весью.

Прорѣзалъ бы тучи лучистой тропой,
Но лучъ не скользнулъ бы надъ весью слѣпой,

И откликъ нагорный на клекотъ орлиный
Расслышанъ бы не былъ могильной долиной.

Такъ, лучшихъ стринувъ потомковъ своихъ,
Вы будете сиры въ селеньяхъ глухихъ.

Краса не смѣется въ округѣ бездѣтной;
Повиснетъ лохмотьемъ шатеръ многоцвѣтный,

И свѣточи будутъ мерцать вамъ темно,
И милость Господня не стукнетъ въ окно,

Когда-жъ въ запустѣньѣ потщитесь молиться,
Слезамъ утѣшенья изъ глазъ не пролиться:

Изсохшее сердце—какъ выжатый гроздъ,
Сметенный въ давильнѣ на грязный помостъ,—

Изъ сморщенныхъ ягодъ живительной дани
Не высосать жаждѣ палимой гортани.

Очагъ развалился, мяучитъ во мглѣ
Голодная кошка въ остылой золѣ:

Застлалось ли небо завѣсою пепла?
Потухло ли солнце? Душа ли ослѣпла?

Лишь крупныя мухи ползутъ по стеклу,
Да ткетъ паутину Забвенье въ углу.

Въ трубѣ съ Нищетою Тоска завываетъ,
И вѣтеръ лачугу трясетъ и срываетъ.

Вячеславъ Ивановъ.

1905.

Будь мнѣ матерью, сестрою,
Скрой крыломъ отъ горькой доли;
Мой пріютъ—твои колѣни
Въ скорбный часъ молитвъ и боли.

Въ часъ заката слушай тайну
Мукъ моихъ, моей святыни:
Говорятъ, есть юность въ мірѣ...
Зналъ ли юность я донынѣ?

И еще повѣрю тайну:
Я душой въ огнѣ сгораю.
Говорятъ, любовь есть въ мірѣ...
Что̀—любовь, не знаю.

Звѣзды душу обманули,
Свѣтлый сонъ мелькнулъ, чаруя.
Ничего нѣтъ больше въ жизни,
Ничего не жду я...

Будь мнѣ матерью, сестрою,
Скрой крыломъ отъ горькой доли;
Мой пріютъ—твои колѣни
Въ скорбный часъ молитвъ и боли.

Л. Яффе.

1905.

Я знаю: кану я, какъ звѣздочка въ туманъ,
И пропадетъ моя могила;
Но гнѣвъ мой да вовѣкъ дымится, какъ вулканъ,
Чье пламя спитъ, но не остыло.
И вѣчная, какъ онъ, какъ вѣчны небеса
Надъ мѣстомъ бойни беззащитной,
Да станетъ наша скорбь, какъ кость у злого пса,
Въ гортани міра ненасытной;
И небо напоитъ, и всю земную гладь,
И степь, и лѣсъ отравой жгучей,
И будетъ съ ними жить, и цвѣсть, и увядать,
И расцвѣтать еще могучѣй;
Безъ имени, безъ формъ пройдетъ изъ рода въ родъ,
Свидѣтель ужаса нетлѣнный—
И вопль ея нѣмой задержитъ твой восходъ,
День Искупленія вселенной!

Но если День придетъ, и Правды лживый взоръ
Надъ міромъ въ наглости возблещетъ,
И лицемѣрный стягъ, въ крови моихъ сестеръ,
Надъ ихъ убійцами заплещетъ,
И Божія печать поддѣльная на немъ
Безстыдно солнцу въ очи взглянетъ,
И наглый хороводъ, и лживыхъ пѣсенъ громъ
Надъ мѣстомъ пытки нашей грянетъ;—
То хлынетъ наша кровь по небу и землѣ,
И станетъ солнце тьмой багровой,
Печатью Каина у міра на челѣ,
Клеймомъ безсилья надъ Іеговой;
И звѣзды задрожатъ: О, день великой лжи!
О, скорбь, неслыханная міру!—
И встанетъ Мститель-Богъ, рыча отъ ранъ души
И занесетъ Свою сѣкиру...

Вл. Жаботинскій.

1906.

ЗАВОДЬ.

I.

Я знаю лѣсъ и въ томъ лѣсу
Стыдливой Заводи красу
Въ оправѣ темнолистныхъ купъ.
Благословенный Солнцемъ Дубъ,
Питомецъ бурь, надъ ней склоненъ.
И міръ, обратно отраженъ,
Ей снится. Рыбъ искристый рой
Мелькнетъ по Заводи порой,
И Заводь удитъ ихъ во снѣ.
Но что̀ въ завѣтной глубинѣ
Она таитъ,—не разгадать.
Когда съ востока благодать
На землю хлынетъ и заря
Дубравнаго богатыря
Омоетъ космы, и—Самсонъ
Подъ ласкою Далилы—онъ
Смѣется въ розовой сѣти,
И шепчетъ Солнцу Дубъ: «Святи
Меня огнемъ! Мнѣ вожделѣнъ
Золотоструйной нѣги плѣнъ!»—
Въ тотъ часъ,—скользнетъ ли лучъ по ней
Иль нѣтъ,—но Заводь у корней
Замретъ, застынетъ, какъ стекло,
Чтобъ, наклонивъ надъ ней чело,

Родимый видѣлъ великанъ,
Какою славой осіянъ;
И сладко грезить ей, что онъ
Ея любовію вспоенъ.

II.

Настанетъ ночь, взойдетъ луна,—
И, тайною отягчена,
Дубрава спитъ. Въ листвѣ, какъ тать,
Серебряныя чары ткать—
Крадется лучъ. Но изъ древесъ
Простерло каждое навѣсъ,
Ревнивой тѣнью облача
Отъ соглядатая-луча.
Глубокихъ нѣдръ покой и тьму,
Гдѣ, погруженная въ дрему,
На ложѣ золотомъ,—юнѣй
Весеннихъ розъ и розъ нѣжнѣй,—
Лежитъ царевна древнихъ дней...
Надъ ней хранительно витать,
Дыханья устъ ея считать
Повелѣно душѣ лѣсной
Въ той храминѣ заповѣдной,
Куда, въ свой часъ, войдетъ одинъ
Къ своей невѣстѣ царскій сынъ...
Въ тотъ часъ,—прозыблется иль нѣтъ
По заводи зеркальной свѣтъ,—
Уйдетъ подъ сѣнь опекуна
Многовѣтвистаго она
И ляжетъ омутомъ ночнымъ,
Нѣма безмолвіемъ двойнымъ,
И тайна въ ней, и тишина
Волшебнаго лѣсного сна
Какъ-бы вдвойнѣ углублена.
И ей сквозь темную дрему,

Быть можетъ, вспомнится: къ чему
Въ пескахъ сухихъ, въ лѣсахъ глухихъ
Найти невѣсту мнитъ женихъ?..
Желанный кладъ, онъ—тутъ, на днѣ,
Въ ея безвѣстной глубинѣ...

III.

Когда, всклубясь зловѣщей мглой,
Налягутъ тучи слой на слой,
Но кроютъ, глухо рокоча,
Въ дрожащихъ нѣдрахъ гнѣвъ луча,
И рѣдко-рѣдко межъ собой
Перемигнутся: «будетъ бой!»—
Еще не вѣдая, гдѣ врагъ,
Лѣсъ ждетъ... И вдругъ—огней зигзагъ
Мигнулъ... Съ расколотыхъ небесъ
Просыпанъ громъ... Вскипаетъ лѣсъ...
Не шестьдесятъ ли миріадъ
Свистящихъ вихрей выслалъ адъ,
Безликихъ бѣсовъ, бездны чадъ?
Вцѣпился въ длинные власы
И рветъ зеленыя красы
Сонмъ изступленныхъ дикарей
И по главамъ богатырей
Косматыхъ хлещетъ. Громъ гремитъ,
И тяжкимъ шумомъ лѣсъ шумитъ,
Какъ-будто бурей возмущенъ
Пучинъ тяжеловодныхъ сонъ,
И, сотрясенная до дна,
Гудитъ и стонетъ глубина,
Гнѣвъ неба, вѣтра вой глуша...
Тѣмъ часомъ Заводи душа
Уходитъ въ омуты свои,
Гдѣ, сумеречныя струи
Расплавомъ бѣглымъ золотя,

Мерцаютъ рыбки... Какъ дитя,
Укрыто матернимъ крыломъ,
Безпечно внемлетъ горній громъ,—
Вдругъ новой молніи изломъ
Его пугаетъ и слѣпитъ,
Но мать надъ нимъ,—младенецъ спитъ:
Такъ въ дикомъ трепетѣ огней
И Заводь дремлетъ у корней
Родного стражника; глаза
На мигъ откроетъ: все гроза!—
И мелкой дрожью задрожитъ,
И вѣжды сонныя смежитъ...
Но и сошедъ въ глухой, затворъ,
Стихійный слухомъ ловитъ споръ,—
За лѣса царственный уборъ,
За ткань живую трепеща
Его измятаго плаща,
За чаровательный чертогъ,
Чей святотатственно порогъ,—
Смутивъ обитель чистыхъ нѣгъ,—
Попралъ неистовый набѣгъ...

IV.

За бурей день встаетъ свѣтло;
Но лѣса хмурое чело
Хранитъ унынія печать,
И любо смутному молчать
Подъ лаской тихой росныхъ чаръ.
Межъ тѣмъ въ лугахъ молочный паръ
Разливомъ стелется сѣдымъ
И воскуряется, какъ дымъ,
И льнутъ къ листвѣ его клочки;
И лижутъ вѣтра язычки,
Успокоительно-теплы,
Съ листвы дремучей млеко мглы,

И шарятъ въ лиственномъ вѣнцѣ,
И зыблютъ перья на птенцѣ.
Такъ нѣженъ трепетъ легкихъ струй,
Какъ устъ младенца поцѣлуй,
Когда пушокъ родимыхъ щекъ
Щекочетъ мягкій язычокъ...
А надъ вѣнцомъ дубравныхъ главъ
Остановился облакъ славъ:
Златой синклитъ престольныхъ силъ
Въ пути воздушномъ опочилъ;
И старцевъ багрянитъ заря,
Несущихъ свитки, гнѣвъ Царя,
Дорогой дальней, изъ одной
Округи міра въ міръ иной.
И лѣсъ имъ въ страхѣ предстоитъ,
Дыханье слитное таитъ—
И вѣтокъ освѣженныхъ ростъ,
И шорохи ожившихъ гнѣздъ...
Въ тотъ часъ надъ влагою легка
Фата туманная; гладка
Парная Заводь... Снится ей:
Мимоидетъ соборъ князей,
Взыскующихъ земли святой
За поднебесною чертой.
Почто плывутъ къ чужимъ брегамъ?
Міръ вожделѣнный—здѣсь, не тамъ!
Запечатлѣнный—тутъ, въ глуши,
Въ ея струящейся тиши,
Въ молчаньѣ дѣвственной души...

V.

О, миръ блаженный, тайный свѣтъ
Моихъ невозвратимыхъ лѣтъ,
Когда надъ отрока челомъ
Шехина дрогнула крыломъ!

Въ тѣ дни—какъ міръ дивилъ меня!
Какъ сладко, грудь мою тѣсня,
Вскипали слезы! Какъ сжигалъ
Ее восторгъ!.. Я убѣгалъ
Живой дубравы въ глушь и тьму—
Молиться Богу моему.
Тропой звѣриной, въ лѣтній зной,
По зáсѣкѣ заповѣдной
Бреду, бывало... Ропщетъ боръ,
Гдѣ не стучалъ еще топоръ...
Веду съ Незримымъ разговоръ...
Людского нѣтъ окрестъ слѣда;
Мнѣ стелетъ солнце невода,
Но колыханіемъ завѣсъ
Манитъ—въ шатеръ Господень—лѣсъ.
Такъ, скиніи взыскуя, разъ
Лазоревый въ чащобѣ глазъ
Я встрѣтилъ: Заводь то была.
Надъ гладью влажнаго стекла
Всплывалъ зеленый островокъ,
Какъ столъ алтарный—одинокъ,
Шелкóвой устланъ муравой,
Благословляющей листвой
Отцовъ лѣсныхъ со всѣхъ сторонъ
Хранительно пріосѣненъ.
Надъ малой храминой—небесъ
Округлый сводъ въ вѣнцѣ древесъ;
А полъ у храмины—стекло.
И въ сводѣ, и на днѣ—свѣтло
Горятъ, единый блескъ дѣля,
Два огнезарныхъ хрусталя.
Главою преклонясь къ стволу,
Очами къ зыбкому стеклу
Прильнувъ, часы я проводилъ,
Дивясь загадкѣ двухъ свѣтилъ
И двухъ міровъ,—и что первѣй:
Видѣнье неба иль зыбей?..
И старцы лѣса мнѣ съ вѣтвей

Кропили въ грудь зеленой мглой,
И смутнымъ пѣньемъ, и смолой.
И наполнялась по края
Обильемъ сладкимъ грудь моя,
И чуткій напрягался слухъ,
И ждалъ Шехины близкой духъ...
И средь пустынной нѣмоты,
Чу,—ясный голосъ: «Гдѣ же ты?..»
И удивленною листвой
Взгудѣли, смутной головой
Киваютъ мнѣ древа, поютъ:
«Кто ты, вошедшій въ сей пріютъ?..»

VI.

Есть Божій, внятный намъ языкъ—
Языкъ молчанья. Всякій ликъ
Земной и горней красоты
Въ немъ есть, и всѣ цвѣтутъ цвѣты;
Но сотканъ онъ изъ эхо сновъ,
И нѣтъ ни звука въ немъ, ни словъ.
На немъ міры творящій Духъ
Непостижимо грезитъ вслухъ;
И въ немъ, поэтъ, своей мечты
Истолкованье ловишь ты.
Глашатай знаменій святыхъ,
Онъ вѣчно развиваетъ, тихъ,
Свой свитокъ огненныхъ словесъ,
Являя духу свѣтъ небесъ
И снѣгъ вершинъ, и сумракъ нѣдръ,
И злато нивъ, и мощный кедръ,
Летъ горлицъ бѣлыхъ и орла,
И стройныя людей тѣла,
И тайну ясную очей,
И по волнамъ игру лучей,

И ярость бѣшеныхъ стихій,
Когда огня всклубится змій
Иль хляби водъ идутъ на брегъ,
И звѣздочки падучей бѣгъ,
И солнца низкаго пожаръ,
И вѣщій медъ закатныхъ чаръ...
И Заводь тихая, во снѣ
Свою загадку пѣла мнѣ
На томъ же языкѣ живомъ...
И въ непробудный водоемъ
Глядѣлъ я подолгу,—и вотъ,
Передо мной—не заводь водъ,
А глазъ лазоревый... Открытъ,
Онъ въ небо небомъ нѣдръ глядитъ,
Неизреченныхъ полонъ думъ,
Какъ лѣса непробудный шумъ...

Вячеславъ Ивановъ.

1905.

ТЫ ОТЪ МЕНЯ УХОДИШЬ.

Ты отъ меня уходишь—шествуй съ миромъ...
Въ твоемъ пути твоя да будетъ воля,
И будь въ покоѣ, гдѣ бъ ты ни дышала...
А я? Меня минуетъ часъ сиротства:
Покуда солнце гаснетъ и восходитъ
И Божьи звѣзды блещутъ мнѣ безгранно—
Еще мои богатства не изсякли
И ключъ моей отрады не скудѣетъ...
Вотъ, я тебя лишился: но со мною
Безмѣрный міръ то въ зелени весенней,
То въ золотѣ, то въ бѣлыхъ ризахъ зимнихъ...
И грудь моя, какъ прежде—храмъ видѣній,
И боль моя—все та же скорбь святая,
И—образъ твой—со мною ангелъ чистый,
Что благостно витаетъ надо мною
И шепчетъ мнѣ свое благословенье
И сдержанно и трепетно, какъ слезы
Глазъ матери въ сіяньи свѣчъ субботнихъ,
Въ безмолвіи святыни безмятежной,
Иль ликъ звѣзды дрожащей, въ темныхъ высяхъ,
Взирающей съ привѣтомъ, и мнѣ посохъ
Изъ золота сквозь сумракъ протянувшей...
Я твердо знаю:
По всей землѣ стократно разольются
Съ ихъ синевой лучисто-златотканной,

Какъ смоль—смуглянки, бездны ночи лѣтней,
Горячія и сладостныя ночи
Въ плащѣ изъ мрака, въ звѣздныхъ ожерельяхъ,
Гдѣ каждая звѣзда—какъ плодъ граната
Изъ золота, изъ золота литого;
И въ грѣшныхъ снахъ, охваченная нѣгой,
Уснетъ земля на тайномъ лонѣ ночи,
И вдругъ наступитъ строгое молчанье
И въ немъ польются звѣзды роемъ, роемъ,
Горя въ своемъ паденіи на землю,
Какъ золотые листья листопада;
И всякъ, палимый страстью и желаньемъ,
Отъ голода и жажды весь поникнетъ
И, какъ слѣпецъ, обниметъ алчно камень
И будетъ ползать трепетно во прахѣ,
Ловя крупицу, каплю золотую,
Какъ горній даръ его звѣзды, чтобъ съ нею
Взять горсть любви, извѣдать мѣру счастья;
И если ты въ часы такой истомы,
Усталымъ взглядомъ землю озирая,
Сквозь тьму влачиться будешь безъ надежды,
Въ нѣмой тоскѣ по счастіи и Богѣ,
Воздѣнь, какъ я, свой взоръ къ полночнымъ высямъ
И научись всѣмъ сердцемъ ихъ покою,
Взирай, какъ всюду, искрясь, угасая,
Мелькаютъ въ небѣ звѣзды еженочно,
А небеса стоятъ въ своемъ покоѣ,
Своихъ потерь не вѣдая, какъ будто
Ихъ золото во вѣки не скудѣетъ...

Ю. Балтрушайтисъ.

1907.

И будетъ,
Когда продлятся дни, отвѣка тѣ же,
Всѣ на одно лицо, вчера какъ завтра,
Дни, просто дни безъ имени и цвѣта,
Съ немногими отрадами, но многой
Заботою; тогда охватитъ Скука
И человѣка, и звѣрей. И выйдетъ
Въ часъ сумерекъ на взморье погулять
Усталый человѣкъ—увидитъ море,
И море не ушло; и онъ зѣвнетъ.
И выйдетъ къ Іордану, и увидитъ—
Рѣка течетъ, и вспять не возвратилась;
И онъ зѣвнетъ. И ввысь подыметъ взоры
На семь Плеядъ и поясъ Оріона:
Они все тамъ же, тамъ же... и зѣвнетъ.
И человѣкъ, и звѣрь изсохнутъ оба
Въ гнетущей Скукѣ, тяжко и несносно
Имъ станетъ бремя жизни ихъ, и Скука
Ощиплетъ ихъ до плѣши, и сѣдые
Усы кота.
Тогда взойдетъ Тоска.
Взойдетъ сама собой, какъ всходитъ плѣсень
Въ гниломъ дуплѣ. Наполнитъ дыры, щели,
Все, все, подобно нечисти въ лохмотьяхъ.
И человѣкъ вернется на закатѣ
Къ себѣ въ шатеръ на ужинъ, и присядетъ,
И обмакнетъ обглоданную сельдь

И корку хлѣба въ уксусъ—и охватитъ
Его Тоска. И отхлебнетъ отъ мутной
И тепловатой жижи—и охватитъ
Его Тоска. И сниметъ свой чулокъ,
Пролипшій потомъ, на ночь—и охватитъ
Его Тоска. И человѣкъ, и звѣрь,
Уснутъ въ своей Тоскѣ, и будетъ, сонный,
Стонать и выть, тоскуя, человѣкъ,
И будетъ выть, царапая по крышѣ,
Блудливый котъ.
Тогда настанетъ Голодъ.
Великій, дивный Голодъ—міръ о немъ
Еще не слышалъ: Голодъ не о хлѣбѣ
И зрѣлищахъ, но Голодъ—о Мессіи!

И поутру, едва сверкнуло солнце,
Во мглѣ шатра съ постели человѣкъ
Подымется, замученный тревогой,
Пресыщенный тоскою сновидѣній,
Съ пустой душой; еще его рѣсницы
Опутаны недоброй паутиной
Недобрыхъ сновъ, еще разбито тѣло
Отъ страховъ этой ночи, и въ мозгу
Сверлитъ еще и вой кота, и скрежетъ
Его когтей; и бросится къ окну,
Чтобъ протереть стекло, или къ порогу—
И, заслоня ладонью воспаленный,
Алкающій спасенья, мутный взоръ,
Уставится на тѣсную тропинку,
Что за плетнемъ, или на кучу сору
Передъ лачугой нищенской—и будетъ
Искать, искать Мессію!—И проснется,
Полунага подъ сползшимъ одѣяломъ,
Растрепана, съ одряблымъ, вялымъ тѣломъ
И вялою душой, его жена;
И, не давая жадному дитяти
Изсохшаго сосца, насторожится,
Внимая вдаль: не близится ль Мессія?

Не слышно ли храпѣніе вдали
Его ослицы бѣлой?—И подыметъ
Изъ колыбели голову ребенокъ,
И выглянетъ мышенокъ изъ норы:
Не близится ль Мессія, не бренчатъ ли
Бубенчики ослицы?—И служанка,
У очага полѣнья раздувая,
Вдругъ высунетъ испачканное сажей
Свое лицо: не близится ль Мессія,
Не слышно ли могучаго раската
Его трубы...

Вл. Жаботинскій.

1908.

И сказалъ Амассія Амосу,
Провидецъ, бѣги!...
(Амоса, VII, 12).

Бѣжать? О, нѣтъ! Привыкъ у стада
Я къ важной поступи вола:
Мой шагъ тяжелъ, и рѣчь безъ склада
И, какъ сѣкира, тяжела.

Мой пылъ угасъ, и въ сердцѣ холодъ,
Но не на мнѣ за то позоръ:
Не встрѣтилъ наковальни молотъ,
И въ гниль обрушился топоръ...

Что жъ, покорюсь Судьбѣ рѣшенной,
Свяжу мой скарбъ, стяну кушакъ
И прочь пойду, цѣны поденной
Не заработавшій батракъ.

И будутъ рощи мнѣ подруги,
И будутъ долы мой пріютъ,
А васъ,—а васъ лихія вьюги,
Какъ сгнившій мусоръ, разметутъ...

Вл. Жаботинскій.

1910.

ТАКЪ БУДЕТЪ, — НАЙДЕТЕ ВЫ...

Такъ будетъ,—найдете вы лѣтопись сердца
На площади пыльной,
И скажете: Жилъ человѣкъ прямодушный,
Усталый, безсильный.

И жилъ, и работалъ, смиренно готовый
Въ углу затаиться.
Встрѣчалъ онъ безъ радости и безъ проклятья
Все, что ни случится.

Пойдетъ простодушно,—пути его были
Всегда не лукавы.
Отъ малаго дѣла не шелъ за великимъ,
Не жаждалъ онъ славы.

Незваное, поздно придетъ ли величье
Съ ликующимъ звономъ.
Онъ станетъ, онъ глянетъ, дивяся, но тотчасъ
Уходитъ съ поклономъ.

Стучится ли въ дверь къ нему поздняя слава,
Ее не впускалъ онъ.
И наглость собачью, и заячью кротость
Равно презиралъ онъ.

Пріютъ для души—невеликая келья
Въ одно лишь оконце.
Въ ней духъ не являлся ни адскаго мрака,
Ни горняго солнца.

Молитву онъ зналъ,—тяжело ль становилось,
Онъ въ келью стремился,
Склонялся къ окну, трепеталъ и пылалъ онъ,
И тихо молился.

И длилась молитва, какъ дни его жизни,
Но Вышняя сила
Дала, что не надо,—въ единой надеждѣ
Отказано было.

До смерти душа не отчаялась въ Богѣ,
Ждала утѣшенья,
И сердце молилось, и умерло сердце
Во время моленья.

Федоръ Сологубъ.

1910.

ВѢТКА СКЛОНИЛАСЬ.

Вѣтка склонилась къ оградѣ и дремлетъ—
  Какъ я—нелюдимо...
Плодъ палъ на землю—и что мнѣ до корня,
  До вѣтви родимой?
Плодъ палъ на землю, какъ цвѣтъ, и лишь живы
  Листья съ ихъ шумомъ!
Гнѣвная буря ихъ скоро развѣетъ
  Тлѣномъ угрюмымъ.
Будутъ лишь ночи, лишь ужасъ, гдѣ мира
  Не вѣдать, ни сна мнѣ—
Гдѣ одиноко мнѣ биться средь мрака
  Главою о камни.
Буду угрюмо висѣть я на вѣтви
  Весною зеленой—
Прутъ омертвѣлый, нагой и безплодный,
  Средь цвѣта и звона...

Ю. Балтрушайтисъ.

1911.

ДА БУДЕТЪ УДѢЛЪ ВАШЪ БЕЗМОЛВНЫЙ.

1.

Да будетъ удѣлъ вашъ безмолвный
Моимъ вожделѣннымъ удѣломъ,
Вы, ткущіе жизнь свою втайнѣ,
Стыдливые словомъ и дѣломъ!

2.

Молчальники, въ сердцѣ смиренномъ,
Какъ жемчугъ въ жемчужницѣ тѣсной,
Святую мечту вы таите,
Богатство души безсловесной.

3.

Добру въ васъ, какъ ягодамъ лѣса,
Привольны завѣсы густыя;
Вашъ духъ—словно храмъ заповѣдный,
Уста—что врата запертыя.

4.

Во снѣ вамъ не снилось, убогимъ,
  Что всѣхъ вы вельможъ благороднѣй,
Художники умнаго дѣла,
  Священники тайны Господней.

5.

Не видѣлъ чужой соглядатай
  Ни вашихъ торжествъ, ни печали;
Задумчиво взоръ вашъ уходитъ
  Все въ тѣ же прозрачныя дали.

6.

И мудрая та же улыбка—
  Познанья, прощенья, участья—
Всѣхъ мимоидущихъ встрѣчаетъ,
  Напутствуетъ всѣхъ безъ пристрастья:

7.

Великихъ равно—и ничтожныхъ,
  И добрыхъ и грѣшныхъ скитальцевъ.
Вы тихо проходите міромъ,
  Какъ-будто на кончикахъ пальцевъ.

8.

Но бодрствуетъ око, слухъ чутокъ,
  Высокое—сердце примѣтитъ,
Всѣмъ трепетамъ жизни прекрасной
  Біеньемъ согласнымъ отвѣтитъ.

9.

Гдѣ ваша стопа ни ступала,
Тамъ сѣяли вы ненарокомъ
Сѣвъ помысловъ чистыхъ, и вѣра
Поила тѣ глыбы потокомъ.

10.

Какъ небо лазурью исходитъ,
Какъ свѣжесть дубравы наводятъ,
Такъ вѣра изъ сердца струится,
Но словъ ей уста не находятъ.

11.

Устамъ заповѣдано слово,
Перстамъ—красоты сотворенье;
Въ безмолвіе вы погрузили
Глубокихъ восторговъ горѣнье.

12.

И доли вамъ нѣтъ межъ провидцевъ,
Ни мѣста за трапезой пышной;
На стогнахъ слѣдовъ не оставитъ
Нетягостный шагъ и неслышный.

13.

Изъ жизни псаломъ вы сложили:
Въ ней сладость и стройность въ ней та же.
Вы Образа Божія въ людяхъ,
Подобья Господняго стражи.

14.

Дыханіемъ каждымъ и взоромъ
Служа въ тишинѣ Человѣку,
Вы лѣпоту духа струите
Въ мірскую вселенскую рѣку.

15.

И сердце потока поите
Изъ нѣдръ, ключевыя криницы.
Аминь! Мановенье не сгинетъ
Чуть дрогнувшей вашей рѣсницы.

16.

Но,—какъ пѣснопѣнье созвѣздій,—
Мерцая въ недвижномъ величьѣ,
Воскресшее станетъ надъ міромъ
Небесное ваше обличье.

17.

Замрутъ стародавнія струны
И древняго мудрость глагола,
Забудутся Іéманъ, Іеду́ѳунъ,
Вѣщанья Дардó и Халкóла:

18.

Но ваши, и въ родѣ грядущемъ,
Живыя черты не увянутъ,
И въ Ликѣ единомъ, послѣднемъ—
И ликъ вашъ, и взоръ вашъ проглянутъ.

Вячеславъ Ивановъ.

1915.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

Тайно отъ міра, одну за другой, какъ звѣзды подъ утро,
Жизнь погасила во мнѣ сокровенныя сердца надежды.
Все-же томленье одно я сберегъ, одно упованье:
Голосъ его не умолкнетъ въ груди; ни шумъ повседневный
Пѣсни святой заглушить, ни злокозненный демонъ не можетъ.
Если еще, на яву ли, во снѣ ль, хоть на мигъ мимолетный,—
О, хоть на мигъ мимолетный!—предъ Господомъ свѣтелъ предстану,—
Часъ мой закатный, молюсь, да вернетъ сновидѣніе утра,
Ясность младенчества вновь озаритъ обновленное сердце!

Духъ мой нечистъ, и моя же рука осквернила вѣнецъ мой;
Божьи забылъ я стези, не стучусь у дверей Милосердья;
Къ зовамъ оглохъ, и незрячъ на знаменья,—звѣздъ отщепенецъ,
Неба отверженецъ; лугу чужой; не привѣтствуемъ въ полѣ
Лаской колосьевъ, какъ встарь; отрѣшенъ отъ видѣній начальныхъ;
Чуждъ и себѣ самому. Но въ хранилищѣ тайномъ вселенной,
Гдѣ не исчезнетъ ничто и ничей не изгладится образъ,—
Цѣло и дѣтство мое, какъ печать на десницѣ Господней.
Смѣнѣ временъ не подверженъ тотъ ликъ, незапятнанъ, нетронутъ,—
Вѣчной зарею въ оправѣ своей издалече мнѣ свѣтитъ,
Путь мой слѣдитъ, и считаетъ шаги, и мигаетъ рѣсницей...

Гдѣ ты?—далече!—родимый мой край, колыбельная пристань,
Почва корней моихъ, духа родникъ и мечтаній услада,
Милый душѣ уголокъ, излюбленный въ мірѣ просторномъ,—

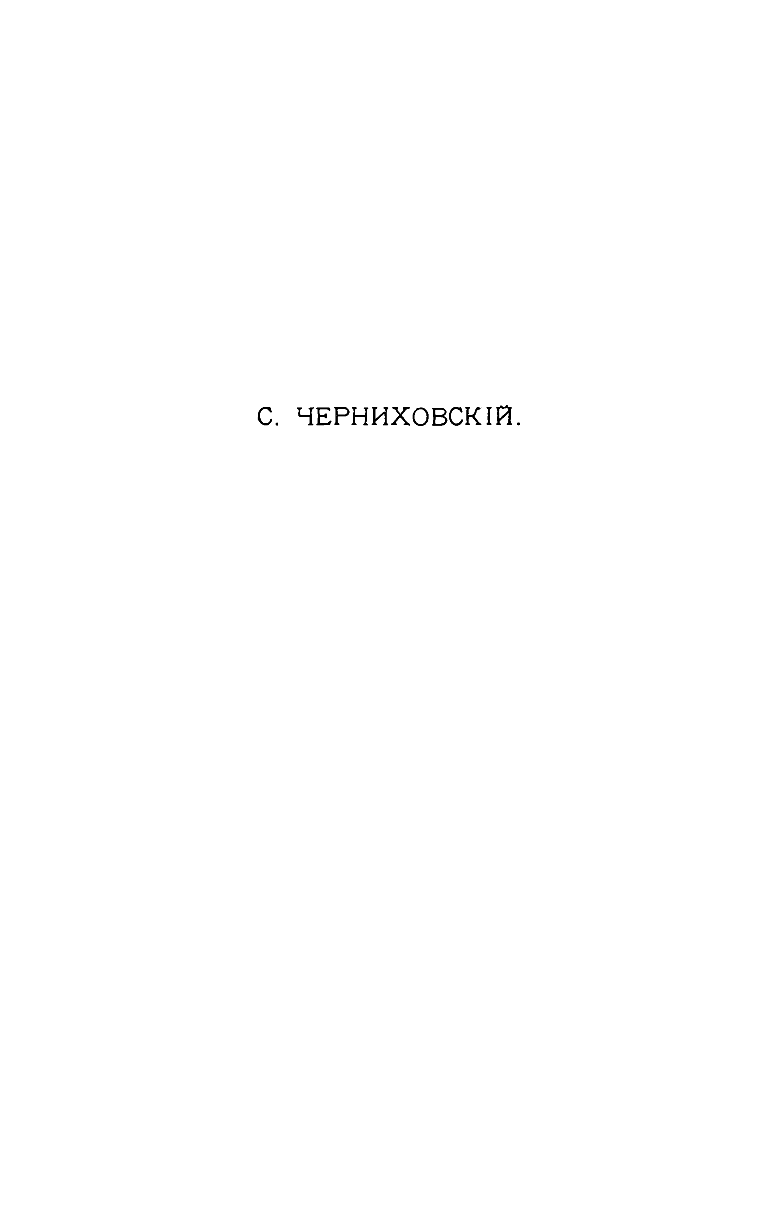
Нѣтъ ни травы зеленѣй, чѣмъ твоя, ни лазури прозрачнѣй!
Память, мой край, о тебѣ—какъ вино: тѣмъ душистѣй, чѣмъ старѣ;
Перваго снѣга бѣлѣетъ она чистотой непорочной...
Перваго утра видѣнье и перваго сна изголовье,
Родину тихую, край цѣломудренный въ прелести свѣжей,
Скрытый межъ горъ и дубравъ и всѣхъ мѣстъ подъ солнцемъ юнѣйшій,
Въ глубь вѣтвящій стези, и тропы свои въ рожь золотую,
Въ тихихъ созвучіяхъ полдень и ночь согласующій, утро
Съ вечеромъ,—вижу его, какъ онъ цвѣлъ, какъ сіялъ изначала
Сердцу, какъ образъ его начерталъ въ моемъ духѣ Создатель,
Чтобъ до послѣдняго дня и по край земли низмѣнно
Цѣлостнымъ несъ я тотъ образъ въ груди, все тотъ-же—въ весенней
Нѣжности, въ лѣтнихъ лучахъ, подъ осеннею мглой и подъ снѣгомъ
Такъ мнѣ, недвижный, застылый съ природою всей, предстоитъ онъ,
Солнцемъ живымъ осіянъ иль торжественнымъ таинствомъ ночи,
Устъ моихъ чистыхъ дыханье храня, лелѣя мой дѣтскій
Трепетъ на глыбахъ камней, въ одиночествѣ дебрей угрюмыхъ,
Въ таяньи облака, въ дрожи листа, унесеннаго вѣтромъ
Съ древа... Поднесь тѣ лѣса чаровательно ткутъ свои тѣни,
Каждая вѣтвь въ нихъ цѣла, нить каждая сѣти волшебной;
Сладостныхъ страховъ былыхъ сокровенныя заросли полны;
Въ чащѣ кустовъ притаились нѣжнѣйшія дремныя грезы.
Горы въ коврахъ цвѣтотканныхъ,—незыблемы; мягкіе склоны
Слѣдъ моихъ ногъ берегутъ и, какъ встарь, улыбаются гостю;
Эхо восторговъ моихъ въ ихъ разсѣлинахъ, чуткое, дремлетъ;
Духъ мой все бродитъ по нимъ и, дивясь ихъ величью, нѣмѣетъ.

Кровъ мой родной, гнѣздо безопасное, скинія мира,
Матери свѣтлымъ лицомъ озаренная, гдѣ возрасталъ я
Ласки живой подъ крыломъ хранительнымъ, гдѣ предавался
Нѣгѣ безпечной, прильнувъ къ благовонному лону родимой!
Вижу тебя на отлогомъ холмѣ, подъ навѣсомъ каштана,
Сельскій пріютъ и простой! Ты все тамъ же, гдѣ встарь, неизмѣнный,

Бѣлый, подъ низкою кровлей, съ оконцами малыми, домикъ!
Выступы мхомъ зеленѣютъ, трава прорастаетъ сквозь щели.
Окрестъ—сады, да глушь и бурьянъ. Молчаливо надъ ними
Время волокнами тучъ проплываетъ; бѣленькій домикъ,
Мнится, слѣдитъ на-юру, день и ночь, издалече за жизнью,
Да обо мнѣ вспоминаетъ, о бѣженцѣ дальнемъ, съ тоскою...
Тамъ и донынѣ скользитъ моя тѣнь въ уголкахъ потаенныхъ...

Знаю: единожды пьетъ человѣкъ изъ кубка златого;
Дважды видѣніе свѣта ему не даруется въ жизни.
Есть лазурь у небесъ несказанная, зелень у луга,
Свѣтъ у эѳира, сіянье въ лицѣ у твореній Господнихъ:
Разъ лишь единый мы зримъ ихъ въ младенчествѣ, послѣ не
видимъ.
Все-же внезапное Богъ даетъ озареніе вѣрнымъ;
Чуда того неразгаданъ истокъ, сокровенъ отъ провидцевъ.
Молча готовлюсь и жду, день и ночь, мановенія свыше,—
Весь напрягаюсь, какъ арфы струна, простираюсь навстрѣчу;
Гдѣ и когда это будетъ—не вѣдая, вѣстника чаю.
Сердце пророчитъ: воспомнитъ меня видѣнье святое;
То, чего жаждетъ душа, навѣститъ ее. И величавый
Мигъ настанетъ,—мигнетъ рѣсницею Вѣчность, и глянетъ
Сверху, какъ въ долъ изъ окна разверстаго, въ душу былое.
Очи мои просвѣтятся, прояснятся взоромъ дитяти:
Въ образахъ многихъ и смѣнахъ—единое, слито съ природой,
Дѣтство мое протечетъ по тропамъ покинутымъ духа.
Темныя вспыхнутъ сіяньемъ тропы заповѣдныя, ярче
Утреннихъ сновъ; голоса зазвучатъ; приблизятся дали;
Чудо забвенному краски вернетъ, безуханному запахъ;
Будетъ мгновеннымъ видѣнье, но мигъ тотъ единый затопитъ
Сладостнымъ сердце приливомъ,—и въ немъ изойдутъ мои силы...
Буду стоять, изумленный, предъ только-что видѣннымъ міромъ
Многихъ чудесъ и святынь, предъ оградою запечатлѣнной
Рая, чьихъ тайнъ не коснулась рука, не измолвило слово.
Гуломъ исполнится духъ; надо мной—удивленіе Божье;
Очи въ слезахъ; въ глубинѣ—торжественный гулъ, безгла-
гольный...

1917. Вячеславъ Ивановъ.

С. ЧЕРНИХОВСКІЙ.

Саулъ Гутмановичъ Черниховскій родился 8 августа 1875 года, въ селѣ Михайловкѣ, Таврической губерніи, въ интеллигентной еврейской семьѣ. Мальчикъ получилъ воспитаніе, не обычное для еврейскихъ дѣтей: онъ учился въ преобразованномъ хедерѣ и еще въ дѣтскомъ возрастѣ былъ отданъ въ общую школу. Въ отроческіе годы онъ познакомился съ ново-еврейской литературой. Въ 1890 году Черниховскій переѣхалъ въ Одессу, гдѣ поступилъ въ коммерческое училище. Въ 1899 году уѣхалъ за границу, поступилъ въ гейдельбергскій университетъ и затѣмъ перешелъ въ лозаннскій, гдѣ въ 1907 году окончилъ медицинскій факультетъ. Въ этомъ же году онъ поступилъ на земскую службу въ таврическую, а затѣмъ въ харьковскую губернію. Въ послѣдніе годы Черниховскій работалъ въ качествѣ военнаго врача. Въ настоящее время живетъ въ Петроградѣ.

Черниховскій дебютировалъ въ литературѣ стихотвореніями «Bachalomi»; въ американскомъ журналѣ «Ha-pisgo», въ 1892 году и «Massath nafschi»—въ сборникѣ «Ha-scharon», въ 1893 году. Въ 1899-мъ году появился первый сборникъ его произведеній «Chezionoth a-manginoth» («Видѣнія и напѣвы»). Полное собраніе его стихотвореній издано въ 1911 году въ Одессѣ, (изд. «Гашилоахъ»), затѣмъ въ 1913 г. (изд. «Морія»).

Черниховскій много переводилъ изъ европейскихъ поэтовъ. Его перу принадлежатъ переводы изъ Шелли, Мюссе, Борнса, Демеля, Лонгфелло и др. Переводъ «Пѣсни о Гайавайтѣ» изданъ имъ въ 1912-мъ году («Schirath Hajavatha».) Въ настоящее время Черниховскій готовитъ къ печати переводъ стихотвореній Анакреона и избранныхъ пѣсенъ Калевалы и работаетъ надъ переводомъ Иліады.

Черниховскій работаетъ также надъ составленіемъ учебныхъ пособій по физіологіи и анатоміи для еврейскаго университета въ Іерусалимѣ.

Черниховскій много содѣйствовалъ выработкѣ еврейской номенклатуры по флорѣ и фаунѣ. Номенклатурѣ растеній посвящены его спеціальныя работы въ «Гашилоахъ», т. XXII, и въ сборникѣ «Hassofo», 1918.

НЕ МИГИ СНА.

Сонетъ.

Не миги сна въ тебѣ, не миги въ грезахъ сладкихъ,
Природа, вижу я: движенье, вѣчный бо̀й!—
На снѣжныхъ высяхъ горъ, въ глубокихъ копяхъ, въ шаткихъ
Пескахъ пустынь, межъ тучъ, несущихся гурьбой!

Когда душа скорбитъ, умъ мучится въ загадкахъ,
И гибнетъ цвѣтъ надеждъ, какъ лиліи зимой,—
На берегъ я иду, гдѣ волны, въ буйныхъ схваткахъ,
Ревутъ, и гдѣ, могучъ, стоитъ утесъ сѣдой.

И тамъ мнѣ стыдно волнъ, что со скалами споря,
Разбиты въ пыль, встаютъ и рушатъ вновь о̀бва̀лъ,—
Надъ гребнемъ—гребень пѣнъ, надъ павшимъ валомъ—валъ!

И тамъ мнѣ стыдно скалъ, что́, вставъ надъ бездной моря,
Снося удары волнъ, летящихъ тяжело,
Не внемлютъ гулу вкругъ и взносятъ въ высь чело.

Валерій Брюсовъ.

1896.

***

Когда ночной порой рука скользитъ надъ лютней,
И рвется отъ тоски пѣвучая струна,
И нѣжной флейты вздохъ печальнѣй, безпріютнѣй,
И пѣсня Господа томленія полна;

Когда лазурный флеръ колышется надъ нивой,
И мѣсяцъ золотой блуждаетъ въ небесахъ,
И караваны тучъ ползутъ грядой лѣнивой,
И сны туманные колдуютъ при лучахъ;

Когда могучій вихрь проносится циклономъ
И съ корнемъ кедры рветъ, вздымая пыль столбомъ,
И ливни въ прахъ дробятъ гранитъ по горнымъ склонамъ,
И рѣютъ молніи, и вкругъ грохочетъ громъ; —

Тогда живу съ тобой, о, Божій міръ безбрежный,
Свободы и борьбы всѣмъ сердцемъ жажду я,
Со стономъ всѣхъ міровъ летитъ мой стонъ мятежный,
И съ кровью всѣхъ борцовъ струится кровь моя...

П. Берковъ.

1897.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ИЗГНАНІЯ.

«Откуда ты, странникъ?»

Съ Востока. Я былъ въ Ханаанѣ; тамъ горы
Все плачутъ, и слезы алмазнымъ потокомъ
Бѣгутъ въ Іордана холодное лоно.
Я громко воззвалъ... Оглашая просторы,
Шакалъ мнѣ отвѣтилъ на кряжѣ высокомъ,
Звучавшемъ напѣвами дщери Сіона.

«А наши твердыни?»

Ихъ мощныя стѣны—лишь груда развалинъ,
Обломки камней на родимыхъ могилахъ;
Средь нихъ не гнѣздятся напѣвы преданій,
Ихъ духъ омраченъ и безмѣрно-печаленъ.
И сохнутъ подъ солнцемъ на нивахъ унылыхъ
Кровавыя рѣки, пролитыя въ брани.

«А память зелотовъ?»

Спроси у орловъ, имъ глаза расклевавшихъ,
У псовъ, что ихъ кости глодали съ рычаньемъ,
У вѣтра, разнесшаго прахъ по пустынѣ.
У мудрыхъ не спрашивай! Что имъ до павшихъ?
Ихъ книги обходятъ героевъ молчаньемъ,
Въ ихъ сердцѣ нѣтъ мѣста борцамъ за святыни.

«Такъ что же осталось?»

Пещеры въ горахъ для отважныхъ и сильныхъ,
Разсѣлины скалъ для взыскующихъ мести,
Поля, гдѣ не мало прольется народомъ
    И пота, и крови потоковъ обильныхъ,
    Когда на родномъ и утраченномъ мѣстѣ
    Онъ вновь заживетъ подъ роднымъ небосводомъ.

О. Румеръ.

1900.

НОЧЬ.

Уставъ отъ города, я удалился въ горы...
Тамъ встрѣтили меня безмолвные просторы,
И тихо обняла чарующая ночь,
Сѣдого Хаоса плѣнительная дочь,
Прекрасноликая, какъ въ первый мигъ творенья,
Не оскверненная огнями освѣщенья.

Струится съ высоты серебряный туманъ,
И каждая скала—недвижный великанъ;
Средь свѣтозарной мглы—кривой изгибъ долины;
Здѣсь тѣни отъ деревъ ложатся четки, длинны;
Запутанный узоръ кустовъ и голыхъ пней
Подобенъ письменамъ далекихъ странъ и дней;
Молчитъ сосновый боръ; какъ-будто чуя вьюгу,
Огромные стволы испуганно другъ къ другу
Стараются тѣснѣй приблизиться, прильнуть;
Померкъ угрюмый лѣсъ, и трепетная жуть
Напала на дубы, и вѣтви ихъ упали...
Я знаю: это ночь, рожденная вначалѣ,
Тамъ, въ чащѣ, плѣнена,—и на вѣтвяхъ висятъ
Клочки одеждъ ея, изодранныхъ стократъ.

И льется рѣчь души, взволнованной глубоко:
Привѣтъ тебѣ, луна, всевидящее око!
Вамъ, горы и лѣса дремучіе, привѣтъ!
Обломки хаоса, откуда созданъ свѣтъ,
Богатыри-друзья, пресыщенные днями,
Засовы Вѣчности задвинулись за вами!

Но ключъ таинственный въ груди у васъ, какъ встарь,
Клокочетъ, жизнь лія на всю земную тварь.
Не изсякаетъ ввѣкъ въ могучемъ вашемъ лонѣ
Источникъ радостныхъ и вешнихъ благовоній.
Молю: даруйте мнѣ божественную власть
Зажечь въ своей душѣ пылающую страсть,
Чтобъ я впиталъ въ себя полынь вселенской муки,
Чтобъ радость обняли тоскующія руки,
Чтобъ опьяненъ я былъ виномъ кипящихъ силъ,
Чтобъ тайны всѣхъ боговъ въ себѣ самомъ открылъ,—
А въ часъ, когда замретъ въ крови моей волненье,
Пусть я безтрепетно приму уничтоженье,
Чтобъ въ смѣнѣ образовъ и дней я снова былъ
Лишь нить отдѣльная въ рукахъ безсмертныхъ силъ,—
Въ рукахъ, что явно ткутъ на пряжѣ сокровенной
Загадку вѣчную и темную вселенной.

Въ ущельяхъ дикихъ скалъ, гдѣ не видать дорогъ,
Томимъ сомнѣньями, брожу я, одинокъ,
Какъ въ мірозданіи бродячая комета:
Насъ ослѣпивъ снопомъ сверкающаго свѣта,
Она уносится на много тысячъ лѣтъ,
Оставивъ за собой потухшій, темный слѣдъ.

О̀. Румеръ.

ВЪ ГОРАХЪ.

I.

Я на гору взошелъ. На изумрудныхъ скатахъ
Бѣлѣетъ вѣковой нетающій покровъ;
Не вижу ль я вѣнецъ Зиждителя міровъ,
Сверкающій въ рукахъ у ангеловъ крылатыхъ?

И мнится: близокъ онъ, коснусь краевъ зубчатыхъ...
Вдругъ слышу голоса смущенныхъ пастуховъ—
(Такъ близки мнѣ они, такъ четки звуки словъ):
«Глядите, это—вѣсть о громовыхъ раскатахъ!»

И думается мнѣ: какъ много, много лѣтъ
Къ намъ близокъ былъ нашъ сонъ, вѣнчанный солнцемъ, ясный...
Вѣнецъ его потухъ,—а бури нѣтъ и нѣтъ.

О, Боже! Прогреми надъ грудой тѣлъ безгласной
И молнію Твою въ безсильный нашъ хребетъ
Метни, животворя, метни десницей властной!

II.

Туда, гдѣ голосъ-чародѣй
Тебя зоветъ: приди, владѣй!
    Гдѣ высь лобзаютъ гребни горъ,
    Гдѣ безпредѣленъ кругозоръ,
    Гдѣ у денницы ярче взоръ,
    Гдѣ тьмой повитъ безмолвный боръ!
И выше! Тамъ еще вольнѣй,
Тамъ храмъ весь въ пламени огней.

Да не страшитъ тебя закатъ,
Не леденитъ извѣчный хладъ!
    Во имя Господа иди
    И мѣсто дивное найди,
Гдѣ сердце дрогнетъ, какъ струна,—
Гдѣ смерть величія полна...

О. Румеръ.

1904.

НАДЪ ВОДОЮ.

Мѣсяцъ не виденъ, но всюду
Трепетный, призрачный блескъ,
Струйки готовятся къ чуду,
Вспыхнулъ въ нихъ огненный плескъ.

Шепчетъ камышъ говорливый:
«Близится радостный мигъ!»
Дрогнули сонныя ивы,
Дрогнулъ и замеръ тростникъ.

Жукъ покружился надъ лугомъ,
Вотъ прожужжалъ и затихъ.
Тѣни столпились съ испугомъ,
Ждутъ, чтобъ разсѣяться вмигъ.

Брошенъ таинственный жребій:
Вѣришь, иль нѣтъ—но межъ вербъ
Скоро появится въ небѣ
Ясный колдующій серпъ.

Л. Бендовъ.

1904.

ВЪ ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ.

Идиллія.

Та̀муза солнце средь неба недвижно стоитъ, изливая
Свѣта и блеска потокъ на поля и сады Украины.
Море огня разлилось—и отблески, отсвѣты, искры
Перебѣгаютъ вокругъ улыбчиво, быстро, воздушно.
Вотъ—засіяли на макѣ, на крылышкахъ бабочки пестрой...
Тамъ комары заплясали надъ зеркаломъ лужицы. Съ ними
Въ солнечномъ блескѣ танцуетъ стрекозъ веселое племя.
Въ зелень густую листвы и въ черныя борозды поля—
Всюду проникли лучи; вонъ тамъ—проскользнули по струйкѣ,
Что съ лепетаньемъ проворнымъ бѣжитъ по землѣ золотистой.
Лучъ ни одинъ не вернулся туда, откуда пришелъ онъ,
И ни за что не вернется. Такъ шаловливыя дѣти
Мчатся отъ матери прочь—и прячутся; ихъ и не сыщешь.
Поле впитало въ себя осколки лучей раздробленныхъ,
Бережно спрятало ихъ въ плодоносное, теплое лоно.
Завязи, почки, побѣги впитали ихъ въ клѣточки жадно,
Послѣ жъ, когда миновала пора изумрудная листьевъ,
Поле и нива наружу извергли хранимые свѣты:
Лучъ поднялся изъ земли, и зернами сдѣлались искры,—
Зернами ржи золотой, налившейся грузно пшеницы
И ячменя. И всплеснулось золото нижнее къ небу,
Съ золотомъ верхнимъ слилось,—и съ искрами встрѣтились искры.
Зной превратился въ удушье. Ужъ нѣтъ ни души на базарахъ,

Улицы всѣ въ деревняхъ опустѣли, и солнце не властно
Тамъ лишь, гдѣ сыщется уголъ, сокрытый отъ этой напасти
Ставнемъ иль выступомъ крыши...

И уголъ такой отыскался.
Есть на деревнѣ тюрьма. Она жъ—волостное правленье.
Ежели къ ней подойдете съ сѣверо-запада—тутъ-то,
Возлѣ тюремной стѣны, и будетъ укромный сей уголъ.
Трое въ полуденный часъ собрались у стѣны благодатной.
Первый былъ Мойше-Аронъ, что Жаренымъ прозванъ въ деревнѣ.
Случай съ нимъ вышелъ такой, что домъ у него загорѣлся
Въ самый тотъ часъ, какъ поспать прилегъ онъ на крышу.
Спастись-то
Спасся, конечно, онъ самъ, но обжегся порядкомъ... Все лѣто
Занятъ своей онъ работой, работа жъ его—по малярной
Части. А въ зимнее время онъ дома сидитъ, голодая...
Кто жъ были двое другихъ, сидѣвшихъ съ Мойшей у стѣнки?
Васька-шатунъ, конокрадъ, и Юхымъ—волостного правленья,
То-бишь тюрьмы, охранитель и стражъ. (Въ просторѣчьи кутузкой
Эту тюрьму мужики называютъ). А должность такую
Занялъ Юхымъ потому, что былъ хромъ. А хромымъ онъ вер-
нулся
Послѣ кампанiи крымской...
Зачѣмъ же судьба ихъ столкнула
Здѣсь, у стѣны? А затѣмъ, что давно старики замѣчали:
Ставни въ кутузкѣ совсѣмъ прогнили отъ долгой работы.
Ну, заявили на сходѣ, что надо бы дѣло обдумать:
Можетъ, давно ужъ пора еврея позвать да покрасить?
Спорили долго; но сходу выставилъ Жареный водки—
И порѣшили все дѣло, съ Мойшей подрядъ заключивши.
Вотъ и стоялъ онъ теперь и ставень за ставнемъ, потѣя,
Красилъ, пестрилъ, расцвѣчалъ. Мазнетъ, попыхтитъ—да и
дальше.
Мойше былъ мастеръ извѣстный: ужъ если за что онъ возьмется,
Плохо не сдѣлаетъ, нѣтъ, и въ грязь лицомъ не ударитъ.
Ловко покрасилъ онъ ставни: мѣдянкой раздѣлалъ, мѣдянкой!
Доски съ обѣихъ сторонъ покрасилъ, внутри и снаружи.
Въ центрѣ же каждой доски онъ сдѣлалъ по красному кругу:

Сурику, сурику бралъ! Себѣ въ убытокъ, ей-Богу!
И расходились отъ центра лучи, расширяясь кнаружи:
Желтый, и синій, и желтый, и синій опять—и такъ дальше.
Въ кругѣ жъ чудесный цвѣтокъ малевалъ онъ; ужъ право—
такого
Просто нигдѣ не сыскать: три чашечки тутъ распускались
Изъ бѣлоснѣжнаго стебля, а въ чашечкѣ—вродѣ рѣшетки—
Клѣточки красныя шли въ перемежку съ желтыми. Чудо!
Право, безсильны уста, чтобъ выразить все восхищенье!
Видѣли ихъ мужики—и стояли, и диву давались,
И головами качали: «Ну—Жареный! Ну—и работа!»
Но не закончилъ еще маляръ многотрудной работы.
Гои же рядомъ сидѣли, отъ крысъ мастеря мышеловку.
(Крысы подъ самой кутузкой огромнымъ жили селеньемъ,
Днемъ выбѣгали наружу и подъ ноги людямъ кидались,
Всѣхъ повергая въ смущенье, а женщинъ даже и въ ужасъ).
Васька съ Юхымомъ сидѣлъ, въ работѣ ему помогая:
Въ этакій зной не до правилъ,—такъ вышелъ и онъ изъ кутузки,
Чтобы въ пріятной прохладѣ бесѣдой сердце потѣшить.
Вотъ и разсказывалъ онъ про то, какъ грѣхъ приключился,
Какъ онъ въ кутузку попалъ за веревку, найденную въ полѣ.
(Пусть ужъ проститъ меня Васька: забылъ онъ, что къ этой
веревкѣ
Конь былъ привязанъ тогда, и конь чужой, а не Васькинъ).
«Такъ-то вотъ, все за веревку», печалился Васька. И былъ онъ
Пойманъ, и къ долгой отсидкѣ начальство его присудило.
Заняты дѣломъ своимъ, собесѣдники мирно сидѣли.
Клѣтку изъ прутьевъ желѣзныхъ Юхымъ устроилъ, внутри же
Прочный придѣлалъ крючокъ, для того, чтобъ вѣшать приманку.
Вдругъ услыхали они на улицѣ легкую поступь.
Тамуза солнце, пылая, стояло средь синяго неба,
Рынокъ давно опустѣлъ, и улицы были безлюдны.
Кто бы, казалось, тутъ могъ проходить въ неурочное время?
Головы всѣ повернули, идущаго видѣть желая.
Васька, замолкнувши разомъ, прищурилъ пронырливый глазъ
свой,
Мойше-Аронъ непоспѣшно въ ведерко кисть опускаетъ,
Медленно сторожъ Юхымъ мышеловку поставилъ на землю,

Бороду важно разгладилъ, откашлялся—и вытираетъ
Черную, потную шею... И всѣ удивились не мало,
Стараго Симху завидѣвъ. Согбенный, съ обвязанной шеей,
Спрятавши обѣ руки въ рукава атласной капоты,
Книгу подъ мышкой зажавъ, торопливою, легкой походкой
Симха идетъ. Увидалъ ихъ старикъ, улыбнулся, подходитъ:
Вотъ—поклонился онъ всѣмъ и бесѣдуетъ съ Мойшей-Арономъ.
«Ближе, ребъ Симха,—прошу. Что значитъ такая прогулка?
Ма́ане-лôшонъ [1]), я вижу «подъ мышкой у васъ».—«Я отъ сына.
Велвеле, сынъ мой, скончался».—«Господа судъ справедливый
Благословенъ!.. Но когда жъ? Ничего я про это не слышалъ».—
Горестно Симха вздохнулъ и рѣчь свою такъ начинаетъ:
— Дѣти мои, слава Богу, какъ всѣ во Израилѣ дѣти:
Всѣ, какъ ты знаешь, ребъ Мойше, и Богу, и людямъ угодны:
Умныя головы очень, ну прямо—разумники вышли.
Выростить ихъ, воспитать—не мало мнѣ было заботы,
Ну, а какъ на ноги стали, каждый своею дорогой
Всѣ разбрелись. И заботу о нихъ я труднѣйшей заботой
Въ жизни считалъ. Вѣдь всегда человѣкъ, размышляя о жизни,
Преувеличить готовъ одно, пріуменьшить другое.
Такъ-то вотъ выросли дѣти, и нужно признаться—удачно:
Во-время каждый родился, и во-время рѣзались зубки,
Во-время ползали всѣ, потомъ ходить научались,
Глядь—ужъ и хедеру время, и все—по велѣнію Божью.
Братъ передъ братомъ ни въ чемъ не имѣлъ отличія. Въ зыбку
Нынче ложился одинъ, а чрезъ годъ иль немного поболѣ
Мѣсто свое уступалъ онъ другому, рожденному мною
Также для участи доброй. Но Велвеле, младшій, родился
Поздно, когда ужъ дѣтей я больше имѣть и не думалъ.
Былъ онъ поскребышъ, и трудно дались его матери роды.
Братьевъ крупнѣе онъ былъ, и когда на свѣтъ появился,
Радость мой домъ озарила, ибо заполнился ми́ньянъ [2]).
Былъ онъ немного крикунъ, да таковъ ужъ дѣтишекъ обычай.
Только что сталъ онъ ходить, едва говорить научился,
Сразу же стало намъ ясно, что вышелъ умомъ онъ не въ братьевъ.

---

[1]) Молитвенникъ.

[2]) Миньянъ—десять человѣкъ, необходимыхъ для публичной молитвы.

Трудно далась ему рѣчь, а въ грамотѣ, какъ говорится,
Шелъ онъ, на каждомъ шагу спотыкаясь. Какою-то блажью
Былъ онъ охваченъ, какъ видно. Все жилъ онъ въ какихъ то
мечтаньяхъ,
Вѣчно сидѣлъ по угламъ, глаза удивленно раскрывши...
Садъ по ночамъ онъ любилъ, замолкнувшій, тихій... Бывало,
Встанетъ раненько, чтобъ солнце увидѣть всходящее въ росахъ;
Вечеромъ станетъ вотъ эдакъ—и смотритъ, забывши про минху:
Смотритъ на пламя заката, на солнце, что медленно меркнетъ,
Смотритъ на брызги огня, на лучъ, что дрожитъ, умирая...
Нужно, положимъ, признать: прекрасно полночное небо,—
Только какая въ немъ польза?.. Порою же бѣгалъ онъ въ поле.
«Велвеле, дурень, куда?»—«Поглядѣть, какъ рожь зацвѣтаетъ».
Желтые въ ней распустились цвѣточки. Но вѣкъ ихъ не дологъ.
Нужно спѣшить, чтобы ихъ увидать, А ужъ очень красивы!
«Это откуда ты знаешь?»—«Отъ Ваньки съ Тимошкой, отъ гоевъ
Маленькихъ».—Часто бывало, что явится глупости демонъ,
Велвеле гонитъ подъ дождь, на улицахъ шлепать по лужамъ,
Глядя, какъ капли дождя въ широкія падаютъ лужи,
Гвоздикамъ тонкимъ подобны, что къ небу торчатъ остріями.
Сталъ онъ какой-то блажной. Въ одну изъ ночей, что зовутся
Здѣсь воробьиными, многихъ ремней удостоился дурень,
Такъ что въ великихъ слезахъ на своей растянулся кровати.
Былъ онъ и самъ—ну точь въ точь воробей, что нахохлился
въ страхѣ,
Такъ вотъ глазами и пилъ за молніей молнью, что рвали
Темное небо на части...

Но сердце... Что было за сердце!
Чистое золото, право. Бывало, и пальцемъ не тронетъ
Онъ никого. Не обидитъ и мухи. Дѣтишки, конечно,
Часто дразнили его, называли Велвеле-дурень,
Да и другими словами обидными: онъ не сердился,
Горечи не было вовсе у мальчика въ ласковомъ сердцѣ.
Какъ онъ любилъ все живое! Кормилъ воробьевъ; ежедневно
Стаей огромной къ нему слетались они на разсвѣтѣ,
Зерна и крошки клевали изъ рукъ у него. И бывало—
Самъ не успѣетъ поѣсть,—а псовъ дворовыхъ накормитъ.

Пищей съ пятнистымъ котомъ онъ дѣлился, былъ пойманъ однажды
Въ томъ, что таскалъ молоко окотившейся кошкѣ. Но больше,
Больше всего онъ любилъ голубей. Голубятню устроилъ
И пострадалъ за нее многократно: ремней, колотушекъ
Стоило это ему—и другихъ наказаній. Скажите:
Кто жъ это видѣлъ когда,—чтобъ еврей съ голубями возился?
Но устоялъ онъ во всемъ,—и рукой на него мы махнули.
Дѣлалъ онъ все, что хотѣлъ, и вскорѣ наполнили дворъ нашъ
Голуби всякихъ сортовъ и породъ. Деревенскимъ мальчишкой
Былъ я когда-то и самъ, но понять не могу я, откуда
Онъ это все разузналъ. И что же ты думаешь, Мойше?
Онъ и меня научилъ различать голубей по породамъ!
Зналъ ихъ малышъ наизусть: вотъ это «египетскій» голубь,
Это «отшельникъ», а тамъ—«генералъ» съ раздувшимся зобомъ
Выпятилъ грудь; вотъ «павлинъ» горделиво хвостъ распускаетъ;
Тамъ синеватой косицей чванятся горлицы; «турманъ»
Встрѣтился здѣсь съ «великаномъ»; тамъ парочки «негровъ» и «римлянъ»
Крутятъ въ сторонкѣ любовь, и къ нимъ подлетаетъ «жемчужный»;
Тамъ вонъ—«монахи»-птенцы, «итальянцы», «швейцарцы», «сирійцы»...
Старецъ младенцу подобенъ: уже серебрился мой волосъ,
Я же учился у сына и сталъ голубятникъ заправскій...
Вскорѣ за книги пророковъ усѣлся Велвеле. Мальчикъ
Въ сны на яву погрузился. Что въ хедерѣ слышитъ, бывало,
То ему чудится всюду. Пришли на деревню цыгане,
Просто сказать—кузнецы: такъ онъ въ нихъ увидѣлъ египтянъ.
Въ полѣ увидитъ снопы—снопами Іосифа мнитъ ихъ;
Спрашивалъ часто, гдѣ рай, гдѣ Уримъ и Тумимъ [1]), и гдѣ же
Первосвященникъ? Весной, въ половодье, все Чермное море
Чудилось мальчику. Холмикъ—Синаемъ ему представлялся.
Къ Ерусалиму дорогу искалъ онъ. И понялъ меламедъ,
Что недоступенъ Талмудъ его головѣ—и довольно,

---

[1]) Уримъ ветумимъ—нагрудный знакъ на одѣяніи первосвященника, служившій для полученія Божественнаго отвѣта на предложенные вопросы.

Если онъ будетъ хорошій еврей. Повседневнымъ молитвамъ
Велвеле онъ обучилъ и внушилъ ему страхъ передъ Богомъ.—
Перемѣнился нашъ мальчикъ. Всѣмъ сердцемъ къ Творцу прилѣпился,
Строго посты соблюдалъ, подолгу молился, какъ старый,
Даже прикрикивать сталъ на меня и на братьевъ: мы, дескать,
Грѣшники. Мы же его пинками молчать заставляли,
Злили его и дразнили обидными кличками часто:
Цадикомъ звали, раввиномъ, святошей, Господнимъ жандармомъ.
Мальчикъ съ тринадцати лѣтъ у насъ начинаетъ работать.
Началъ и Велвеле нашъ пріучаться къ торговому дѣлу,—
Но не затѣмъ онъ былъ созданъ.

Ты самъ все знаешь, ребъ Мойше:
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли съ «чертою» строгости,— землю
Намъ покупать запретили, и мы превратились въ торговцевъ.
Жизнь, конкуренція, гнетъ на обманъ толкаютъ еврея.
Чѣмъ прокормиться въ деревнѣ? Лишь тѣмъ, что пальцемъ надавишь
На коромысло вѣсовъ, чтобъ чашка склонилась, иль каплю
Гдѣ недольешь въ бутылку...
Такъ мальчикъ, бывало, не можетъ:
«Что говорится въ законѣ? А судъ небесный? Забыли?»
«Что жъ», отвѣчаемъ ему,—«ступай и кричи *хай векайомъ*» [1]).
Онъ же заладитъ—«обманъ!»—И рукой на него мы махнули:
«Пусть возвращается къ книгамъ! При немъ невозможно работать».
Стянетъ, бывало, мужикъ что плохо лежитъ—и притащитъ.
Можно бъ на этомъ нажить—да гляди, чтобъ малышъ не замѣтилъ.
Прятались мы отъ него, какъ отъ стражника, честное слово!..
Въ Пуримъ гостилъ у меня мешу́лохъ [2]) одинъ Палестинскій—

[1]) Хай-векайомъ—живущій и существующій,—одно изъ опредѣленій Бога. Ступай и кричи хай векайомъ—народное выраженіе: ступай и кричи караулъ.

[2]) Мешу́лохъ—посланецъ. Уполномоченный сборщикъ для Палестинскихъ учрежденій.

Плотный, румяный еврей, съ брюшкомъ, съ большой бородою.
Сыпался жемчугъ изъ устъ у него, когда говорилъ онъ.
Дѣти мои разошлись, уставши за трапезой общей.
Всѣ по угламъ разбрались: тотъ дремлетъ, сидя на стулѣ,
Тотъ на постель повалился, дневнымъ трудомъ утомленный,
Я же остался при гостѣ, и много чудесъ разсказалъ онъ
О патріаршихъ гробницахъ, о томъ, какъ люди надъ прахомъ
Западной плачутъ стѣны, и какъ всенародно справляютъ
Празднество сына Іохаи... [1])

И слушать его не устанешь.
Велвеле рядомъ сидѣлъ: глаза у него разгорѣлись,
Взоръ, какъ желѣзо къ магниту, стремился къ рѣдкому гостю.
Каждое слово ловя, до поздней ночи сидѣлъ онъ
И уходить не хотѣлъ. Когда же на утро уѣхалъ
Этотъ мешулохъ отъ насъ, нашъ Велвеле съ нимъ не простился.
Думали мы: «Неизвѣстно, кого онъ еще теперь кормитъ».
Зная всѣ штуки его, всѣ бредни, мы были спокойны.
Но и обѣденный часъ миновалъ,—а Велвеле нѣту.
Страшно мнѣ стало за сына. Искали, искали—исчезъ онъ,
Точно въ колодецъ упалъ. Спросили сосѣдей: быть можетъ,
Видѣли мальчика? Нѣтъ... Подъ вечеръ его на дорогѣ
Встрѣтилъ знакомый одинъ и привелъ. Отъ стужи дрожалъ онъ.
Въ эту же ночь запылалъ малышъ, въ жару заметался,
Плакалъ, что больно въ боку,—а самъ все таялъ и таялъ...
Только три дня—и готовъ.

Ужъ послѣ все объяснилось.
Мальчикъ ни больше, ни меньше, какъ самъ идти въ Палестину
Вздумалъ—и сталъ старика у околицы ждать. Ну, мешулохъ
Съ нимъ пошутилъ и немного подвезъ его по дорогѣ.
Что же? съ телѣги сойдя, заупрямился мальчикъ и вздумалъ
Дальше идти хоть пѣшкомъ—и отправился по снѣгу, въ стужу.
Встрѣтилъ крестьянинъ его—и привелъ. Конечно, мы знали
Что простоватъ мальчуганъ, но и прежде казалось намъ также,
Что не отъ міра сего онъ вышелъ и въ нашемъ семействѣ
Гостемъ онъ былъ необычнымъ... Но что за душа золотая!

---

[1]) Празднество, устраиваемое ежегодно въ Миронѣ, въ Галилеѣ, на могилѣ талмудическаго ученаго раби Симона баръ-Іохаи.

Умеръ—и нѣтъ ужъ ея, и домъ опустѣлъ, омрачился.
Пусто сегодня на рынкѣ, и вотъ я подумалъ: зайду-ка
Велвеле-дурня провѣдать. Небось, по отцѣ стосковался.
Мимо кладбища, гдѣ гои лежатъ, проходилъ я и видѣлъ:
Все оно тонетъ въ цвѣтахъ, надъ могилами ивы склонились.
И одурѣлъ я совсѣмъ, ребъ Мойше: взялъ да и бросилъ
Сыну цвѣтокъ на могилку: вѣдь какъ онъ любилъ, какъ любилъ ихъ!..»

Симха вздохнулъ и умолкъ. Сидѣлъ и Жареный молча...
«Ну, братъ, Василій,—въ кутузку!—сказалъ Юхымъ:—Подымайся.
Писарь того и гляди прійдетъ. Не слѣдъ арестанту
Лясы точить на дворѣ... Да дверь за собою прикрой-ка!»

Тамуза солнце недвижно стояло средь синяго неба.
Море огня разлилось... Все искрится, блещетъ, сіяетъ...

Владиславъ Ходасевичъ.

1905.

Ночь темна, и темной тайны
Не прорѣжетъ лучъ случайный.
Міръ руинъ... воротъ остатки...
Лѣсъ—безсонный міръ загадки...

Крыльевъ взмахъ... Стезей незримой
Пролетаютъ птицы мимо.
Безпокойно кличутъ птицы:—
Чуютъ ночь иль часъ денницы?..

Тѣни тонутъ, тѣни таютъ,
Тѣни-филины мелькаютъ,
Тѣни блѣдныя надъ жнитвой
Передъ утренней молитвой...

Л. Я.

1907.

Надъ пустыней мертвой, надъ пустынной далью
Небеса нависли тусклою вуалью,

Будто бы познали небеса разлуку,
Будто бы тоска ихъ обратилась въ скуку.

Ни холмовъ, ни лѣса: мглою все покрыто,
Вся окрестность смутнымъ саваномъ повита.

Не временъ ли древнихъ здѣсь легли могилы?
Бытія былого здѣсь почили силы.

Хоть бы былъ курганъ здѣсь, хоть бы скиѳскій идолъ,
Хоть бы волкъ свой голодъ хриплымъ воемъ выдалъ:

Различить хотя бы тѣнь отъ тѣни терна!
Стало бъ легче сердцу сирому, навѣрно.

Лишь просторъ я вижу, подымая очи,
И просторъ пустыни слитъ съ просторомъ ночи.

И нѣмѣетъ сердце, тонкимъ сжато звукомъ,—
Сердце рвется въ дали, къ волямъ и разлукамъ.

К. Липскеровъ.

1909.

ПѢСНЬ АСТАРТѢ И БЕЛУ.

Белъ съ Астартой! Пѣсня вамъ!
Зычный филинъ! Змѣй изъ ямъ!
Воля къ страсти! Къ жизни зовъ!
Выходите изъ низовъ,
Гдѣ полынь, гдѣ тернъ заплелъ
Кипариса ветхій стволъ.
Всякъ живой—восторгъ встрѣчай,
Передъ нимъ пути равняй!

Прочь изъ безднъ, изъ темныхъ ямъ!
Солнца свѣтелъ путь и прямъ.
Пробудилось солнце вновь,
Отравляетъ хмелемъ кровь.
Старый хлѣбъ изсякъ, но въ срокъ
Озимь гонитъ свой ростокъ.

Солнце глянуло свѣтло,
Солнце въ бездну низошло,—
Птицей властвуетъ порывъ,
Птица птицѣ шлетъ призывъ.
Стаи кличутъ и летятъ,
Стая къ стаѣ, съ рядомъ рядъ,
Мчатся, вьются по кругамъ—
Вотъ ужъ пары здѣсь и тамъ.

Крикни волку въ даль степей:
«Вспрянь—и съ болью счастье пей!
Встрепенись, какъ Богъ рукой
Мощно схватитъ мускулъ твой.
Тайныхъ силъ внемли завѣтъ,—
Древній токъ минувшихъ лѣтъ.
Слушай вѣчности законъ;
Полонъ тайнъ и мощи онъ,
Скрытъ онъ въ звѣрѣ и въ росткѣ,
Точно пламень въ тайникѣ».

Человѣкъ, восторгъ встрѣчай,
Свѣтлый путь ему равняй!
Горсть пшеницы золотой
Брошу я въ тебя рукой.
Въ зернахъ—тайна, въ зернахъ—сокъ,
Въ сокѣ—вѣчной жизни токъ.
Тайна въ духъ твой западетъ;
Огнь въ крови твоей зажжетъ...
Вспрянь, желай и будь силенъ:
Въ этомъ—мудрость и законъ.

Взявъ жену, иди въ поля,
Тамъ беременна земля:
Поколѣнья травъ живыхъ
Бьютъ ключемъ изъ нѣдръ земныхъ.
Тайно въ скалахъ и пескахъ
Зрѣетъ новь и тлѣетъ прахъ.
Жизнью тьма, какъ свѣтъ, полна:
Всюду Бела сѣмена!

Глянь на западъ и востокъ:
Всюду водъ кипучій токъ
Полнъ зачатій и родовъ:
Въ шумномъ рокотѣ ручьевъ,
Въ морѣ, сжатомъ между скалъ,
Тамъ, гдѣ медленный каналъ,

Гдѣ капель поетъ, звеня,—
Въ безднѣ тьмы и въ свѣтѣ дня.

Тайна въ духъ твой западетъ,
Властной чарой обойметъ,—
Ибо мудрость и законъ:
Вспрянь, желай и будь силенъ!

Владиславъ Ходасевичъ.

1909.

ПАЛОМНИЦА.

Тѣсенъ путь. Со мной козленокъ,
Мой питомецъ, а въ корзинѣ—
Между глыбъ известняковыхъ,
Въ тернахъ взросшіе цвѣты.
Говоритъ со мною отрокъ,
Иль со встрѣчнымъ молвлю слово—
Всѣмъ кажусь дроздомъ я чернымъ,
Къ нимъ слетѣвшимъ съ высоты.

Оскорбиться—иль не надо?
Иль излить мнѣ горечь гнѣва?
Засмѣяться—иль повѣрить?
Сердце беьтся: разрѣши.
Галилеянку ли на смѣхъ
Подымаютъ въ Іудеѣ
Иль моихъ я жалче сверстницъ,
Горныхъ дѣвъ моей глуши?

Мы смуглы. Покрыто тканью
Самодѣльной наше тѣло.
Вьются въ скалахъ наши рѣчки,
Нѣтъ купцу дороги къ намъ.
Дѣвы нѣжныя долины
Вѣки розовымъ подводятъ,
Изъ Египта ткани носятъ
И савейскій льютъ бальзамъ.

Ахъ, черна я, и вплела я
Въ косы черныя—лилеи.
Вѣтеръ горъ смуглилъ мнѣ тѣло,
Ночью иней обжигалъ
Съ той поры, какъ солнце лѣта
Грѣло струи, грѣло гряды—
И пока не пала осень,
Не сошли стада со скалъ.

Словно стадо, золотую
Пыль паломники вздымаютъ,
Вся запружена дорога,
Пѣсни льются безъ конца.
Грусть иль радость—не пойму я...
Страстью ль я занемогаю—
Или помнитъ сердце: близко
Градъ Давидова Дворца?

К. Липскеровъ.

1909.

СМЕРТЬ ТАМУЗА.

И вотъ, тамъ сидятъ женщины,
плачущія по Тамузѣ.
Іезекіиль, 8, 14.

Идите и плачьте,
О, дщери Сіона!
Сіяющій Тамузъ—онъ умеръ, увы!
Грядущіе дни—это время ненастья,
И душъ омраченныхъ, и желтой листвы!

Въ поблекшія рощи,
Гдѣ черныя вѣтви,
Спѣшите, спѣшите съ восходомъ зари,
Туда, гдѣ безмолвствуютъ чары и тайны,
Гдѣ Тамузу-свѣту стоятъ алтари.

Какую же пляску
Мы Тамузу спляшемъ
Вокругъ алтаря, взгромажденнаго ввысь?
Семижды направо, семижды налѣво,
И склонимся ницъ, и воскликнемъ: «вернись!»

Семижды направо,
Семижды налѣво,
Всѣмъ за руки взяться и мѣрно ступать!
За отрокомъ отрокъ, за дѣвою дѣва,
Мы выйдемъ и Тамуза станемъ искать.

Гдѣ шепчутъ лишь духи, послушны волхву,
Гдѣ гнется камышъ, шелестящій, хрустящій,
Изсушенный зноемъ, спалившимъ листву.

И нимфы исчезли
Съ луговъ, и не слышенъ
Ихъ голосъ и смѣхъ надъ вечерней волной...
Сталъ пастбищемъ лугъ,—и козлы къ водопою
Несутся по травамъ, покрытымъ росой.

Идите и плачьте,
О, дщери Сіона!
Скорбящую землю увидите вы,
Скорбящую землю и сумракъ безчарный:
Сіяющій Тамузъ—онъ умеръ, увы!

Владиславъ Ходасевичъ.

1910.

ЛѢСНЫЯ ЧАРЫ.

Вотъ оно! Восходитъ солнце! По долинамъ, по низамъ
Все еще туманъ клубится, прицѣпившійся къ кустамъ.

Вотъ, качаясь, въ высь взлетаетъ. Съ озера сползаетъ тѣнь...
Съ непокрытой головою, братъ, бѣжимъ—и встрѣтимъ день!

По холмамъ и по долинамъ, потаенною тропой,
Тамъ, гдѣ въ даль межа змѣится, увлажненная росой!

Гдѣ цвѣтами розъ и лилій тѣсный мой усѣянъ путь,—
Съ вольной пѣсней, словно дѣти, мчимся, счастьемъ нѣжа грудь!

Въ лѣсъ, къ ручью! Въ хрустальной безднѣ ясный день забле-
щетъ намъ!
Разсѣчемъ потокъ студеный, станемъ бѣгать по пескамъ.

Въ лѣсъ! У лѣса—тайны, шумы, сумракъ, шорохи тѣней,
Звуки темные, глухіе, дебри спутанныхъ корней.

Тамъ отъ вѣка дремлютъ камни; тамъ покой и тишина,
Смутный шорохъ листопада, злыхъ овраговъ глубина;

Тамъ на днѣ долины вьется съ легкимъ шелестомъ ручей;
Запоздалаго побѣга тамъ не видитъ взоръ ничей;

Тамъ нора косого зайца, гнѣзда осъ въ пустыхъ дуплахъ;
Копошится кротъ на солнцѣ, ястребъ рѣетъ въ небесахъ;

Есть же холмъ уединенный духовъ и лѣсныхъ дріадъ,
Гдѣ волшебнымъ, властнымъ словомъ чародѣи ворожатъ.

Вѣрно, есть въ глубокой чащѣ, весь въ морщинахъ, царь лѣсной,—
Словно дуба вѣкового стволъ, расколотый грозой;

На его густые кудри солнце льетъ лучи, чтобъ жечь
Этотъ мохъ зелено-сѣрый, ниспадающій до плечъ;

Борода его—по поясъ, мраченъ взоръ изъ-подъ бровей,
Словно сумрака лѣсного темный взглядъ изъ-за вѣтвей...

Вѣрно, есть межъ тонкихъ сосенъ легкій замокъ тишины,
Сладкій всѣмъ, кого томили жизни тягостные сны...

Вѣрно, есть лѣсныя дѣвы, быстрыя, какъ блескъ меча,
Смутныя, какъ сумракъ лѣса, легкія, какъ свѣтъ луча.

Станъ ихъ гибокъ и прозраченъ; удивленно-грустный взглядъ—
Словно мотылекъ весенній, словно ручеекъ межъ грядъ.

Въ длинныхъ косахъ, на одеждахъ—водяныхъ цвѣтовъ уборъ
Ихъ воздушнымъ хороводамъ заплетенъ угрюмый боръ

Въ тѣ часы, когда надъ прудомъ виснетъ голубой туманъ,
А луна, блѣдна, ущербна, льетъ на землю свой дурманъ.

Владиславъ Ходасевичъ.

1910.

Яковъ Каганъ родился въ 1880-мъ году, въ Слуцкѣ, Минской губерніи. Окончилъ въ Бернѣ философскій факультетъ. Первый сборникъ стихотвореній Кагана «Ssefer haschirim» («Книга пѣсенъ») вышелъ въ 1904 году; второй сборникъ—въ 1905-мъ году. Въ 1913-мъ году, въ Одессѣ (изд. Морія), вышло полное собраніе его стихотвореній.

Въ настоящее время Каганъ живетъ въ Лодзи, гдѣ состоитъ директоромъ еврейской гимназіи.

Мы поемъ, мы восходимъ, по тѣламъ мы проходимъ,
По руинамъ мы бродимъ, то въ лучахъ, то безъ свѣта;
Путь утративъ, находимъ, вновь идемъ безъ отвѣта,
И поемъ, и восходимъ!

Путь безлюденъ и труденъ, путь извилиной горной,
Цѣль его кто увидитъ? льнутъ туманы къ вершинамъ...
Но, хоть путь безразсуденъ, хоть на высь не взойти намъ,—
Мы восходимъ упорно!

Тамъ просторъ безъ предѣла! Бьется сердце блаженно,
Дерзновенно и смѣло устремляются взоры,
Крики просятся къ волѣ и возносятся въ горы...
Мы поемъ неизмѣнно!

Межъ руинъ мы проходимъ: мы, усталые, бродимъ:
Упадаемъ, встаемъ мы: сражены и сражаемъ;
По тѣламъ мы шагаемъ, путь свой знаемъ—не знаемъ,—
И поемъ мы, и всходимъ!

Валерій Брюсовъ.

1903.

Ты сама потянулась ко мнѣ въ тишинѣ, какъ бывало.
Ненаглядная ночь насъ вязала невидимо снова.
И со звѣздами ночи душа надъ душою шептала
Неземное, больное, дрожащее, тихое слово.

Свѣтомъ ночи на рану бесѣда любви проливалась.
Только рана стонала порой оглушительнымъ крикомъ—
И со всей чернотой между нами тогда обнажалась
Неисходная бездна въ зіяніи жадномъ и дикомъ.

И тогда вырывалось обидное горькое слово—
И ножомъ наши узы шелковыя вдругъ разрѣзало;
А когда наступила разлука, улыбка былого
Намъ сказала такъ много и намъ ничего не сказала.

Юрій Верховскій.

1904.

Раскрылась ночь надъ зимнимъ сномъ селенья
И всюду снѣгъ, лишь снѣгъ и тьма глухая...
Не свѣтятъ звѣзды свѣтомъ сожалѣнья...
Не шепчетъ вѣтеръ, жалобно вздыхая...

Лишь ночь глядитъ изъ шири онѣмѣлой,
Лишь слышенъ тихій шагъ поры полночной...
Мракъ долгой зимней ночи, воронъ бѣлый,
Привѣтъ тебѣ, привѣтъ въ твой часъ урочный...

Кругомъ дома,—какъ склепы. Безпробуденъ
Сонъ спящихъ въ нихъ, какъ сонъ черты послѣдней...
Оцѣпенѣніе! Исчезли тѣни-люди
И мертвъ ихъ гулъ, молчатъ пустыя бредни...

Вотъ онъ, Костникъ народа, пепелище
Не жаждущихъ воспрянуть къ жизни смѣлой,
Чей прахъ, средь тлѣна, славы дней не сыщетъ...
Привѣтъ тебѣ, мракъ ночи, воронъ бѣлый!

Пусть родъ пигмеевъ въ мірѣ глухо дремлетъ
Съ ихъ мерзкимъ днемъ, съ ихъ явью безполезной —
Пусть, ночь, и впредь твой мракъ меня объемлетъ,
Лишь не коснись ихъ ложа лаской звѣздной...

Такой народъ молитвы не достоинъ,
Ни окрика, ни жалости сердечной —
Лишь сонъ въ гробу, гдѣ прахомъ прахъ удвоенъ,
Лишь снѣгъ, и снѣгъ, и холодъ ночи вѣчной...

Ю. Балтрушайтисъ.

1904.

Ты уходишь, и сердце не вѣритъ разлукѣ.
Снѣгъ растаялъ давно. Вѣтра нѣжитъ струя.
Пробудилась душа подъ весенніе звуки.
Я твоя, безраздѣльно твоя.
Въ этотъ часъ мое сердце не вѣритъ разлукѣ.

Сонмы вешнихъ чудесъ бродятъ въ каждомъ листочкѣ.
Все поетъ, все въ цвѣту, и въ лучахъ, и въ росѣ.
А въ душѣ моей цвѣтъ и весеннія почки
И твои они всѣ, и твои они всѣ.
Какъ могу въ этотъ часъ я повѣрить разлукѣ?

Выше, въ горы, къ веснѣ! Тамъ, гдѣ небо безкрайно,
Гдѣ извилисто горняя вьется стезя,
Синей ночью тебѣ пріоткроется тайна:
Я твоя, безраздѣльно твоя.
Ты уходишь... О, можно ль повѣрить разлукѣ?..

Л. Бендовъ.

1904.

Напѣвы скрытые—какъ тайны, святы мнѣ,
Запечатлѣнные въ сердечной глубинѣ.
И жаль, что чуждое ихъ не услышитъ ухо,
И благо, что они не для чужого слуха.

Въ часы безмолвія, и въ дрёмѣ, и въ тиши,
Они вздымаются, взлетаютъ изъ души—
И сердце лишь мое, и лишь мое молчанье,—
Сиротки малыя—ихъ внемлютъ трепетанье.

Тогда порой изъ устъ неуловимый зовъ,
Безплотный, зыблется, не обрѣтая словъ:
Такъ пѣна волнъ морскихъ, на берегъ набѣгая,
Коснется лишь его—и таетъ, вся сквозная.

Въ часы безмолвія, и въ дрёмѣ, и въ тиши
Струи вздымаются, взлетаютъ изъ души—
И жаль, что чуждое ихъ не услышитъ ухо,
И благо, что они не для земного слуха.

Юрій Верховскій.

1904.

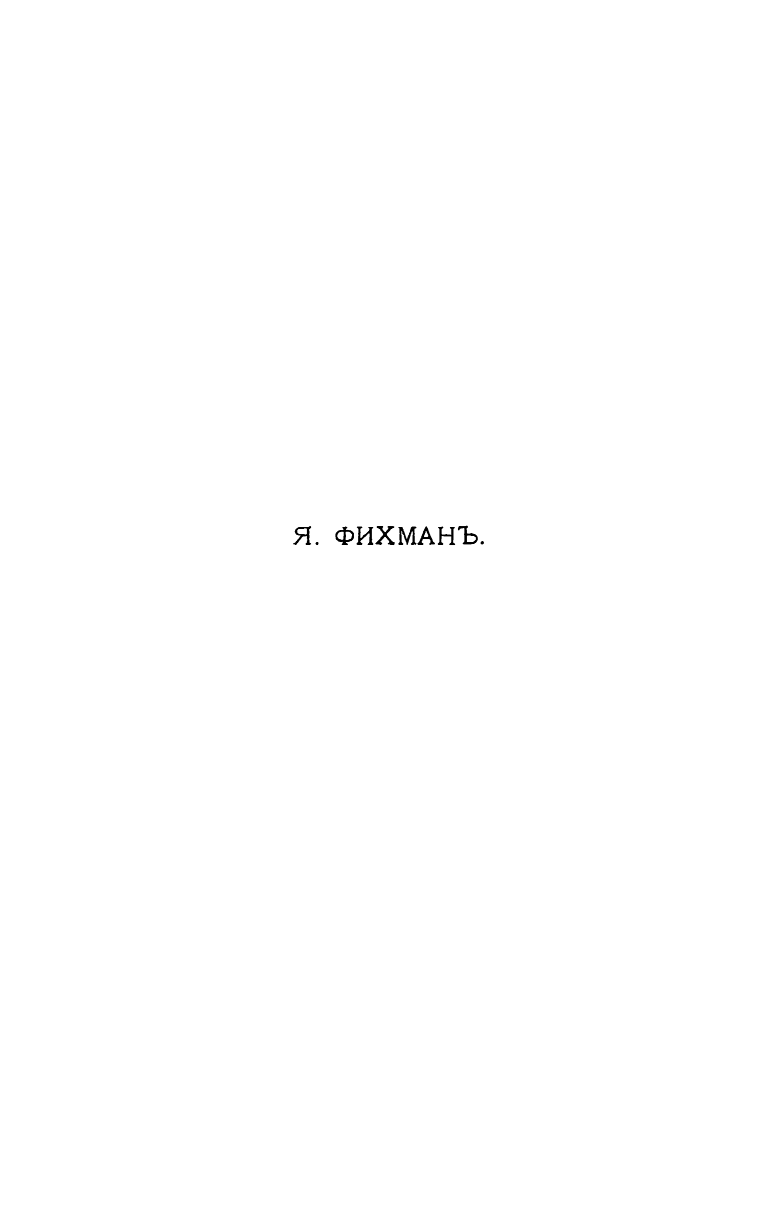
Голубка пролетѣла,
Задѣвъ меня крыломъ.
Куда летитъ, откуда—
Не вѣдаю о томъ.

Лишь крылья распахнула,
Полился новый свѣтъ,
Невѣдомаго міра
Сіяющій привѣтъ.

Мечтательно и молча
Я летъ ея слѣдилъ,
Мечтательно и молча
Ее благословилъ.

Софія Бекетова.

1908.

Я. ФИХМАНЪ.

Яковъ Фихманъ родился въ Бѣльцахъ, Бессарабской губерніи. Получилъ традиціонное еврейское воспитаніе. 14-ти лѣтъ покинулъ родительскій домъ и попалъ въ Одессу, гдѣ сталъ учиться европейскимъ языкамъ и общеобразовательнымъ предметамъ. Былъ нѣкоторое время преподавателемъ на еврейскихъ фребелевскихъ курсахъ въ Варшавѣ. Съ 1911 до 1914 года жилъ въ Палестинѣ, гдѣ занимался педагогической дѣятельностью и редактировалъ журналъ для юношества «Moledeth» («Родина»).

Литературная дѣятельность Фихмана началась въ 1901 году, когда онъ сталъ печататься въ журналахъ «Гадоръ», «Гашилоахъ» и др. Отдѣльное изданіе его стиховъ вышло въ 1911 году подъ названіемъ «Giweolim» («Стебли»). (Изд. «Biblioteka gdola»). Фихманъ выдвинулся такъ же, какъ литературный критикъ. Его статьи литературно-критическаго характера печатались въ «Гаоламъ», «Гашилоахъ», «Moledeth» «Knesseth», и др.

Фихманъ издалъ хрестоматію для дѣтей «Perakim rischonim» и сборникъ стиховъ для дѣтей школьнаго возраста «Schirim weagodoth».

Фихманъ писалъ также на разговорно-еврейскомъ языкѣ. На этомъ же языкѣ имъ издана антологія еврейскихъ поэтовъ «Di judische Muse» и хрестоматія «Far Schul un Volk».

Въ настоящее время Фихманъ живетъ въ Одессѣ, гдѣ состоитъ лекторомъ еврейской литературы при еврейскомъ учительскомъ институтѣ и фребелевскомъ институтѣ.

Хожу я къ тебѣ ежедневно.
Признанье сорваться готово...
Но нѣтъ: не сказалось ни разу—
И будетъ ли сказано слово?

Хожу я къ тебѣ ежедневно,
Какъ нимбомъ—увѣнчанный счастьемъ.
Когда жъ возвращаюсь—мерцаетъ
Звѣзда мнѣ унылымъ участьемъ.

Такъ счастье цвѣтетъ ежедневно:
Увяло—и вновь заалѣло...
Хожу я къ тебѣ ежедневно,
А ты и не знаешь, въ чемъ дѣло.

Владиславъ Ходасевичъ.

1908.

Блѣденъ зимній сумракъ, сумракъ безъ предѣла;
Въ безднахъ нѣтъ мерцанья, въ глубинѣ —покой;
Тусклый свѣтъ не бродитъ, все оцѣпенѣло,
И въ оцѣпенѣньи—холодъ гробовой;
Черныя деревья сада—недвижимо
Замерли... Не грянутъ свыше вихри грозъ,
Вѣтеръ не провѣетъ по вершинамъ мимо...
Все угомонилось... Вотъ проходитъ песъ
По тропѣ, и смотритъ, нюхаетъ, но вскорѣ,
Молча убѣгаетъ, тонетъ впереди,
Въ грядкахъ,—хвостъ опущенъ, смутный страхъ во взорѣ...
Ты, ночной скиталецъ, не молись, не жди!
Все въ ночи забыто! Радо все, что можетъ
Въ снахъ воспоминаній безъ конца коснѣть...
Звенья дней минувшихъ молча ночь тревожитъ,
Говоритъ: «Есть счастье! есть надъ чѣмъ скорбѣть!»
Хорошо бродить такъ по молчанью сада,
Все любить, минуя милыхъ тѣней рядъ,
Даже не бросая съ сожалѣньемъ взгляда—
Въ темноту, назадъ!

1903. Валерій Брюсовъ.

НЕ ВОПРОШАЙ О БОГѢ.

Не вопрошай о Богѣ... Есть отрада
Во всякой искрѣ, намъ обѣтованной,
Во всемъ, гдѣ трепетъ жизни ждетъ расцвѣта,
Во всемъ, гдѣ тлѣетъ сокровенно
Свѣтъ сирыхъ искръ отъ вѣчнаго пыланья,
Что намъ въ пути открылся и сіяетъ,
Вѣнчая кудри молодости нашей...
И мы скользимъ, какъ встарь, тоскливымъ взглядомъ
По глади водъ и мхамъ въ тиши дубравы
И, полные томленья и томленья,
Мы черпаемъ по каплѣ изъ простора
И утоляемъ ею нашу жажду—юность...
Но лишь живи, не вопрошая Бога...
Намъ сны цвѣли не тщетно и, увянувъ,
Оставили свое благословенье...
И если сердцемъ правитъ ночь ущерба,
Оно не все пустынно охладѣло;
И если намъ сулила юность больше,
Еще родникъ отрады не исчерпанъ...
Гроза прошла—но дрожь ея восторга
Еще средь горъ не молкнетъ,
И если громы вѣсти и утихли,
Нашъ слухъ еще ихъ гордой пѣснѣ внемлетъ...

И есть надъ чѣмъ рыдать... Насъ грѣло солнце—
Смотри, оно еще средь тучъ мелькаетъ
И, низливаясь свѣтомъ милосердья,
На выси горъ ложится...
Нѣтъ, нѣтъ, повѣрь, не тщетны были грезы!
Роса Зари сверкала не напрасно
И насъ не тщетно солнце цѣловало...
И пусть уже струится тѣнь печали
И скорбный вечеръ ширится надъ нами,
Нашъ легкій шагъ еще, какъ прежде, строенъ
И насъ вѣнчаетъ гордость нашей грусти
И мы вкушаемъ въ скорби нашей жизни
Всю полноту благословенья солнца...

1907. Ю. Балтрушайтисъ.

Вѣдь дали и таинства міра
Влекли меня дивною властью;
Ища красоты небывалой,
Я вѣрилъ безвѣстному счастью!

Теперь же мечта моя: малый
Поселокъ, родимыя горы,
Качанье весеннихъ посѣвовъ,
Надъ дюнами тѣнь сикоморы.

Вотъ вечеръ румянитъ утесы
И дикія травы по скаламъ...
Чу! море поетъ издалека,
Подъ небомъ и темнымъ, и алымъ...

Проснешься... а высь такъ прозрачна...
И сыплется золото словно...
Взгрустнется—а вѣтеръ нагорный
Скользя, утѣшаетъ любовно...

Не жалко мнѣ грезъ отлетѣвшихъ
И гордыхъ мечтаній. Всѣ думы
Теперь въ этомъ маленькомъ краѣ,
Гдѣ скалы и дюны угрюмы.

А пѣснь для того берегу я,
Кто въ утреннемъ свѣтѣ на нивы
Выходитъ и въ грусти заката
Вернется, уставъ, но счастливый.

Когда жъ, безъ дождей изнывая,
Томятся поля передъ жнитвой,
Въ душѣ моей пѣснь воскресаетъ,
Созвучная съ дѣтской молитвой.

Мнѣ пашня близка, Я пророчу
Вамъ, пахари, пѣсней удачу!

Надъ каждымъ стеблемъ я надѣюсь,
Надъ колосомъ каждымъ я плачу.

Я—прежній! Народъ свой обрѣлъ я,
Его полюбилъ за работой...
Здѣсь домъ мой, здѣсь міръ мой, здѣсь живъ я
Растаявъ межъ тысячъ безъ счета!

Валерій Брюсовъ.

МОЯ СТРАНА.

О ты, страна моя, насыщенная моремъ,
Страна безмолвныхъ горъ и величавыхъ тучъ,
Струящихъ вѣчности и тайны свѣтъ священный,
Скользя по бѣлизнѣ твоихъ отвѣсныхъ кручъ.

Я принялъ всю тебя: и скорбь твоихъ усталыхъ,
Прохлады жаждущихъ, испепеленныхъ жнитвъ,
И мракъ пещеръ твоихъ, гдѣ сладкій хладъ покоя
Встрѣчаетъ бѣглецовъ, презрѣвшихъ ярость битвъ.

Ты вся моя. Люблю песковъ твоихъ неяркихъ
Струенье нѣжное на берегу морскомъ
И алость пышную цвѣтовъ, что теплымъ утромъ
Трепещутъ, какъ сердца, подъ легкимъ вѣтеркомъ.

Впервые предо мной ты на зарѣ открылась
Въ унылой наготѣ холмовъ—и вся была
Какъ слабая душа, что жаждетъ избавленія,—
Какъ пламя, скорбь твоя мнѣ сердце обожгла.

Въ тебя повѣрилъ я. Припавъ къ землѣ, я слушалъ
Пѣснь сердца твоего. На каждый холмикъ твой
Усталую главу довѣрчиво склонялъ я,
Изъ камня каждаго священный пилъ покой.

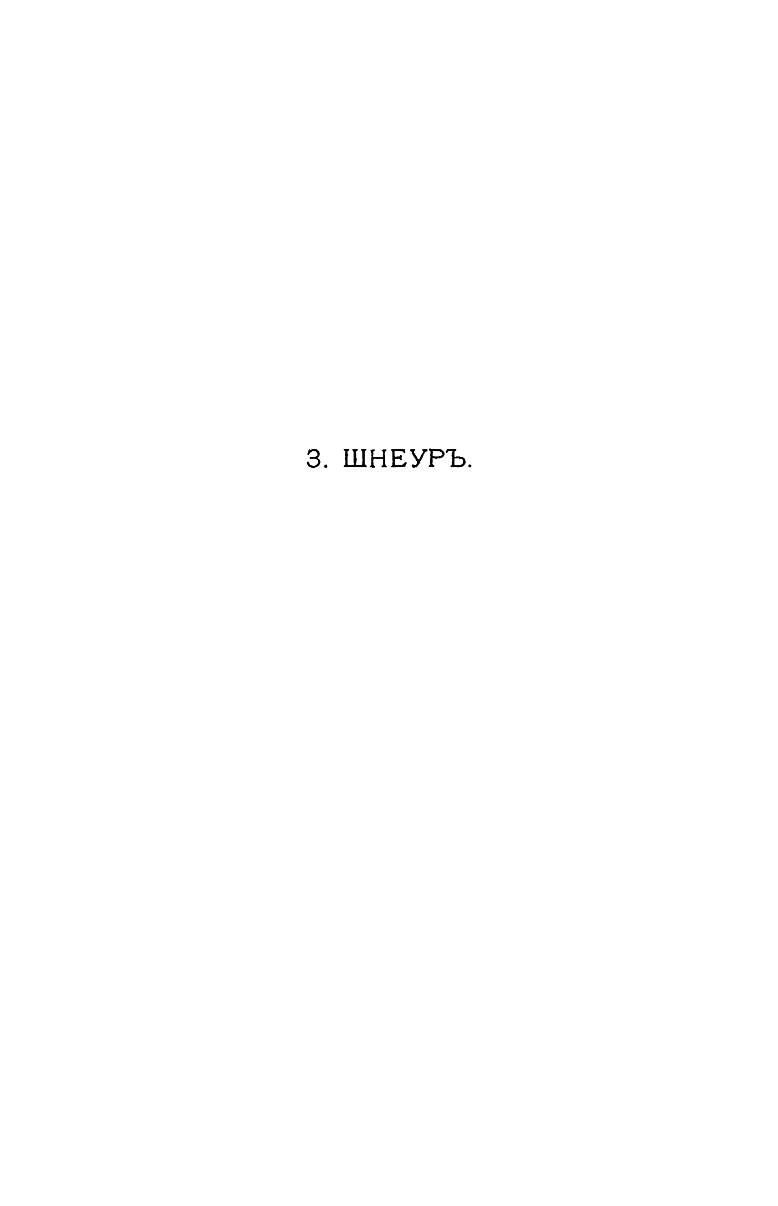
Никто не вѣдаетъ про то, что мнѣ шептали
Твой каждый кустикъ, тернъ въ расщелинѣ скалы,
Когда, волнуемый печалью странно-древней,
Я брелъ долинами въ часы вечерней мглы.

Когда душа дрожитъ предъ щедростью Господней,
Какъ сладокъ вѣтерокъ твоихъ святыхъ ночей!
Какъ сердце веселитъ усталому скитальцу—
Среди пустынныхъ горъ напѣвъ твоихъ ключей!

Мать-родина! Ты намъ—какъ мореходамъ гавань.
Въ тебѣ—конецъ пустынь, покой и мирный сонъ.
Къ твоимъ горамъ бредутъ отъ всѣхъ предѣловъ міра
Скитальцы всѣхъ вѣковъ, нарѣчій и племенъ.

Въ плодахъ долинъ твоихъ—какой избытокъ пышный!
Какъ мягко шелеститъ въ ручьяхъ твоихъ вода!
Какъ одиночество вершинъ твоихъ прекрасно!
Какъ сердцемъ воленъ тотъ, кто добредетъ сюда!

Ф. Масловъ.

З. ШНЕУРЪ.

З. Шнеуръ родился въ 1887 году въ Шкловѣ, Могилевской губерніи, въ хасидской семьѣ. Жажда знаній побудила его покинуть родительскій домъ. Онъ направился въ Одессу, гдѣ въ немъ принялъ большое участіе Х. Н. Бяликъ. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Одессѣ и затѣмъ въ Вильнѣ, Шнеуръ отправился за-границу, гдѣ учился въ Бернѣ и въ Парижѣ на философскомъ факультетѣ.

Литературная дѣятельность Шнеура началась въ 1900 году. Въ 1906 году появился его сборникъ стихотвореній «Im schkiath hachamo» («Съ закатомъ солнца»). Въ 1914 году вышло собраніе его сочиненій «Schirim и-poemoth» («Пѣсни и поэмы») въ изд. Морія. Шнеуръ писалъ также разсказы, вышедшіе отдѣльной книгой (изд. Тушія) подъ названіемъ «Bejn hachaim weha-moweth» («Между жизнью и смертью»). Шнеуръ много писалъ и на разговорно-еврейскомъ языкѣ.

Въ настоящее время Шнеуръ живетъ въ Берлинѣ, гдѣ въ началѣ войны былъ задержанъ въ качествѣ военно-обязаннаго.

ВЪ МОЕЙ КОМНАТѢ.

Стѣны комнаты угрюмой
Смотрятъ на меня сурово.
Такъ глядятъ—мертво и слѣпо—
Бѣльма на глазахъ слѣпого.

Полугрусть и полусумракъ.
Погружаюсь, какъ въ пучину,
Въ тишину. Паукъ, чернѣя,
Ткетъ прилежно паутину.

А на улицѣ, я знаю—
Звонко тарахтятъ телѣги,
И шумя проходятъ люди,
Словно волны въ бурномъ бѣгѣ.

Я же холодно спокоенъ.
Погружаюсь, какъ въ пучину,
Въ тишину. Паукъ, чернѣя,
Ткетъ прилежно паутину.

И когда съ шумливыхъ улицъ
Прихожу въ свой уголъ плѣнный,—
Онъ—какъ царство бѣлой смерти
Въ морѣ жизни бурнопѣнной.

Онъ пропитываетъ тѣло
Сладкой дрожью томной лѣни.
Прерываетъ нить раздумій,
Пресѣкаетъ бѣгъ мгновеній.

Я молчу, молчу бездумно.
Нить желаній еле тлѣетъ.
Я ни веселъ, ни печаленъ,
Я не сплю, а сердце млѣетъ.

Мертвенный потокъ молчанья
Хлынулъ въ комнату нѣмую,
И сдается мнѣ, что ясно
Сердцемъ смерть и вѣчность чую.

С. Левманъ.

1904.

Я солнца полнъ,—вамъ только тучи зримы;
Я вѣчно юнъ,—а вамъ во мнѣ видна
Лишь дряхлая, морщинистая старость.
Хрустальные чертоги у меня,—
А люди видятъ только мой шатеръ,
Который вѣтеръ яростно колышетъ.
Настанетъ день, послѣдній для меня
И для страстей моихъ. Тогда—увы!—
Когда я буду сиръ, заблещетъ солнце,
Пронижетъ свѣтомъ темный мой чертогъ
И объ его колонны разобьется
На множество тысячецвѣтныхъ радугъ.
Тогда прозрятъ безчувственныя очи,
И жирныя прошамкаютъ уста:
«Глядите, сколько солнечныхъ осколковъ!
Да тутъ міры со всѣмъ своимъ богатствомъ!
Хозяинъ мертвъ... Сюда, кто любитъ злато!»
Моихъ очей полупотухшій взоръ
Въ чертогѣ узритъ стаю нечестивыхъ;
Имъ дѣла нѣтъ, къ чему онъ созданъ, чей онъ...
Они ворвались въ грязныхъ сапогахъ;
У каждаго въ зубахъ дымится трубка,
Блудницу каждый подъ руку ведетъ.
Услышу я, какъ воплемъ ликованья
Мой храмъ чужіе громко огласятъ,
И заглушатъ зубовный скрежетъ мой
Ихъ наглый плясъ и пошлые напѣвы.

Доселѣ я брожу по всѣмъ дорогамъ,
Склоняюсь ницъ предъ всѣми алтарями,
Но не обрѣлъ я Бога моего.
Съ наслѣдіемъ великимъ на плечахъ,
Безъ родины брожу, какъ сирый нищій.
Босой измѣрилъ я земныя шири,
А мертвымъ лягу въ златотканный саванъ.

О. Румеръ.

1907.

ВЪ ГОРАХЪ.

Встрѣча.

Миръ тебѣ, сказочный край неприступныхъ вершинъ и утесовъ!
Быль о рожденьи твоемъ я читаю сквозь дымку тумана.
Десять—гласитъ она—мѣръ красоты у Создателя было,
Въ день, когда Вѣчный сидѣлъ на престолѣ Своемъ величавомъ,
Полонъ видѣній и думъ. И когда Его творческій пламень
Вспыхнулъ, и руки Творца приступили къ труду мірозданья,—
Щедро съ небесъ пролились на Гельвеціи тѣсное лоно
Девять божественныхъ мѣръ, образуя причудливый хаосъ...
Сѣверъ и Западъ, и Югъ, и Востокъ на Творца возроптали,
Зависти хмурой полны, безобразны, пустынны и голы—
Многія страны пришли и столпились у Божьяго трона.
«Дай, о Создатель, и намъ!..» Пробудился Отецъ ихъ могучій,
Все, что осталось, собралъ и по крохамъ изъ жалости роздалъ.
Всѣхъ надѣлилъ,—никого изъ роптавшихъ дѣтей не обидѣлъ.

Миръ тебѣ, горная сѣнь! Какъ цѣлебенъ твой воздухъ прозрачный!
Свѣжесть дыханья Творца сохранилъ онъ со дня мірозданья.
Мощь онъ усталымъ даетъ, пробуждаетъ онъ дремлющій геній...
Дай исцѣленье и мнѣ!.. Я усталъ, изнемогъ я смертельно.
Въ сѣверныхъ снѣжныхъ степяхъ начерталъ я горячею кровью—
Краснымъ на бѣломъ—главу многоскорбной исторіи древней,
И убѣжалъ навсегда... А теперь я стою предъ тобою...
Что же такъ хмуро глядишь на меня ты глазами ущелій?
Я не безвѣстный пришелецъ. Посмотри на свидѣтельство это—
Торы священной лоскутъ, опаленный, съ запекшейся кровью
На письменахъ «не убій»...

«Благословенъ твой приходъ!» отвѣчаютъ мнѣ глухо утесы
Шумомъ потоковъ сѣдыхъ...
Красное знамя твое, развѣваясь съ далекой вершины,
Сладкій сулитъ мнѣ покой.
Слушай признанье мое. Предъ тобой исповѣдуюсь нынѣ!
Знай: я не вѣрю въ покой и давно пресыщенъ я словами.
Горъ красоту я постигъ,—но чужда твоя почва скитальцу.
Эхо въ горахъ я люблю, но къ свободѣ твоей равнодушенъ.
Вкусомъ она мнѣ чужда, словно пакля сухая голоднымъ...
Чужды мнѣ дѣти твои, что къ горамъ присосались какъ слизни,
Села свои прилѣпивъ, какъ скорлупку, къ возвышеннымъ склонамъ.
Ты молоко имъ и медъ расточаешь,—и только величья
Дѣтямъ ты дать не могла... Твой густой виноградъ они любятъ,
Любятъ и сыръ твоихъ стадъ, но не душу родимыхъ утесовъ!..
Знаю, что свѣтъ весь таковъ... И куда бы я взоръ свой ни кинулъ,
Всюду стоитъ предо мною неотступная мачеха-Голусъ.
Я и на Западъ бѣжалъ, уходилъ и на Югъ Лучезарный,—
Всюду встрѣчался я съ ней, ненавидимой мной и любимой...
Чѣмъ она, спросишь, не мать? И за что я ее ненавижу
И безконечно люблю—будто слился я съ ней воедино?...
Слушай: ланиты ея увядаютъ, но молоды груди.
Плечи пылаютъ, какъ зной. На устахъ ея сморщенныхъ—Осень...
Станъ ея гибокъ и прямъ; голова же сѣда и плѣшива.
Длиненъ, глубокъ ея взоръ, но безсильны и коротки руки.
Жаждешь обнять ея станъ—и въ лицо ея страшное плюнуть.
Къ ней поцѣлуемъ припасть—и обрушить ударъ на затылокъ,
Слуглый и жесткій... Бѣжать—и, волнуясь, искать ее снова!
Посохомъ древнимъ стуча, ковыляетъ она предо мною.
Шагъ—и назойливый стукъ... И суму положивъ въ изголовье,
Спитъ она въ ветхомъ плащѣ, не снимая сапогъ запыленныхъ...
Гдѣ бы ни вздумалъ я сѣсть, мнѣ грозитъ ея посохъ тяжелый:
«Намъ здѣсь не мѣсто. Идемъ!» И едва простираю я руки,—
Шамкаетъ: «Чуръ не бери!» неотступная мачеха-Голусъ.
Вотъ и понынѣ она отъ меня не отходитъ: на склоны
Пала знакомая тѣнь... Но запомните слово скитальца,

Чуждые мнѣ небеса и нѣмые свидѣтели—горы!
Клятву даю!
Крови и плоти моей я воздамъ за лишенья сторицей...
Все, что судьба отняла и припрятала мачеха-Голусъ,
Ясный мой взоръ возмѣститъ и добудетъ мой слухъ ненасытный!
Запахомъ нивъ и полей я насыщу опавшее чрево,
Яркимъ румянцемъ зари я окрашу безкровныя щеки,
Рубище пышно затку я узорами тѣни и свѣта,
Радугой мозгъ озарю, изсушенный заботой и горемъ,
Лучъ изловлю я въ водѣ—онъ въ рукѣ моей скипетромъ будетъ!...
Нити жемчужинъ вплетутъ мнѣ въ кудрявыя черныя пряди
Свѣтлыя тучки небесъ,—караваны лазурной пустыни,—
Вѣчно плывущія въ даль со своей драгоцѣнной добычей...
Встань же, изгнанникъ и царь! И въ горахъ вдохновенно повѣдай
Все, что узналъ ты отъ горъ.

С. Маршакъ.

1908.

МАКИ.

Свѣтило ярко утро, и я бродилъ по нивамъ,
И всюду рдѣли маки средь утреннихъ полей,
Какъ ставшій плотью возгласъ расторгшей землю страсти,
Какъ факелы восторга средь празднествъ лѣтнихъ дней...

Вездѣ огонь средь стеблей, а травы не сгораютъ,
И въ ясномъ полѣ вѣтеръ качнулъ пыланье-цвѣтъ,
И легкой зыбью взрылось живое пламя маковъ,
И лишь не рдѣютъ искры, и только дыма нѣтъ.

И я стоялъ въ волненьи средь огненнаго поля,
Въ кольцѣ изъ алыхъ вспышекъ и зыбкихъ волнъ огня,
И было въ небѣ солнце, и было въ полѣ пламя,
И свѣтлое пыланье очистило меня...

Ю. Балтрушайтисъ.

1911.

ПОДЪ ЗВУКИ МАНДОЛИНЫ.

(Отрывки.)

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ИЗРАИЛЯ.

Войны Божій.

О, пой еще, пой мнѣ еще, дочь Рима!
Огонь твоихъ перстовъ пусть перельется въ звуки,
Пускай поетъ, какъ если бы запѣло
Мое нѣмое сердце...
. . . .
Такъ! Пой еще! Зачѣмъ съ недоумѣньемъ
Глазами черными ты смотришь на меня?
Иль не узнала ты меня,—ты, внучка
Тѣхъ, кто страну мою и храмъ мой растоптали?
Я іудей... я внукъ зелотовъ древнихъ!
Вглядись—и ты въ глазахъ моихъ примѣтишь
Сверканье глазъ Симòна баръ-Гіоры.
Еще горитъ во мнѣ вся ярость Іоханана,
Что головы дробилъ твоимъ бойцамъ,
Взбиравшимся на башни Гушъ-Халава...
. . . .
Забыла ты или не знаешь вовсе,
Что насъ съ тобой одно смуглило солнце,
Что море общее лизало въ дни былые
Моей страны нахмуренныя скалы
И родины твоей утесъ береговой?..

Предательское море! Не стыдилось
Оно на вспѣненныхъ горбахъ своихъ валовъ
Нести плоты сидонскіе, что предки
Твои похитили! Оно влекло покорно
Сіонскихъ плѣнниковъ, высокихъ, юныхъ, смуглыхъ,
Чтобъ на глазахъ изнѣженныхъ матронъ
Они сражались въ циркахъ со звѣрями
И «Ave, Caesar, morituri te salutant!»
Кричали, скрежеща зубами, изнывая
Отъ жажды мщенія... И тѣ же волны
Переносили въ Римъ прекрасныхъ, страстныхъ дѣвъ,
Сестеръ Юдиѳи, Руѳи, Саломеи,
Чтобъ для своихъ мучителей онѣ
На мельницахъ трудились, какъ рабыни.
Безжалостное море! Гнѣвнымъ шкваломъ
Оно моихъ враговъ—твоихъ побѣдныхъ предковъ—
Не потопило: помогло украсть
Мой гордый семисвѣчникъ, символъ Бога,
Чтобъ украшалъ онъ чуждые чертоги,
Чтобъ обнаженныя блудницы оправляли
Его свѣтильни....

. . . .

Рука моихъ зелотовъ не отмстила
За честь моихъ сестеръ, за кровь героевъ.
Но въ семьдесятъ разъ духъ мой отомстилъ.
Не побѣдилъ народъ,—но побѣдилъ мой Богъ!
И нѣтъ страны, гдѣ бъ не излилъ мой Богъ
И кровь мою, и духъ, и прелесть Галилеи.
Священной книги нѣтъ, чтобъ въ ней не уловилъ я
Шумъ Іорданскихъ водъ иль эхо горъ Ливанскихъ.
Гдѣ храмъ и гдѣ дворецъ, въ которыхъ не звучатъ
Псалмы Давидовы, глаголы Моисея?
Гдѣ холстъ, гдѣ мраморъ, мѣдь, что намъ не говорили бъ
На вѣчномъ языкѣ ожившей плоти
Объ откровеніяхъ и свѣтлыхъ снахъ пророковъ,
О творческой росѣ въ сказаньяхъ Бытія,
О грустной осени въ стихахъ Екклезіаста,
О буйномъ вертоградѣ Пѣсни Пѣсней?
Мой творческій во всемъ лучится свѣтъ,

Во всѣхъ плодахъ земли души моей дыханье—
Какъ тонкій ароматъ этрога. И народы
Имъ дышатъ, имъ, не вѣдая того!
Я перцемъ сталъ въ устахъ иныхъ народовъ—
И въ этомъ вѣчное отмщеніе мое!

Голусъ.

...Я царскій сынъ. Взгляни жъ: отъ ветхости истлѣла
Моя, давно скитальческая, обувь,
Но смуглыя нѣжны еще ланиты—
Востока неизмѣнное наслѣдье.
Въ глазахъ—какая грусть, и сколько въ нихъ презрѣнья!
Въ моей глуби всѣ океаны тонутъ,
И слезы всѣ—въ одной моей слезѣ.
Всѣ рѣки горестей въ мое впадаютъ море,
И все-таки оно еще не полно.
Въ котомкѣ у меня такія родословья,
Какими ни одинъ вельможа похвалиться
Не сможетъ никогда. И многіе народы
Обязаны мнѣ властію, величьемъ,
Побѣдами, богатствомъ, славой царствъ.
Здѣсь, на пергаментѣ записаны долги
Слезой и кровью моего народа.
Здѣсь Саваоѳъ писалъ, и Моисей скрѣпилъ.
Свидѣтелями были—твой Спаситель,
Пророкъ Аравіи и всѣ провидцы Божьи.
. . . .
Я—пасынокъ земли, вельможа разоренный—
Какъ я потребую назадъ свои богатства,
Съ кого взыщу сокровища души?
По всѣмъ тропамъ, по всѣмъ большимъ дорогамъ
Напрасно я искалъ себѣ путей.
Въ ворота всѣхъ судовъ стучался я: никто
Награбленныхъ не отдаетъ сокровищъ.

И видѣлъ я:
Во прахѣ всѣхъ дорогъ, въ грабительскихъ вертепахъ,
Въ потокѣ всѣхъ временъ и въ смѣнѣ поколѣній
Разбросаны сокровища мои.
И съ каждымъ шагомъ видѣлъ я: въ грязи—
Вся сила духа, что досталась мнѣ
Въ наслѣдіе отъ многихъ поколѣній;
Изъ храма каждаго мнѣ слышенъ голосъ Бога,
Изъ лѣса каждаго звучитъ мнѣ пѣсня жизни,—
Но слушать мнѣ нельзя, на всемъ лежитъ запретъ.
Въ высокихъ замкахъ, утромъ озлащенныхъ,
Въ окошкѣ каждомъ, гдѣ горитъ огонь,
Моихъ героевъ вижу, вижу предковъ,
Моей страны, моихъ надеждъ осколки,—
И всѣ они чужимъ покрыты прахомъ,
Всѣ въ образахъ мнѣ предстаютъ суровыхъ
И съ чуждымъ гнѣвомъ смотрятъ на меня.
И даже къ ихъ ногамъ упасть я не могу,
Чтобъ лобызать края святыхъ одеждъ,
Благоухающихъ куреньями...
Я видѣлъ:
Хоть я еще живу, рабъ духа моего
И мудрости моей—сталъ господиномъ.
А знаешь ты раба, который господину
Наслѣдовалъ? Земля дрожитъ подъ нимъ,
Когда онъ воцаряется. Во вѣки
Мнѣ не простятъ рабы воспоминаній
О грязной лужѣ той, гдѣ родились они.
Мой каждый шагъ напоминаетъ имъ
Ихъ низкое рожденье. Древній путь мой—
Зерцало вѣчное ихъ преступленій.
Знакъ Каина на лбу у всѣхъ народовъ,
Знакъ подлости, кровавое пятно
На сердцѣ міра. И глубоко въѣлся
Тотъ страшный знакъ, и смыть его нельзя
Ни пламенемъ, ни кровью, ни водой
Крещенія...

Презрѣнье, горделивое презрѣнье
Рабамъ рабовъ, вознесшимся высоко!
Покуда бьется сердце, не возьму
Ихъ жалкой красоты, законовъ ихъ лукавыхъ
За свитки, опороченные ими.
Въ упадочномъ и дряхломъ этомъ мірѣ—
Презрѣнье имъ! Презрѣнью моему
Воздайте честь: оно въ моихъ мѣхахъ—
Какъ старое вино, сокъ сорока столѣтій.
Очищено оно и выдержано крѣпко,
Вино тысячелѣтнее мое...
Отравятся имъ маленькія души,
И слабый мозгъ не вынесетъ его,
Не помутясь, не потерявъ сознанья.
Не молодымъ народамъ пить его,
Не новымъ племенамъ, не первенцамъ природы,
Которые вчера лишь изъ яйца
Успѣли вылупиться. Чистый, крѣпкій,
Мой винный сокъ—не имъ... Но ненависть ко мнѣ
Безсильна выплеснуть его изъ міра...

Презрѣніе мое! Тебя благославляю:
Донынѣ ты меня питало и хранило.
Меня возненавидѣлъ міръ. Онъ избавленья
Не признаетъ, которое несу я.
И вотъ, отъ жажды блѣдный, я стою
Предъ родникомъ живымъ. Расколотое, пусто
Мое ведро. Мной этотъ міръ отвергнутъ
Съ неправой справедливостью его.
И если самъ Господь, отчаявшійся, древній,
Прійдетъ и скажетъ мнѣ: «Я старъ, Я не могу
Тебя хранить въ бояхъ, сломай Мои печати,
Послѣдній свитокъ разорви, смирись!»—
Я не смирюсь:
И на Него ожесточился я!
И если будетъ день, и смерть ко мнѣ прійдетъ,
Смерть безнадежнаго народа моего,—
Тогда, клянусь, не смертью жалкихъ смертныхъ
Погибну я!

Вся мощь моей души, все тайное презрѣнье
Въ послѣднемъ мятежѣ зальютъ весь міръ.
На лапахъ мощныхъ мой воспрянетъ левъ,
Сей древній знакъ моихъ завѣтныхъ свитковъ...
Вѣнчанную главу поднявъ, тряхнетъ онъ гривой
И зарычитъ,
Рычаньемъ льва, что малымъ, слабымъ львенкомъ
Похищенъ изъ родимой кущи,
Изъ пламенныхъ пустынь, отъ золотыхъ песковъ —
И ловчимъ злымъ навѣки заточенъ
На сѣверѣ, въ туманахъ и снѣгахъ.
Эй, сѣверный медвѣдь, поберегись тогда!
Счастливъ тогда медвѣдь, что въ темнотѣ берлоги
Укрылся—и сопитъ, сося большую лапу.
Коль Божій левъ умретъ—умретъ онъ въ грудѣ труповъ,
Межъ тѣлъ растерзанныхъ его взметнется грива!
Вотъ какъ умретъ великій левъ Егуда!
И волосы народовъ дыбомъ станутъ,
Когда они узнаютъ, какъ погибъ
Послѣдній іудей...

Къ солнцу.

...Ты—пой... Давно мои забыли сестры
Напѣвы солнца, спѣлыхъ гроздій, влажныхъ
Чашъ лотоса, напѣвы гордыхъ пальмъ,
Что рвутся изъ земли раздольнымъ кликомъ жизни.
Забыта ими пѣсня о свободѣ
И пѣснь зелота, что роняетъ лукъ,
Обвитый локономъ возлюбленной... Въ унылыхъ
Напѣвахъ сѣвера, въ часы чужихъ веселій,
Въ кругу враговъ, возжаждавшихъ извѣдать
Любовь Востока,—смуглыя мои
Танцуютъ сестры. Пляска вьюгъ—ихъ пляска...
Ты, чуждая, будь мнѣ сестрой! Спаси
Пѣснь моего Востока... Какъ ручей

На сѣверѣ, она заледенѣла
И носится, какъ вѣтеръ непогоды,
Взвывающій въ трубѣ. Горячій звукъ
Твоихъ напѣвовъ слушать я пришелъ
Отъ низкорослыхъ сосенъ, мховъ и воробьевъ,
Отъ торфяныхъ болотъ, пустыхъ, безплодныхъ, черныхъ,
Отъ снѣговыхъ степей, безбрежныхъ, какъ тоска
Старѣющаго сердца... Я пришелъ
Изъ сѣверной страны, страны, что вся—равнина,
Гдѣ вьюга и туманъ навѣки поглощаютъ
Весь жаръ любви, весь лучшій сердца жаръ,
Всѣ чаянья, всю власть и чару пѣсенъ.
Что человѣкъ тамъ можетъ дать другому?
Тамъ съ утра дней моихъ я слушалъ по дворамъ
Напѣвы осени, томительныя пѣсни,
Летѣвшія изъ хриплыхъ трубъ шарманки.
Тамъ утра были сѣры, росъ на крышахъ мохъ,
И пресмыкаясь, пѣсня мнѣ сулила
Убожество души и тѣла, вѣчный ужасъ—
И ржавчиной мнѣ падала на сердце...

. . . .

Рукою пращуровъ твоихъ разсѣянъ я,
Скитаніе меня сюда приводитъ.
Все дальше отъ Востока страны тѣ,
Въ которыхъ шагъ за шагомъ умираю.
Вотъ, я слабѣю, въ жилахъ стынетъ кровь,
Кипѣвшая когда-то вѣрой въ Бога
И пѣсней Вавилонскихъ рѣкъ. Мое презрѣнье,
Питавшее меня, питаемое мною,
Презрѣнье господина, что своимъ же
Гонимъ рабомъ,—оно ужъ изсякаетъ.
Священный огнь, таившійся, какъ левъ,
Въ моихъ священныхъ свиткахъ,—съ дня того,
Какъ уголья на алтарѣ погасли,—
Слабѣетъ. Лишь одинъ еще пылаетъ клокъ
Его багряной гривы. Годъ за годомъ
Я примиряюсь съ сѣверомъ, въ его туманы
Я падаю, чужой болѣю болью,

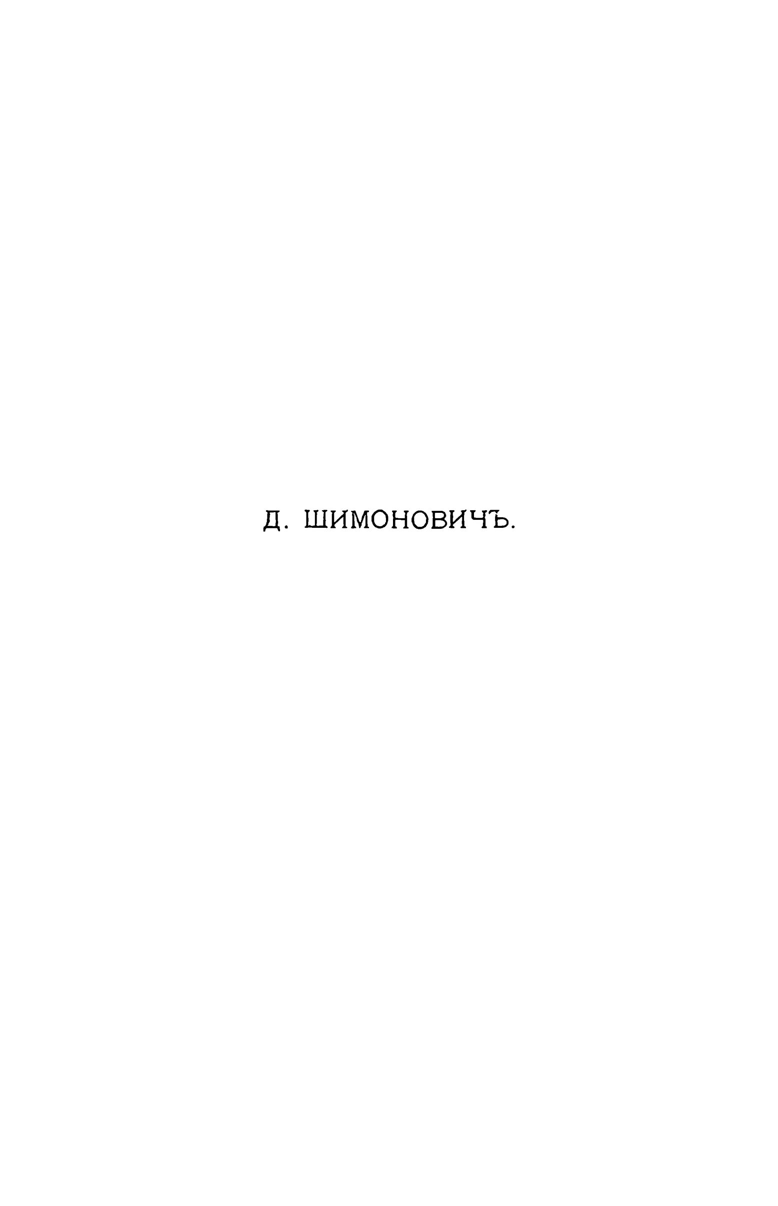
Живу чужой надеждою... Моя же
Боль притупилась. Горе, горе мнѣ!
Одно лишь поколѣнье—и какъ трупъ
Закоченѣю я...

. . . .

Что мнѣ до той страны,—мнѣ, отпрыску Востока?
Мои глаза давно уже устали
Отъ ослѣпительныхъ равнинъ, покрытыхъ снѣгомъ.
Въ былые дни мои летѣли взоры
Надъ благовонными холмами Іудеи,—
Теперь они томятся надъ безкрайнымъ
Просторомъ черныхъ, выжженныхъ степей.
Тысячелѣтія тому назадъ
Мои стопы привыкли къ раскаленнымъ
Пескамъ пустынь, къ обточеннымъ волною
Камнямъ на берегу родного Іордана,—
И вотъ, среди лѣсовъ, сырыхъ и мрачныхъ,
Онѣ въ болотѣ мшистомъ погрязаютъ.
Моя душа летитъ къ Востоку, къ солнцу,
По солнечнымъ лучамъ мое тоскуетъ тѣло,
И каждая мнѣ вѣтвь, кивая, шепчетъ: «Къ солнцу!»
Пока еще я живъ, вновь обрѣту его,
Прильну молитвенно къ полусоженнымъ злакамъ,
Къ подножью гордыхъ пальмъ, сожженныхъ этимъ солнцемъ,
Къ желтѣющимъ волнамъ пустыннаго песка.
И кровь моя вскипитъ и съ новой силой крикнетъ:
«Возмездія! Суда!»
И жизни ключъ, заледенѣвшій въ стужѣ,
Прорвется вновь потокомъ вешнихъ водъ,
И загремитъ порывомъ новой воли.
Сонъ о Мессіи, злую тьму поправшемъ,
Вновь станетъ, какъ лазурь, и свѣтелъ, и глубокъ.
И если гибелью грозитъ мнѣ возвращенье
На мой забытый, пламенный Востокъ—
Съ меня довольно, если это солнце
Меня сожжетъ, какъ жертву,
И ливни шумные размоютъ остовъ мой...
Такъ! Лучше пусть моею кровью скудной

Напьется хоть одинъ цвѣтокъ Востока,
Пусть въ бородѣ моей совьетъ себѣ гнѣздо
Ничтожнѣйшая ласточка Ливана,—
Чѣмъ удобрять собой просторныя поля,
Морознымъ инеемъ покрытыя и кровью
Моихъ невинно-убіенныхъ братьевъ!

Ф. Масловъ.

Д. ШИМОНОВИЧЪ.

Давидъ Нисоновичъ Шимоновичъ родился въ Бобруйскѣ, Минской губерніи, въ 1886 году. Получилъ обычное еврейское воспитаніе. Въ 1901 году посѣтилъ Палестину, гдѣ прожилъ около года. Въ 1910 году поступилъ въ берлинскій университетъ, слушалъ лекціи также въ Вюрцбургѣ и Гейдельбергѣ. Въ настоящее время живетъ въ Москвѣ, гдѣ занимается литературной дѣятельностью.

Шимоновичъ дебютировалъ въ литературѣ въ 1904-мъ году стихотвореніемъ «Zichronoth» («Воспоминанія»), помѣщеннымъ въ альманахѣ «Ахіасафъ». Въ 1911 году вышелъ въ изд. «Ssifruth» сборникъ его стихотвореній «Ieschimun» («Пустыня»), а въ 1910 году въ изд. Тушія—сборникъ «Ssaar u-dmoma» («Буря и тишина»).

Въ настоящее время издательство «Морія» приступило къ печатанію собранія его стихотвореній.

Шимоновичъ писалъ также прозу. Его палестинскіе очерки печатались въ палестинскомъ журналѣ «Moledeth», разсказъ «Hotoe bizman» въ «Haschiloach».. Шимоновичъ много переводилъ на еврейскій языкъ. Издательство «Міровая литература» издаетъ въ настоящее время въ переводѣ Шимоновича драматическія поэмы Пушкина, лирическія стихотворенія Лермонтова, «Перъ Гинтъ» Ибсена, нѣкоторыя драмы Метерлинка.

ПОСЛѢДНІЙ САМАРЯНИНЪ.

Спотыкаясь, онъ блуждаетъ отъ скалы къ скалѣ.
Онъ послѣдній. Тайна смерти на его челѣ.

Вотъ ужъ сумракъ безглагольный никнетъ надъ пустыней.
Горы темныя покрыты мглой туманно-синей.

Вотъ, коснулся лучъ заката впалыхъ, блѣдныхъ щекъ.
Вотъ, въ зрачкахъ зажегся хладный, быстрый огонекъ.

На пескахъ пустыни желтыхъ молча видитъ онъ
Бурь минувшихъ начертанья, письмена временъ.

Глядя въ даль, онъ бродитъ въ скалахъ, сгорбленный и хилый.
Горы тамъ Эйвалъ и Гризимъ: предковъ тамъ могилы...

Тамъ орелъ раскинулъ съ клектомъ вольныхъ два крыла.
Не увидитъ самарянинъ гордаго орла.

Будетъ ночь, взметнется буря, вихрь пустынь заплачетъ—
Тамъ не быстрый самарянинъ на конѣ проскачетъ.

На горахъ пастушья пѣсня зазвенитъ съ зарей,
Но внимать не самарянинъ будетъ пѣснѣ той.

Будетъ вечеръ—свѣтъ и сумракъ. Внуку въ назиданье
Передастъ не самарянинъ древнее сказанье.

Сядетъ дѣвушка на камнѣ. Загруститъ она,
Но увы, не самарянинъ грусти той вина.

Въ зимній дождь покроетъ горы мракъ фатой широкой,
Будетъ домъ стоять промокшій въ скорби одинокой.

Налетѣвъ, открытой дверью вѣтеръ застучитъ.
Жалобно коза проблеетъ, птица прокричитъ.

Лѣтомъ—пышный виноградникъ вѣтви опускаетъ.
Не споетъ въ немъ виноградарь, ножъ не засверкаетъ.

Гроздья вытопчетъ шакаловъ яростная стая,—
Ихъ не встрѣтитъ самарянинъ, лукъ свой напрягая.

Отзвукъ пѣсни самарянской не замретъ межъ горъ.
Никогда ужъ не увидитъ человѣка взоръ,

Какъ счастливый самарянинъ дѣвушку цѣлуетъ,
Какъ тяжелый мечъ свой точитъ, какъ порой тоскуетъ...

Вотъ, онъ бродитъ, спотыкаясь, отъ скалы къ скалѣ.
Онъ послѣдній. Тайна смерти на его челѣ.

Изъ ущелій потаенныхъ всходитъ сумракъ синій.
Письмена столѣтій меркнутъ на пескахъ пустыни.

Владиславъ Ходасевичъ.

1906.

ИЗЪ ЦИКЛА «ОТЪ МОРЯ ДО МОРЯ».

Дождь идетъ все ровнѣй, неизмѣннѣй.
Тину гонитъ струенье теченій.
Кряжъ чернѣетъ во мглѣ отдаленій,
Скрытый облакомъ въ дремѣ своей.
Здѣсь, въ порту, словно въ страхѣ погони,
Мчатся ослики, люди и кони,
Бьются волны въ скалистомъ затонѣ...
Пѣснь араба и шумъ кораблей.

Слышу пѣсню араба слѣпого:
«Ахъ, за всѣхъ васъ молитвенно слово
Молвлю въ Меккѣ, въ Мединѣ я снова.
Сжальтесь, братья, тяжка мнѣ судьба!»
— Братъ недужный, даянье прими ты,
Но молитвы пути мнѣ закрыты,
Мнѣ въ Пророкѣ не будетъ защиты,—
Тщетны просьбы, напрасна мольба!—

Мраченъ портъ въ бурѣ хмураго гуда...
Тамъ—упавшаго вижу верблюда...
Шумъ—къ чему? Трудъ—онъ посланъ откуда?..
У верблюда смыкается взглядъ,
Въ пѣнѣ пасть... Не родныя ли страны
Вспомнилъ онъ, гдѣ ревутъ ураганы,
Гдѣ простерты песковъ океаны?..
Тучи мутныя капли струятъ.

Ты, верблюдъ! Ты, молельщикъ безокій!
Что безродному мчаться далеко?
Что молиться, не вѣря въ Пророка?
Духъ молитвы отъ сердца далекъ.
Нѣтъ спасителя, близкихъ не стало,
Сердце рваться къ истокамъ устало,
На грядущемъ—тоски покрывало,
Въ путь иду я всегда одинокъ.

Туча темная небо покрыла.
Кормчій, кормчій, раскрой же вѣтрила,
Пусть валовъ закипающихъ сила
Насъ отъ гавани прочь унесетъ!
Гдѣ туманъ, гдѣ сгущаются тучи,
Гдѣ валы подымаются круче—
Пламень сердца потухнетъ, съ пѣвучей
Ширью бурь бурю духа сольетъ.

К. Липскеровъ.

1910.

СФИНКСЫ.

Эта полночь полна волшебства.
Мраморъ зданій сіяньемъ облитъ,
И во снѣ безпокойномъ Нева
Плещетъ въ черный, недвижный гранитъ.
И встаютъ средь ночной синевы
Два гиганта—два Сфинкса у водъ...
Тихо слушаютъ ропотъ Невы.
Бѣлый Сѣверъ имъ пѣсню поетъ.

Я иду къ нимъ въ сіяньи нѣмомъ,
Въ царствѣ бѣлыхъ волнующихъ чаръ.
Городъ спитъ, отягченный грѣхомъ,
И во снѣ его душитъ кошмаръ.
Надъ дворцами застыли рои
Легкихъ тучекъ—лазурныхъ, какъ ледъ.
Вотъ изгнанники—братья мои—
Сфинксы дремлютъ у сѣверныхъ водъ.

Изъ пылающей зноемъ земли,
Изъ родныхъ африканскихъ пустынь,
Сфинксовъ нѣкогда въ даръ привезли
Въ край снѣговъ и гранитныхъ твердынь.
Словно въ саванѣ, мертвеннымъ сномъ
Спятъ гиганты въ туманные дни.
Лѣтомъ, въ блѣдномъ сіяньи ночномъ,
Пробудясь, оживаютъ они.

Въ часы, когда шумъ умираетъ, и внятенъ языкъ сновидѣнья,
И бродятъ въ таинственномъ блескѣ мечтанья и мысли безъ слова,
Когда на просторъ вылетаютъ рои обнаженныхъ томленій
И міра душа на свободѣ—и ткетъ бытіе свое снова;

Въ часы, когда бродятъ олени съ печалью и жаждой во взглядѣ,
Купаясь въ холодномъ сіяньи, по чащамъ пустыннаго края,
И лебеди плаваютъ стройно по тускло-сверкающей глади—
И тянутся въ бездну изъ бездны—и дремлютъ, очей не смыкая,—

Душа возвращается къ сфинксамъ,—нездѣшняго міра жилица.
Гиганты глядятъ изумленно, мечтая о дняхъ позабытыхъ.
И видъ ихъ могучъ и несчастенъ... И мощь и безсилье таится
Въ глубокой и сумрачной тайнѣ очей неподвижно раскрытыхъ.

Но вотъ содрогаются оба и—страшные, полные силы,
Встаютъ со скалистаго ложа. Ихъ мускулы въ лунномъ сіяньи
Дрожатъ напряженно. Какъ струны, натянуты крѣпкія жилы.
Мгновенье,—и ночь замираетъ, тая отъ испуга дыханье...

Срываются гнѣвные сфинксы съ недвижныхъ своихъ пьедесталовъ
Легко—какъ видѣнья...
И вотъ они, вольные, скачутъ средь темныхъ, пустынныхъ кварталовъ.
Мгновенье—
Ихъ яростный крикъ раздается, пугая просторы ночные.
То ропотъ, то крикъ возмущенья:
«О бойтесь, живые!..»

«Мы два великана пустыни, два стража покоя.
Намъ ноги палили пески раскаленной равнины.
И дни расточали намъ больше сіянья и зноя,
Чѣмъ вамъ расточали столѣтья, о хладныя льдины!

«У насъ на груди ураганы пустыни играли,
Гудѣли намъ въ уши мятежныя, гнѣвныя рѣчи.
Къ намъ аспиды льнули. Къ намъ въ гости орлы прилетали
И когти точили о наши скалистыя плечи.

«О горе вамъ, горе! Съ горячаго ложа родного
Вы въ сѣверный край унесли насъ—туманный, холодный.
На насъ вы надѣли зимы ледяные оковы
И въ снѣжныхъ сугробахъ гасили огонь нашъ свободный.

Но тщетно, тираны!

Вѣками, вѣками
Въ могучей груди собирали мы пламя...
Какъ почва изсохшая—влагу ключей,
Мы пили безсмертное пламя лучей!
Донынѣ огонь нашъ мы прячемъ въ изгнаньи,
Но близится время. Придетъ воздаянье...

О страшное время! Не будетъ пощадъ.
И если, тираны, для насъ вы доселѣ
Насмѣшекъ своихъ и плевковъ не жалѣли,—
Слюна превратится въ губительный ядъ

И кровь въ вашихъ жилахъ наполнитъ отравой.
Вы сгинете въ мукахъ, умрете безъ славы...
Возстанутъ титаны, творящіе судъ,
Возстанутъ для мести—и міръ потрясутъ!»

Ночь, какъ прежде, полна волшебства.
Просыпаюсь у сфинксовъ—въ тѣни.
Но душа ихъ тускла и мертва...
Смотрятъ, дремлютъ, скучаютъ они...
Прижимаюсь горячимъ челомъ
Къ нимъ, остывшимъ въ ночные часы.
И сливаю въ молчаньи глухомъ
Слезы—съ каплями свѣтлой росы...

Что съ востокомъ?.. Раскинутый рой
Голубыхъ, словно ледъ, облаковъ
Вдругъ покинулъ привалъ свой ночной
Надъ верхушками спящихъ дворцовъ—
И поспѣшно туда улетѣлъ,
Гдѣ нежданно востокъ заалѣлъ...

И до цѣли доплывъ, облака
Разметались, зардѣлись слегка,—
Словно первая жертва—Зарѣ
На ея золотомъ алтарѣ...
Городъ дремлетъ Зарей освѣщенъ,
Не разсѣялъ онъ призрачныхъ чаръ.
Онъ бормочетъ и стонетъ сквозь сонъ...
Давитъ грудь его грѣшный кошмаръ.
Пробудились лачуги сперва...
Сонъ дворцовъ неизмѣнно глубокъ.
Запылала пожаромъ Нева.
Чешетъ кудри ея вѣтерокъ.
Бѣлый парусъ, багрянцемъ облитъ,
Разсѣкая туманы, скользитъ...

Ухожу, чтобъ замкнуться опять
Гдѣ-то—въ комнатахъ тѣсныхъ въ тиши...
Я прилягу—и будемъ мы спать:
Я—и грезы, видѣнья души,
До поры, когда вечеръ сойдетъ,—
Бѣлый вечеръ въ чужомъ мнѣ краю...

С. Маршакъ.

1910.

НА РѢКѢ КВОРЪ.

И я среди переселенцевъ на рѣкѣ Кворъ.

Iезекiиль. I, 1.

То было мѣсяца начало:
Ниссонъ переходилъ въ Адоръ.
Холодный вѣтеръ вѣялъ съ горъ.
Дрожала вѣтвь, въ окно стучала,
Прося прiюта у людей,
Храня побѣги молодые,
Какъ мать, родящая впервые...
А вѣтеръ дулъ, гонясь за ней...
На западѣ, сквозь дымку тьмы,
Тускнѣя, мѣдь еще сiяла
И хладнымъ свѣтомъ обливала
Чужiе, черные холмы...
И съ холодомъ въ душѣ пустынной
Смотрѣлъ я: неподвиженъ Кворъ...
Тянулся молча вечеръ длинный,
Ниссонъ переходилъ въ Адоръ...
Со всѣми, кто ушелъ въ скитанье,
Бреду и я въ чужой просторъ.
Луна, блѣднѣя, льетъ сiянье
На спящiй мiръ, на тихiй Кворъ...
Подъ круглой, мертвенной луной
Бѣлѣетъ чайка безъ движенья,

И два крыла въ оцѣпенѣньи
Мерцаютъ мертвой бѣлизной.
Трупъ чайки по рѣкѣ плыветъ!
На вѣки! Не сверкнутъ зарницы,
Волна, запѣнясь, не плеснетъ!
Навѣки!.. Я смотрю впередъ:
Бѣлѣя, по рѣкѣ плыветъ
Лишь чайки трупъ, трупъ легкой птицы!
Со всѣми, кто ушелъ въ скитанье,
Бреду и я въ чужой просторъ, —
И безъ конца, безъ упованья
Твой вѣчный берегъ длится, Кворъ!
Безжизненно, беззвучно годы
Проходятъ, быстро дни летятъ,—
По гравію не шелестятъ
Твои медлительныя воды...
А сверху бѣлая луна,
Не падая, не подымаясь,
Виситъ. Давно мертва она.
И вдругъ я понялъ, содрогаясь:
Мы всѣ мертвы! Здѣсь нѣтъ живого!
Куда идемъ и для чего?
Довольно звука одного,
Довольно оклика ночного —
И все исчезнетъ отъ него,
Растаетъ, какъ ночная мара...
Но тщетно я кричать хотѣлъ:
Мой голосъ умеръ... Я смотрѣлъ:
Тамъ мертвецы, за парой пара,
Идутъ, идутъ... И черный Кворъ
Не зыблется межъ черныхъ горъ.

Владиславъ Ходасевичъ.

1913.

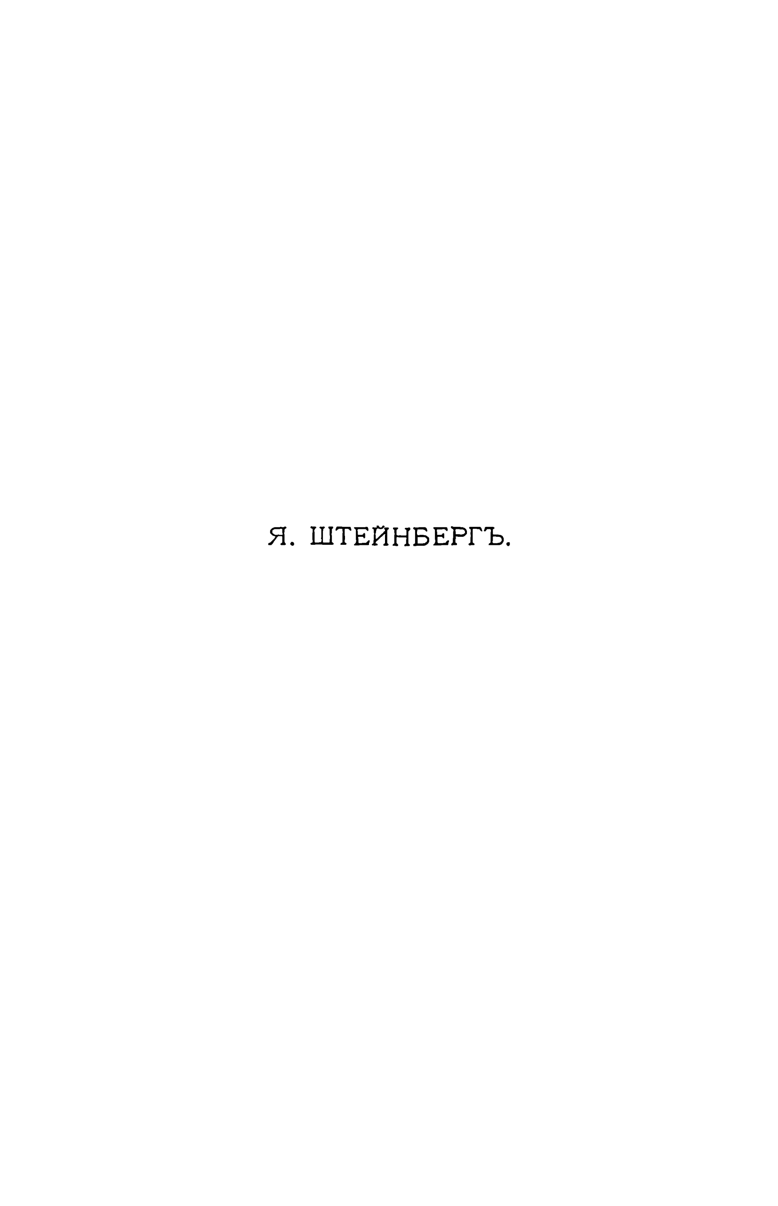
Зловѣща ночь. Въ смятеньи, въ страхѣ, въ мукѣ
Стволы деревъ, скрипя, сгибаютъ станъ:
Все гуще мракъ, и близокъ ураганъ,—
Но держатъ ихъ корней глубокихъ руки.

Зловѣща ночь. Несутся сонмы тучъ,
Какъ крейсера, въ которыхъ свѣтъ потушенъ;
Покровъ небесъ безмолвенъ, черенъ, душенъ:
Въ немъ ни луны, ни звѣздъ не блещетъ лучъ.

Зловѣща ночь. Дверь настежь. До разсвѣта
Я жду... Кого? Не братьевъ, не друзей...
Томлюсь... По комъ? Въ зловѣщей ночи сей
Душа молчитъ и не даетъ отвѣта.

1917.

О. Румеръ.

Я. ШТЕЙНБЕРГЪ.

Яковъ Штейнбергъ родился въ 1886 году въ Бѣлой Церкви, Кіевской губерніи. Первый сборникъ его стихотвореній «Schirim» («Пѣсни»), вышелъ въ 1906 году (изд. Явне).

Въ 1910 году вышелъ сборникъ «Ssefer hassatiroth» («Книга сатиръ»), и въ томъ же году сборникъ «Ssefer habdiduth» («Книга одиночества»).

Штейнбергъ писалъ также на разговорно-еврейскомъ языкѣ.

Въ настоящее время Штейнбергъ находится въ Палестинѣ.

На своемъ огромномъ ложѣ
Дремлютъ грозовыя тучи.
Ахъ, умчалъ бы ихъ за море
Налетѣвшій вѣтръ могучій!

Иль упасть бы имъ и ливнемъ
Пронизать корабль и снасти!
Мы бы съ жадностью прильнули
Къ чашѣ ихъ гнѣвливой страсти.

Но хранятъ молчанье тучи,
Спятъ и не хотятъ проснуться...
Вѣтра нѣтъ; въ оцѣпенѣньи
Паруса не шелохнутся.

О. Румеръ.

Томленьями душа моя полна!
Брожу ли я по шумнымъ стогнамъ града,
Гдѣ жалкое людей толпится стадо,
Иль ночи дома провожу безъ сна,
Когда, какъ мать, ласкаетъ тишина,—
Всегда, вездѣ со мной мои томленья:
Мнѣ неземныя грезятся селенья,
И я съ тоской гляжу на всѣ пути,
Въ раздумьи, по какому мнѣ итти,
Какой сулитъ мечтаньямъ воплощенье...
Есть, есть иная жизнь! Порукой—сонъ.
Не здѣсь, такъ есть она въ иномъ предѣлѣ,
Не нынѣ, такъ придетъ она... Ужели
Мой сонъ—обманъ? Тогда откуда онъ?
Кто душу мнѣ воспламенилъ томленьемъ,
Зачѣмъ на человѣка съ возмущеньемъ
И въ то же время съ нѣжностью гляжу?
Кто для меня облекъ его красою,
Чтобъ ангеломъ предсталъ онъ предо мною?
Я въ поискахъ по всѣмъ путямъ брожу,
И вѣра въ жизнь—моя звѣзда въ пустынѣ
Моихъ томленій и моихъ уныній.

О. Румеръ.

И. КАЦЕНЕЛЬСОНЪ.

Ицхакъ Каценельсонъ родился въ 1886 году въ Карелицахъ, Минской губерніи. Въ 1909 году вышла его книга «Bigwuloth Lito» («Въ предѣлахъ Литвы»). Въ 1910 году вышло въ изд. «Тушія» въ двухъ выпускахъ собраніе его стихотвореній подъ названіемъ «Dimdumim» («Сумерки»).

Каценельсонъ писалъ также пьесы и много работалъ для созданія театра на еврейскомъ языкѣ.

Сборникъ его стихотвореній появился также на разговорно-еврейскомъ языкѣ.

Въ пламя солнце погрузилось,
Дымно день мой догараетъ,—
Умерла моя надежда,
Съ нею сонъ мой угасаетъ.

Будетъ ночь моя нѣмою,
Ничего не дастъ, не скажетъ,—
И печаль моя безмолвна,
И молчанье сердце свяжетъ.

Завтра снова міръ проснется,
Весь омытъ въ дневномъ сіяньи,
А печаль безсмертна въ сердцѣ,
Нескончаемо стенанье.

Ѳедоръ Сологубъ.

РОДИНА.

Положи ты руки на глаза мнѣ,
Семь разъ быстро-быстро закружи...
«Гдѣ теперь страна твоя?» скажи—
И къ Востоку протяну я руку.

Какъ нѣжна рука твоя, подруга!
Кружится и никнетъ голова,
На ногахъ стою едва-едва,—
Но Востокъ—вонъ тамъ! Смотри же: тамъ онъ!

Ты, сестра, ждала, что ошибусь я,
Что на Западъ промѣняю я
Мой Востокъ и что рука моя
Югъ тебѣ укажетъ или Сѣверъ.

Милая, ты любишь эти страны?
Эти страны нравятся и мнѣ.
Но въ отвѣтъ на зовъ къ родной странѣ
Ты зачѣмъ мнѣ говоришь о чуждыхъ?

Вотъ, представь, что ты въ моихъ объятьяхъ,
Что молитвенно душа твоя
Льнетъ ко мнѣ—но непрестанно я
Восхваляю женщину другую.

Я еще страны моей не видѣлъ,
Но когда бъ къ моимъ роднымъ полямъ
Былъ я вдругъ перенесенъ—я тамъ
Ничего бъ нежданнаго не встрѣтилъ.

Знаю я, когда сегодня солнца
Изъ-за горъ проглянетъ первый лучъ,
И когда края скалистыхъ кручъ
Заблестятъ вечерними огнями.

Знаю я, когда тамъ ливни льются,
И когда прозрачны небеса,
И когда цвѣты поитъ роса
Въ тихой расцвѣтающей долинѣ.

Милая! Спроси—и я отвѣчу,
Много ль было меду въ этотъ годъ,
Сколько молока теперь даетъ
Тучный скотъ на пастбищахъ Басана.

Погляди: тамъ пыль столбомъ клубится.
Съ Гилеада сходитъ стадо козъ...
Влажный вѣтеръ тайну мнѣ принесъ:
Ихъ пастухъ одинъ въ горахъ остался.

Слыша въ скалахъ голосъ: «Милый, милый!»—
Зналъ пастухъ: его тамъ дѣва ждетъ.
Дойныхъ козъ онъ отослалъ впередъ
И въ горахъ остался со свирѣлью:

Ночи тамъ, въ странѣ моей, прохладны.
Если бы не дѣвушки тѣхъ горъ,
Не огонь ихъ устъ, не жгучій взоръ—
Ночевать въ горахъ пастухъ не сталъ бы.

Можетъ быть, я завтра же уѣду.
Но, покинувъ здѣшніе края,

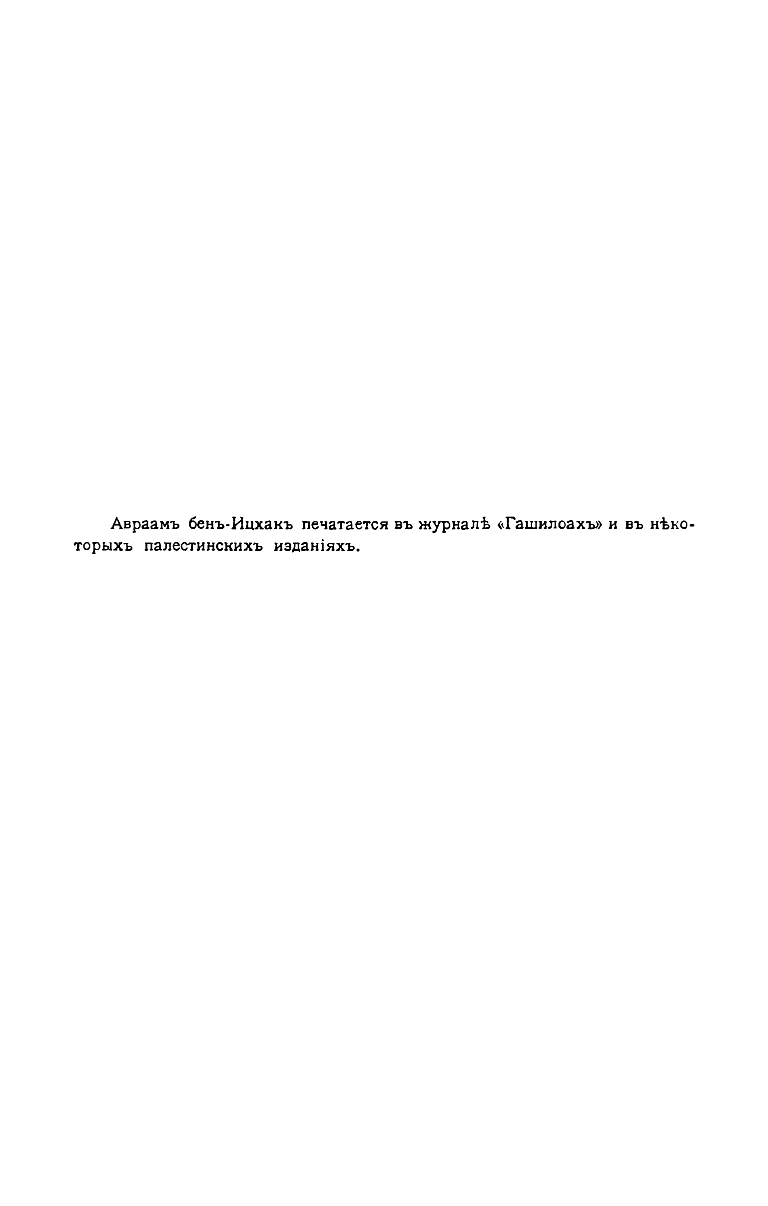
Навсегда про нихъ забуду я —
И забвенью сердце будетъ радо...

Можетъ быть, разстанемся мы завтра.
Милый другъ, чтобъ памятной мнѣ быть,
Чтобъ не могъ я и тебя забыть —
Мнѣ пиши въ страну мою родную.

Ф. Масловъ.

АВРААМЪ БЕНЪ-ИЦХАКЪ.

Авраамъ бенъ-Ицхакъ печатается въ журналѣ «Гашилоахъ» и въ нѣкоторыхъ палестинскихъ изданіяхъ.

ЭЛУЛЪ ВЪ АЛЛЕѢ[1].

Свѣтъ воздушный,
Свѣтъ прозрачный
Палъ къ моимъ стопамъ.

Тѣни мягко,
Тѣни томно
Льнутъ къ сырымъ тропамъ.

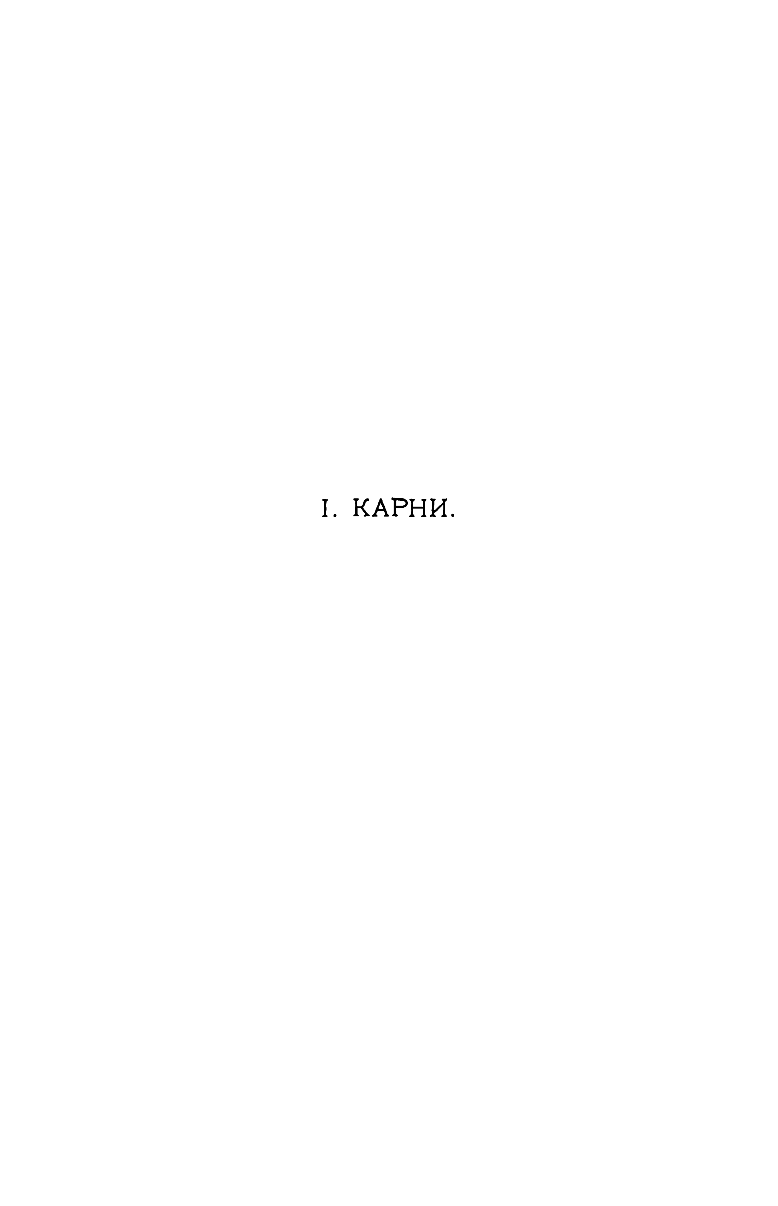
Въ обнаженныхъ
Вѣткахъ вѣтеръ
Протрубилъ
Въ свой рогъ...

Листъ послѣдній,
Покружившись,
На дорожку
Легъ.

Владиславъ Ходасевичъ.

---

[1]) Элулъ—осенній мѣсяцъ, соотвѣтствующій приблизительно сентябрю.

I. КАРНИ.

Іегуда Карни (I. Воловельскій), родомъ изъ Пинска, началъ печататься въ 1907 году. Стихотворенія его появились въ журналахъ «Гаоламъ» и «Гашилоахъ».

Другъ далекій, другъ печальный,
Ты приди, взгляни:
Наступили слишкомъ рано
Увяданья дни;

Цвѣтъ надежды, не расцвѣтши,
Въ дни весны отцвѣлъ,
Жизнь уныла, какъ грозою
Опаленный стволъ.

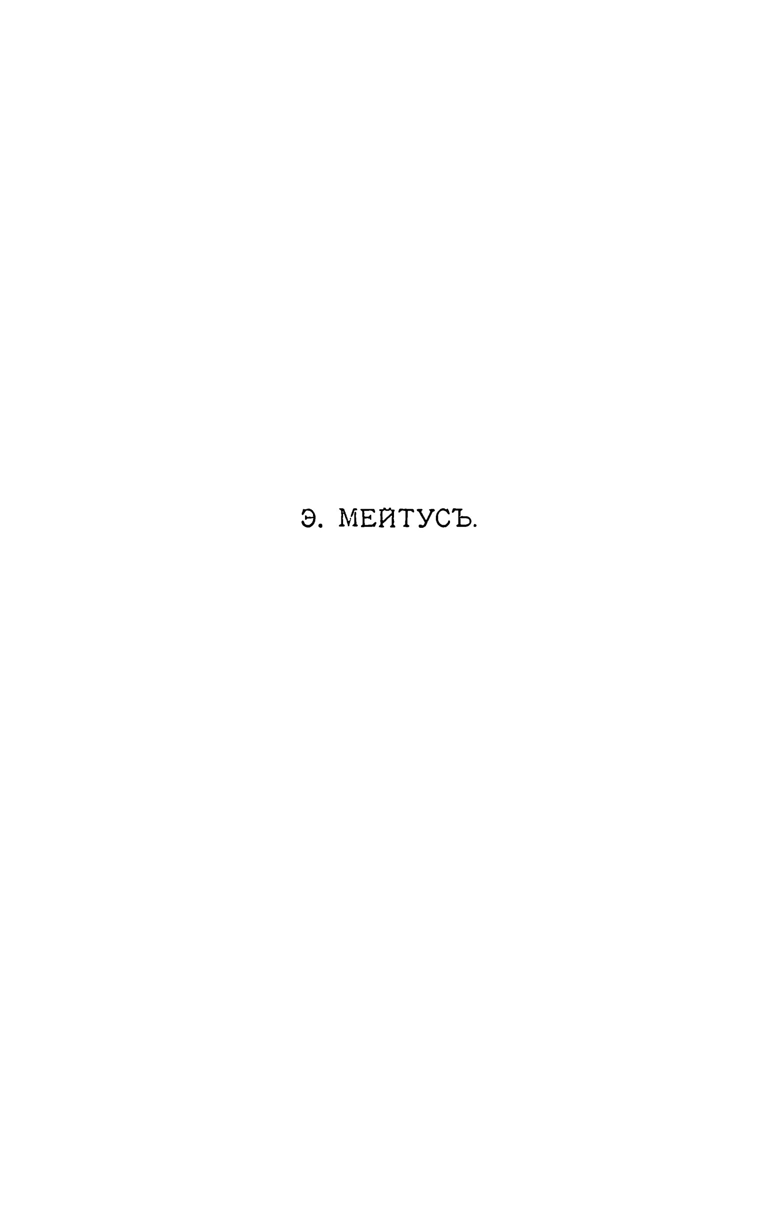
Но не сѣтуй: я не первый
До поры угасъ;
Я не первый жилъ и плакалъ
Въ угасанья часъ...

И никто не пожалѣетъ
О моей веснѣ...
Другъ далекій, другъ печальный,
Вспомни обо мнѣ!..

Л. Бендовъ.

Когда, освятивъ себя, отрокъ къ замку на дверяхъ прикоснулся,
Чтобъ милую нѣжнымъ почтить и покорнымъ привѣтомъ,—
Онъ весь измѣнился! Онъ словно проснулся!
Лицо невечернимъ пронизано свѣтомъ:
Молитву о милой онъ тихо вознесъ у порога.
И какъ преклоняетъ колѣна священнослужитель,
Свершая молитву во храмѣ единаго Бога,
Такъ отрокъ, войдя въ пресвятую обитель,
Съ молитвой: «Твоими лучами
Зажги меня, Боже!» упалъ на колѣни
И всталъ, лишь когда протянулись вечернія тѣни,
И дланью незримой замкнулись ворота во храмѣ.
И долго еще онъ хранитъ въ ясновидящемъ взорѣ,
Изъ храма уйдя, его обликъ далекій;
А образъ любимой въ священномъ притворѣ
Не меркнетъ и ночью глубокой.

О. Румеръ.

Э. МЕЙТУСЪ.

Эліагу Мейтусъ родился въ Кишиневѣ. Стихи его печатались въ «Гаоламѣ», «Гашилоахѣ» и въ различныхъ сборникахъ. Въ настоящее время Мейтусъ живетъ въ Одессѣ.

НОЧЬЮ.

Крылья тьмы простерла высь;
Звѣзды тихія зажглись;
Ихъ лучи переплелись
    Въ сѣти сновидѣній.

Миръ на лоно ночи легъ;
Тѣнь цѣлуетъ тѣнь, и Бо
Шествуя, земныхъ дорогъ
    Тишь благословляетъ.

Тайный голосъ слышу я:
«Спитъ любимая твоя,
И въ волшебные края
    Сонъ ее уноситъ.

Блещетъ мраморъ плечъ нагихъ,
Щеки въ пламени, и съ нихъ
Шепчутъ розы: о, женихъ,
    Подойди къ невѣстѣ!

Обними!—вздыхаетъ грудь;
Наклонись къ устамъ прильнуть!—
Манитъ сонная, чуть-чуть
    Внятная улыбка».

Смолкло все... Ни звука нѣтъ;
Звѣзды льютъ златистый свѣтъ,
И на всемъ—чудесный слѣдъ
    Божьей благодати.

О. Румеръ.

1911.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ЛИСТОПАДА.

I.

О, тихая, тихая грусть умиранья
Въ прохладѣ осенней!
На лиственномъ ложѣ, въ чертогѣ молчанья,
Окутано въ тѣни,
Кончается лѣто.

На ликъ его смуглый струится изъ чащи
Свѣтъ тихій, печальный;
И славитъ напѣвъ, погребально звучащій,
День скорбный, прощальный
Увядшаго лѣта.

И солнце послѣднимъ, лучи́стымъ потокомъ
Его озаряетъ;
И небо лазурнымъ, но сумрачнымъ окомъ
Сквозь сучья взираетъ
На мертвое лѣто.

О. Румеръ.

II.

Проносится листьевъ шуршащая стая,
Тихонько слетая
Въ потоки молчанья.
То золото меркнетъ съ шептаньемъ несмѣлымъ
Въ саду опустѣломъ.

И вздохъ словно съ вѣтки на вѣтку сбѣгаетъ,
На землю спадаетъ—
И слабы стенанья,—
То вѣтви парятъ поцѣлуемъ скользящимъ
По листьямъ дрожащимъ.

И пурпуръ, пылая, течетъ по дубравамъ,
Ложится по травамъ;
Въ аллеяхъ—сіянья;
Но пусто. Лишь трепеты ропотовъ дальныхъ—
Отзвучій печальныхъ.

Юрій Верховскій.

1912.

А. ФАЙЕРШТЕЙНЪ.

Авигдоръ Файерштейнъ родомъ изъ Венгріи. Сборникъ его стихотвореній вышелъ въ 1912 году въ Будапештѣ, въ изданіи венгерской сіонистской организаціи. Въ настоящее время Файерштейнъ находится въ качествѣ военноплѣннаго въ Россіи.

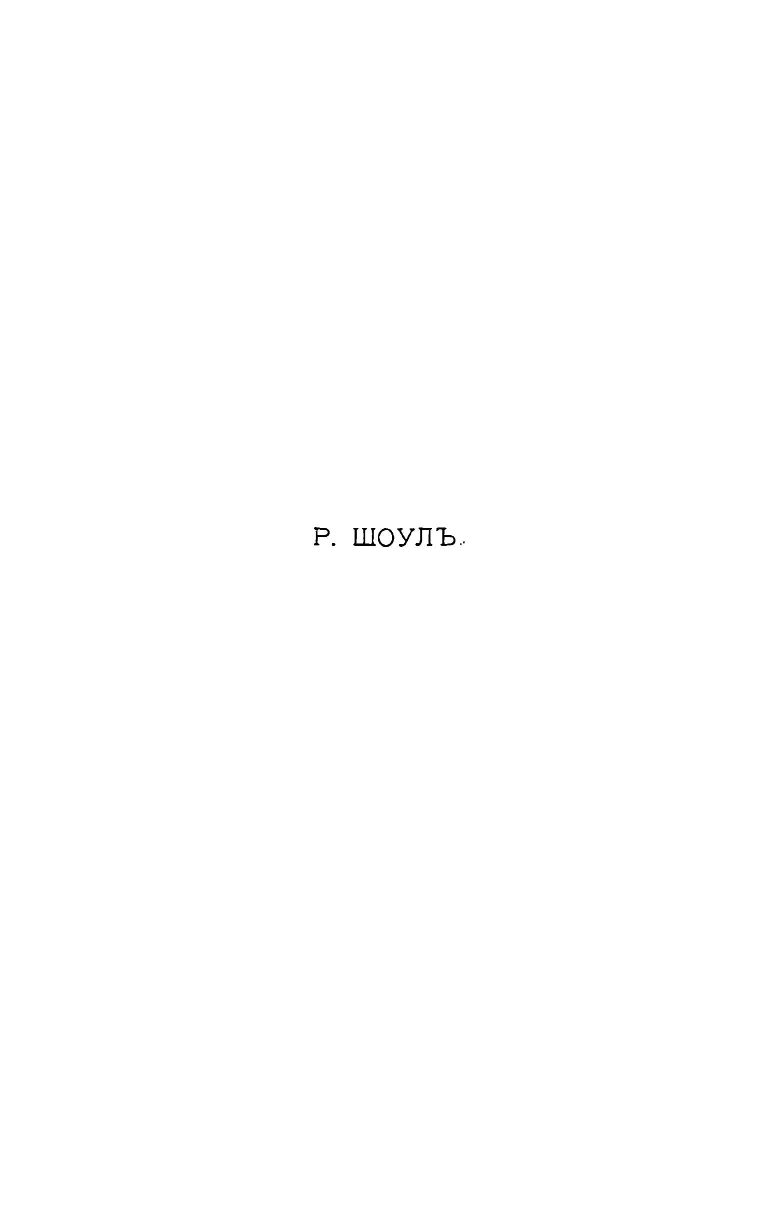
За каплю крови древней и упорной,
За жаръ, горѣвшій у отца въ крови,—
Жаръ сердца моего благослови,
Омытаго росою животворной.

За взглядъ одинъ, въ душѣ запечатлѣнный,
За взглядъ безгрѣшныхъ материнскихъ глазъ,—
Благослови упавшіе на насъ
Лучи зари и благости нетлѣнной.

За пѣснь мою, неспѣтую донынѣ,
За пѣсню тайны и блаженныхъ мукъ,—
Благослови народной пѣсни звукъ,
Простершей крылья къ солнечной вершинѣ.

За лучъ одинъ—наслѣдіе былого,
За искру отъ священныхъ вѣчныхъ книгъ,—
Благослови надеждъ живой родникъ
И вѣсть о жизни творческой и новой.

Л. Я.

Р. ШОУЛЪ.

Стихотворенія Р. Шоула (Шоула Ротблата) начали появляться въ 1912-мъ году въ газетѣ «Гаоламъ» и затѣмъ въ журналѣ «Гашилоахъ».

Въ первый годъ войны Р. Шоулъ покончилъ съ собою на 21-мъ году жизни, въ припадкѣ меланхоліи. Собраніе его стихотвореній подготовляется къ печати близкими друзьями покойнаго.

Ты мнѣ мачеха, природа
Въ дни весны, не мать родная.
Сонъ полей меня не нѣжилъ,
Не ласкала глушь лѣсная.

Не въ твоихъ объятьяхъ росъ я,
Сынъ больного поколѣнья.
Камни стѣнъ взрастили душу,
Воспитали дни лишенья.

Духъ въ борьбѣ, въ нуждѣ, въ желѣзномъ
Одиночествѣ слагался,
И въ отвѣтъ моимъ томленьямъ
Хохотъ камня раздавался.

И во дни весны, природа,
Я къ тебѣ пришелъ, рыдая,—
Скрыть лицо въ твоихъ объятьяхъ,
Губы до крови кусая.

Ты лицо ко мнѣ склонила,
Смотришь нѣжно, свѣтлооко.
Эту душу, дочь напастей,
Дивно нѣжитъ пѣснь потока.

Но твой свѣтлый обликъ—чуждъ мнѣ,
То, что лѣсъ поетъ,—невнятно;
Твой восторгъ непостижимъ мнѣ,
Скорбь твоя мнѣ непонятна.

Духъ мой мраченъ, духъ мой раненъ;
Онъ томится молчаливо...
Выйди съ бурей мнѣ навстрѣчу,
Встрѣть, какъ мачеха, ревниво,

Брось меня, чтобъ не сквернилъ я
Чистоту твоей лазури:
На своемъ пути пустынномъ
Пусть мой духъ блуждаетъ въ бурѣ!

Валерій Брюсовъ.

«Я слезъ молю, я жажду слезъ,
Душѣ несущихъ исцѣленье...»
Не вѣрь ему: его душа
Не ждетъ слезы и утѣшенья;

Лишь на устахъ и гнѣвъ и боль,
И звукъ молитвъ его печаленъ,
Но сердце дряхло и мертво,
И въ мертвомъ сердцѣ міръ развалинъ.

Порой отъ боли онъ кричитъ,
Безсильно корчась подъ цѣпями,—
Не вѣрь ему—былой напѣвъ
Онъ вторитъ мертвыми устами...

Л. Я.

СОДЕРЖАНІЕ.

С. ЧЕРНИХОВСКІЙ.

Я. КАГАНЪ.

Я. ФИХМАНЪ.

З. ШНЕУРЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «САФРУТЪ»

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ.

I. У РѢКЪ ВАВИЛОНСКИХЪ. Національно-еврейская лирика въ міровой поэзіи. Сост. Л. Б. Яффе. Обложка работы Л. Лисицкаго. Цѣна 10 р.

II. М. М. МАРГОЛИНЪ. Основныя теченія въ исторіи еврейскаго народа. Этюдъ по философіи исторіи евреевъ. Цѣна 1 руб.

III. Д. С. ПАСМАНИКЪ. Судьбы еврейскаго народа. Проблемы еврейской общественности. Цѣна 6 руб., въ коленкор. перепл. 10 руб. Отдѣлы: 1) Введеніе. 2) Логика еврейской общественности. 3) Соціальное состояніе современнаго еврейства. 4) Эмиграція. 5) Общественныя тенденціи въ современномъ еврействѣ: а) Ассимиляція, в) Автономизмъ въ діаспорѣ.Ц. 7 р. 50 к.

IV. СБОРНИКЪ «САФРУТЪ». Книга I. Содержаніе: Отъ редакціи. X. Н. Бяликъ—Галаха и Агада. С. Черниховскій—Завѣтъ Авраама. Идиллія, пер. Вл. Ходасевича. Мартинъ Буберъ—О еврейскомъ миѳѣ. С. Маршакъ—Іерусалимъ, стихотвореніе. Андрей Соболь—Встань и иди, разсказъ. X. Гринбергъ—Борьба за національную индивидуальность. З. Шнеуръ—Въ горахъ. Глава изъ поэмы, пер. С. Маршакъ. С. Ан—скій—Встрѣча, сказаніе. С. Гепштейнъ—Пути еврейской революціи. X. Н. Бяликъ—Я зналъ, въ глухую ночь, пер. Ѳ. Сологуба. Баалъ-Махшовесъ—Менделе Мойхеръ Сфоримъ. М. Марголинъ—Сіонизмъ и культура. Б. Гольдбергъ—На пути къ еврейской государственности. Эдуардъ Бернштейнъ—Изъ моей жизни. И. Чериковеръ—Къ психологіи еврейской общественности въ Америкѣ. М. Ярблюмъ—Современное французское еврейство. X. Тадиръ—Мессія-отступникъ. Обзоры и замѣтки. Цѣна 7 р. 50 к.

V. АРТУРЪ РУПИНЪ. Евреи нашего времени. Авторизованный пер. X. Гринберга. Отдѣлы: 1) Ассимиляція въ качествѣ постоянной угрозы діаспоральному еврейству. 2) Причины усиленной ассимиляціи въ настоящее время. 3) Отдѣльныя фазы ассимиляціоннаго процесса. 4) Антисемитизмъ и ассимиляція. 5) Основы еврейскаго націонализма. 6) Цѣли еврейскаго націонализма. Сіонизмъ. Цѣна 7 р. 50 к.

VI. СБОРНИКИ «САФРУТЪ» Книга II. Къ двадцатилѣтію перваго сіонистскаго конгресса въ Базелѣ. Содержаніе: Л. Я.—1897—1917. Максъ Нордау—Двадцать лѣтъ сіонизма. М. Гликсонъ—За двадцать лѣтъ. І. Клауэнеръ—День рожденія еврейской политики. Н. Соколовъ—Двадцать лѣтъ спустя. И. Зангвиль—Мечты и дѣйствительность. Гр. Бѣлковскій—Къ исторіи созыва перваго конгресса. І. Бухмиль—Подготовка перваго конгресса. Бенъ-Ами—Герцль и первый конгрессъ. Баалъ-Махшовесъ—Студентъ на первомъ конгрессѣ. Н. Бирнбаумъ—Сіонизмъ. Теодоръ Герцль—Русскіе евреи. М. Эренирейзъ—Теодоръ Герцль. X. Гринбергъ—Нордау—сіонистъ. Давидъ Вольфсонъ—Знамя и шекель. Максъ Нордау—Давидъ Вольфсонъ. Е. В. Членовъ—Памяти Давида Вольфсона. И. Зангвиль—Мечтатели гетто на I-омъ конгрессѣ. Л. Яффе—Германъ Шапиро. Г. З.—М. Е. Мандельштамъ. Л. Б.—Д-ръ К. Липпе. Почившіе участники

перваго конгресса. Предварительное приглашеніе на I-ый конгрессъ. Письмо герцля Мюнхенской общинѣ. Списокъ участниковъ I-го конгресса. Базельская программа. Dreamer—На праздникъ. Отъ редакціи. Иллюстраціи. Цѣна, 7 р. 50 к.

VII. ЕВРЕЙСКАЯ АНТОЛОГІЯ. Сборникъ молодой еврейской поэзіи, подъ редакціей В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе, съ предисловіемъ М. О. Гершензона. Цѣна 10 руб. На лучшей бумагѣ—16 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ.

VIII. СБОРНИКИ «САФРУТЪ». Книга III. При участіи С. М. Ан—скаго, Б. Д. Бруцкуса, Валерія Брюсова, Мартина Бубера, Ив. Бунина, Х. Н. Бялика, А. Гольдштейна, И. Гринбаума, Х. Гринберга, А. Дермана, С. М. Дубновой, Г. Ейвина, А. Д. Идельсона, А. Коральника, О. Румера, Вл. Ходасевича, И. Чериковера, А. Эфроса, М. Ярблюма. Стихотворенія Белика, Черниховскаго, разсказы Гнѣсина, Шофмана.

IX. АХАДЪ-ГААМЪ. Избранныя сочиненія. Вступительная статья М. Глилсона.

X. М. ФЕЙЕРБЕРГЪ. Собраніе сочиненій. Переводъ и вступительная статья А. М. Гольдштейна.

XI. С. А. АН—СКІЙ. У источника. Сказанія и легенды.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

XII. Х. Н. БЯЛИКЪ. Разсказы.

XIII. М. М. МАРГОЛИНЪ. Профетизмъ, іудаизмъ и христіанство. Историко-философскій этюдъ.

XIV. Х. И. ГРИНБЕРГЪ. Iегуда Галеви. Литературно-психологическій этюдъ.

XV. А. М. ЭФРОСЪ. Плачъ Іереміи. Переводъ съ библейскаго историко-критическое изслѣдованіе и примѣчанія.

XVI. С. ЧЕРНИХОВСКІЙ. Стихотворенія, въ переводѣ на русскій языкъ.

XVII. Х. И. ГРИНБЕРГЪ. Исторія новоеврейской литературы.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ БРОШЮРЫ.

I. М. ЯРБЛЮМЪ. Сіонизмъ и міровая демократія. Цѣна 60 коп.

II. С. ТОЛКОВСКІЙ. Евреи и экономическое развитіе Палестины. Цѣна 1 руб.

Складъ изданій: Москва, Мясницкая, Юшковъ пер., д. 1, кв. 59.
Тел. 1-70-98.